

MILITARIA
ANTIQUA

ВСАДНИКИ В СВЕРКАЮЩЕЙ БРОНЕ

MILITARIA ANTIQUA

В. А. ДМИТРИЕВ

ВСАДНИКИ В СВЕРКАЮЩЕЙ БРОНЕ

ВОЕННОЕ ДЕЛО САСАНИДСКОГО
ИРАНА И ИСТОРИЯ РИМСКО-
ПЕРСИДСКИХ ВОЙН

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

**MILITARIA
ANTIQUA**

XII

СЕРИЯ ОСНОВАНА В 2003 ГОДУ

ИДЕЯ СЕРИИ:

О. И. ТРОФИМОВА, В. П. НИКОНОРОВ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

**А. Н. КИРПИЧНИКОВ, Б. А. ЛИТВИНСКИЙ,
В. П. НИКОНОРОВ (ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР),
Ю. С. ХУДЯКОВ**

В. А. ДМИТРИЕВ

**«ВСАДНИКИ
В СВЕРКАЮЩЕЙ БРОНЕ»**

**ВОЕННОЕ ДЕЛО САСАНИДСКОГО ИРАНА
И ИСТОРИЯ РИМСКО-ПЕРСИДСКИХ ВОЙН**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ»
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2008**

УДК 355
ББК Ц35

*Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати
и массовым коммуникациям в рамках Федеральной
целевой программы «Культура России»*

В. А. Дмитриев. «Всадники в сверкающей броне»: Военное дело сасанидского Ирана и история римско-персидских войн. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2008. — 368 с. (Серия «Militaria Antiqua», XII).

Данная книга является уникальным событием в российской военно-исторической литературе. Впервые в отечественной историографии подготовлено исследование, в котором содержится комплексный, всесторонний и исчерпывающий анализ военного искусства и военной истории сасанидского Ирана — государства, сыгравшего ключевую роль в истории Евразии в целом и во взаимоотношениях Западной и Восточной цивилизаций — в частности.

На основе широкого круга источников и научной литературы автор подробнейшим образом рассматривает военное дело персов сасанидской эпохи во всех его аспектах: с точки зрения состава, организации, вооружения, технического оснащения персидской армии, стратегии и тактики ее действий. Отдельное внимание автор уделяет истории военно-политического противостояния Сасанидской державы и Римско-Византийской империи, в течение более чем пяти столетий (с первой половины III до середины VII вв.) определявшего геополитическую ситуацию на Ближнем и Среднем Востоке. В увлекательной, захватывающей форме книга повествует обо всех перипетиях борьбы двух крупнейших держав эпохи поздней античности за гегемонию в Передней Азии.

Это издание, несомненно, будет по достоинству оценено как специалистами, так и всеми, интересующимися историей военного искусства.

ISBN 5-85803-338-7

9 785858 033387

© В. А. Дмитриев, 2008

© «Петербургское Востоковедение», 2008

Зарегистрированная торговая марка

ВВЕДЕНИЕ

Сасанидский Иран являлся одной из ведущих держав Евразии в переломный период всемирной истории — в эпоху перехода от древности к средневековью. При этом историческая роль Сасанидского государства заключалась не только (а в долговременной перспективе — и не столько) в его борьбе за военнополитическое преобладание на Среднем Востоке и в Передней Азии, но и в том влиянии, которое Персидская держава оказала на своих соседей, в том числе — и на позднеантичный мир. Царство Сасанидов стало своего рода связующим звеном, посредством которого Запад и Восток взаимодействовали друг с другом во всех без исключения сферах общественной жизни. Кроме того, Персия сасанидской эпохи была, образно выражаясь, призмой, через которую позднеантичный мир воспринимал всю восточную цивилизацию. Не случайно, что последний крупный римский историк Аммиан Марцеллин (IV в. н. э.) всю территорию к востоку от Евфрата называет «Персией» — настолько прочно в сознании римлян последних веков существования Римской империи весь восточный мир ассоциировался с сасанидским Ираном.

Одним из важнейших каналов влияния Персии на позднеантичный мир являлась военная сфера. Именно под воздействием сасанидского военного дела в римско-византийской армии произошли серьезные структурные изменения, повлекшие за собой глубокие перемены и в других областях общественной жизни. Речь, главным образом, идет о появлении в Поздней империи отрядов тяжеловооруженных всадников, созданных с целью эффективной борьбы с персидскими вторжениями в восточные провинции, организованных и вооруженных по персидскому же образцу. Это внешне чисто военное заимствование привело к важным системным изменениям в социальных, хозяйственных и других структурах позднего Рима и Византии: возникло особое военное сословие, представители которого несли службу в рядах тяжелой конницы. В западной части римского мира этот социальный слой в перспективе стал моделью для формирования рыцарства, являвшегося ядром всей феодальной системы западноевропейского средневекового общества. Похожие процессы происходили и в Византии, где при императоре Ираклии (610—641) они завершились возникновением фемной организации. С этого времени каждый византийский воин получал свой земельный надел, освобожденный от налогов и государственных повинностей, и сам оплачивал свое вооружение (кстати, и сама фемная реформа Ираклия явно была навеяна аналогичными мероприятиями сасанидского шаханшаха Хосрова Ануширвана (531—579), принятыми веком раньше). Естественно, что владения всадников были наиболее крупными, и именно они стали одним из важнейших элементов византий-

ского феодального землевладения в последующие столетия.

Безусловно, сасанидский Иран и сам многое заимствовал от Рима, в том числе и в военной сфере (достаточно вспомнить хотя бы активное использование персами осадной техники, что было не столь характерно для иранских армий предшествующего периода), однако восточный «ветер перемен» по своим последствиям был явно более сильным.

В первой части предлагаемой читателю работы исследуются различные стороны (состав и организация войска, вооружение и снаряжение, тактика и стратегия ведения боевых действий) военного дела Ирана сасанидской эпохи (первая половина III—середина V в.), проявившиеся, прежде всего, на западном театре боевых действий, где между Римской (позднее — Византийской) империей и Сасанидской державой шла почти непрерывная борьба за гегемонию в переднеазиатском регионе и основные события которой рассмотрены во второй части книги. Сюжеты, связанные с боевыми действиями персов в Средней Азии, специально нами не рассматривались, поскольку это предполагает в значительной степени иную источниковую базу, другие подходы к анализу отдельных аспектов развития военного дела у персов и в целом изучение весьма специфического исторического фона, на котором проявлялись особенности сасанидского военного искусства на восточных и северо-восточных границах Персии. Тем не менее во многих случаях для создания более полной картины в данной книге затронут и материал, касающийся «восточного фронта», с привлечением соответствующих источников.

Мне хотелось бы выразить особую благодарность и признательность тем людям, без которых не состоялась бы данная книга: своему Учителю Игорю Васильевичу Пьянкову — под его руководством мною была написана кандидатская диссертация и сделаны первые шаги в области науки; Валерию Павловичу Никонорову — за его неоценимое содействие в сборе материала, рекомендации по написанию книги и саму идею ее создания; Евгении Олеговне Русаковой, выполнившей иллюстрации к настоящему изданию, а также всем, кто оказывал мне помощь и поддержку во время работы над книгой.

ЧАСТЬ 1

ВОЕННОЕ ДЕЛО ПЕРСОВ В ЭПОХУ САСАНИДОВ

Армия и военное дело в сасанидском Иране могут быть охарактеризованы по следующим направлениям:

- состав и организация персидского войска;
- вооружение и оснащение персидской армии;
- тактика ведения боевых действий персидской армией;
- военная стратегия персов.

Состав и вооружение персидских войск на первое место поставлены нами не случайно. Именно эти две составляющие вооруженных сил Персии во многом определяли их боевые качества и, соответственно, цели и задачи, стоявшие перед ними, а также средства и способы их решения, т. е. собственно тактику и стратегию персидской армии.

ГЛАВА 1

СОСТАВ И ОРГАНИЗАЦИЯ САСАНИДСКОГО ВОЙСКА

§ 1. СТРУКТУРА ВОЙСКА ПЕРСОВ

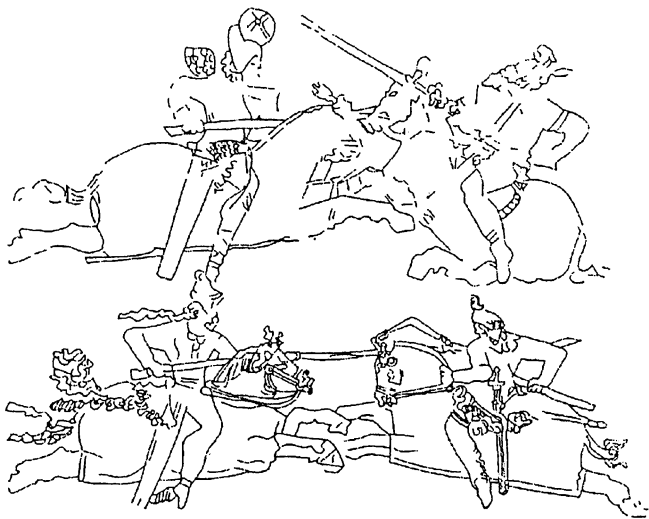
В отличие от римской армии, войско Сасанидов с точки зрения его структуры, организации и системы управления изучено гораздо менее основательно и всесторонне. Главная причина такого положения дел — отсутствие достаточно объемного и подробного источникового материала, который мог бы пролить свет на столь важные для изучения истории военного дела сасанидского Ирана вопросы. В связи с этим при всем желании мы не можем дать обстоятельную и развернутую характеристику организационной структуры сасанидской армии, четко определить ее состав и ответить на многие другие вопросы. Тем не менее по имеющимся в распоряжении исследователей относительно немногочисленным и фрагментарным источникам общая картина этих аспектов развития военного дела в сасанидском Иране может быть воссоздана с определенной степенью детализации.

Структуру персидской армии следует рассматривать по двум основным критериям: 1) рода войск; 2) этническая принадлежность личного состава. Кроме того, в источниках, как будет показано ниже, сообщаются и некоторые сведения о социальном составе сасанидской армии и его влиянии на распределение функций между отдельными частями войска Сасанидов и его структуру в целом.

А. ОСНОВНЫЕ РОДА ВОЙСК

Важнейшим родом войск у персов, костяком их армии являлась **конница**. В источниках кавалерия очень часто фигурирует в качестве важнейшего компонента персидских вооруженных сил, без которого войско почти небоеспособно (Herodian. VI. 5. 3; SHA. XVIII. 55. 2—5; Proc. Bell. Pers. I. 13. 25—28; 15. 9—16; 17. 1; 18. 45; Theophyl. II. 1. 6; III. 14. 2; Theophan. A. M. 6078).

Персидская конница не была однородной. Наиболее боеспособной ее частью являлась тяжелая кавалерия, называемая в источниках катафрактами (лат. *catafracti*, греч. *κατάφρακτοι*). Катафракты были основной ударной силой персидской кавалерии и армии в целом, и в этом качестве они всегда особо выделяются в текстах источников (Amm. Marc. XVIII. 8. 7; XIX. 7. 4; XX. 7. 2; XXIV. 6. 8; XXV. 1. 12; 3. 4; XXIX. 1. 1; Eunap. Fr. 27. 8; Heliod. IX. 14. 3; 16. 3; 17. 2; 18. 2; 20. 1; Liban. Or. XVIII. 265). Наиболее часто персидских катафрактов упоминает очевидец и участник римско-персидских войн середины IV в., профессиональ-

Бахрам II (сверху слева) и его сын (внизу слева) поражают противников во время поединков. Рельеф в Накш-и Рустаме, конец III—начало IV в. (воспроизведено по изданию: *Nicolle D. Sassanian Armies. Stockport, 1996*)

ный воин Аммиан Марцеллин, его мнение по военным вопросам можно считать экспертным; это ярко показывает значимость той роли, которую персидская тяжелая кавалерия играла на полях сражений. Иногда Аммиан для обозначения катафрактов использует такие фразы, как «закованная в железо конница» (*ferreus equitatus*) (Amm. Marc. XIX. 1. 2), «блистающие [доспехами] отряды кавалерии» (*corusci globi turma-rum*) (Amm. Marc. XIX. 2. 2).

Ормизд II (слева) поражает противника. Позади шаханшаха находится царский знаменосец. Рельеф в Накш-и Рустаме, начало IV в. (воспроизведено по материалам сайта Восточного института Чикагского университета «Persepolis and Ancient Iran» // http://oi.uchicago.edu/oi/mus/pa/iran/paai/images/per/srr/8c7_4.html)

В то же время в биографии императора Александра Севера, авторство которой приписывается Элию Лампридию (SHA. XVIII. 55. 2), тяжеловооруженные персидские всадники названы клибанариями (*clibanarii*). Здесь говорится о том, что римляне во главе с Севером разгромили десятитысячное персидское войско катафрактариев, «кого они [персы. — В. Д.] называют клибанариями» (*catafractarios quos illi (i. e. Persae. — В. Д.) clibanarios vocant*). Упоминание Лампридия о персах-клибанариях вызвало среди специалистов по истории военного дела дискуссию, продолжающуюся по сей день, суть которой состоит в обосновании либо опровержении факта наличия у персов

такой разновидности конницы, как клибанарии. Аргументы обеих сторон в этом споре, а также содержание и соотношение терминов «катафракт», «катафрактарий» и «клибанарий» достаточно подробно рассмотрены в ряде работ В. П. Никонорова (полагающего, кстати, что клибанариев у персов не было), поэтому интересующихся деталями читателей мы отсылаем к работам этого автора¹. В целом же необходимо отметить, что, судя по всему, следует отдать предпочтение терминологии Аммиана Марцеллина как специалиста в военной области и непосредственного участника римско-персидских войн, а он, как известно, ни разу не называет персидских конных латников клибанариями, используя для них обозначение «катафракты». Упомянутый же пассаж из «Писателей истории Августов» является слишком зыбким основанием для построения теории о наличии у персов клибанариев, поскольку этот памятник позднеримской литературы отличается крайней ненадежностью, компилятивным характером, обилием искаженных или попросту вымышленных деталей. Однако указание Элия Лампридия на то, что римляне использовали захваченное у персов оружие и снаряжение тяжеловооруженных всадников для экипировки собственных кавалерийских частей («их оружием мы вооружили своих» (SHA. XVIII. 55. 5)), можно считать отражением реально существовавшей практики. По всей видимости, это был один из способов создания для борьбы с персидскими катафрактами римских отрядов тяжелой кавалерии.

¹ Nikonorov, 1998. С. 131—138; Никоноров, 2005. С. 154.

Исходя из слов Аммиана Марцеллина, можно сделать вывод, что в сасанидской тяжелой кавалерии служили представители персидской знати. Историк сообщает, что в коннице «несет службу вся их знать и вельможи» (*desudat nobilitas omnis et splendor*) (Amm. Marc. XXIII. 6. 83). Хотя Аммиан не уточняет, о какой коннице — легкой или тяжелой — идет речь, вряд ли можно допустить, что знать персов служила в легкой кавалерии. Кроме того, вплоть до военной реформы Хосрова I (531—579) (как, впрочем, и позднее) персидское войско было в основном нерегулярным и фактически имело характер ополчения². Отсюда становится ясным, что воинами, имевшими боевых коней, стоимость и расходы на содержание которых были весьма высоки, а также все необходимые предметы экипировки тяжеловооруженного всадника-катафракта, могли являться только знатные и состоятельные персы.

Кроме катафрактов, в персидском войске имелись и отряды легкой конницы, игравшей по отношению к первым второстепенную, вспомогательную роль (Amm. Marc. XXIII. 3. 4; XXIV. 3. 1; 4. 7; 7. 7). В то же время легковооруженные всадники являлись неотъемлемой составной частью персидской кавалерии и войска в целом, поскольку военные успехи Сасанидов (как в более ранний период Аршакидов) были обусловлены именно четким взаимодействием различных родов войск на поле боя, и в первую очередь — легкой и тяжелой конницы³.

² Подробнее об организации сасанидского войска см. ниже.

³ Никоноров, 2005. С. 143, 156.

Шаханшах в снаряжении конного лучника.
Алебастровый рельеф, V—VI вв. (воспроизведено по изданию:
Nicolle D. Sassanian Armies. Stockport, 1996)

Численное соотношение катафрактов и легковооруженных всадников в войске персов точно определить невозможно. Однако по некоторым косвенным и отрывочным данным можно заключить, что всадников-панцирников в персидской коннице было во много раз меньше, чем легковооруженных конных воинов. Из источников известно, что у парфян в зависимости от ситуации на одного тяжелого всадника приходи-

лось от 10 до 125 легких⁴, а поскольку военное искусство персов сасанидской эпохи было во многом схоже с военным делом Парфии и в значительной мере продолжало его традиции, то указанное соотношение легко- и тяжеловооруженных всадников в парфянском войске было, по всей видимости, унаследовано и армией персов⁵.

Между легкой и тяжелой кавалерией персов существовало четкое разделение функций. Задачей катафрактов являлось нанесение по боевым порядкам противника мощного, всесокрушающего удара с целью обращения врага в бегство или прорыва его строя. Более же подвижная и маневренная легкая кавалерия, в свою очередь, должна была затруднять продвижение и перегруппировку сил противника. Это достигалось путем массированного обстрела вражеских рядов из луков с дальней дистанции с последующим быстрым отходом и неожиданным нападением в другом месте (Amm. Marc. XXV. 1. 18).

Пехота персов также была разнородной по своему составу и делилась на ряд категорий в зависимости от особенностей вооружения и выполняемых функций.

Во-первых, из общей массы пешего войска необходимо выделить лучников. Наиболее часто о персидских лучниках-пехотинцах говорит Аммиан Марцеллин (Amm. Marc. XIX. 5. 1, 5; 6. 9; XX. 6. 6; 7. 6; 11. 9, 12—13; XXIV. 2. 8, 15; 3. 14; 4. 16; XXV. 1. 13, 17—18; 3. 11; XXIX. 1. 1), отмечая при этом, что персы

⁴ Никоноров, 2005. С. 143.

⁵ См.: Nicolle, 1996. P. 20.

прекрасно владеют искусством стрельбы из лука чуть ли не с раннего детского возраста (*cuius artis fiducia ab incunabulis ipsis gens praevaluit maxima*) (Amm. Marc. XXV. 1. 13; ср.: Strab. XV. 3. 18). Значение пеших лучников было огромно, и особенно — при проведении операций по взятию либо обороне крепостей, когда плотный и непрекращавшийся обстрел противника заметно повышал шансы персов на успех.

Наряду с лучниками в составе персидской пехоты имелись пращники (Amm. Marc. XIX. 5. 1; XX. 11. 9; XXIV. 2. 15), а также копейщики (Amm. Marc. XXV. 1. 13). Кроме того, следует отметить наличие у персов воинов-щитоносцев, шедших в бой плотно сомкнутыми шеренгами, держа перед собой продолговатые выпуклые щиты большого размера (Amm. Marc. XXIV. 6. 8; Proc. Bell. Pers. I. 14. 25—26). Судя по описанию их Аммианом Марцеллином, щитоносцы находились во второй боевой линии персов, прикрывая располагавшихся за ними воинов от вражеских стрел и других метательных снарядов.

Кроме отмеченных разновидностей персидской пехоты, нельзя не упомянуть еще о двух категориях подразделений в составе сасанидского пешего войска, а именно — о солдатах, обслуживавших осадные орудия и другие военные машины (Amm. Marc. XX. 6. 3; Proc. Bell. Pers. II. 17. 12, 30; Bell. Goth. IV. 14; Agath. III. 25), и об инженерных частях, воины которых занимались возведением земляных валов и холмов, осадных башен, рытьем рвов и каналов, наведением переправ, разрушением вражеских крепостных стен и т. п. (Amm. Marc. XIX. 6. 6; Proc. Bell. Pers. I. 14. 25—26; II. 21. 21—22; Agath. III. 25).

Ездегерд I во время охоты. Изображение на серебряном блюде,
V в. (воспроизведено по изданию:
Nicolle D. Sassanian Armies. Stockport, 1996)

Помимо пехотинцев, принимавших (в разном качестве) непосредственное участие в боевых действиях, персидское войско включало в себя большое количество пеших воинов, выполнявших функции носильщиков, обозных, прислуги и т. д. (или, говоря современным языком, нестроевые части) (Amm. Marc.

XXIII. 6. 83; *Proc. Bell. Pers.* I. 14. 25; *Agath.* III. 23). Кроме того, для выполнения вспомогательных функций в пешее персидское войско привлекались даже женщины и дети (в частности, для транспортировки грузов, амуниции и т. п.) (*Herodian.* VI. 5. 3; *Liban. Or.* LIX. 100; *Theophan. A. M.* 6118).

В целом статус пехоты в персидском войске следует признать весьма низким. Так, Аммиан Марцелин пишет:

Пехотинцы, вооруженные наподобие мирмиллонов, несут службу обозных. Вся их масса следует за конницей, как бы обреченная на вечное рабство, не будучи никогда вознаграждаема ни жалованьем, ни какими-либо подачками (*Amm. Marc.* XXIII. 6. 83).

Аммиан подчеркивает, что именно пехота выполняла у персов тяжелую и неквалифицированную работу (например, возводила земляные валы (*Amm. Marc.* XIX. 6. 6)). Эти сведения во многом согласуются с данными других авторов, в сочинениях которых также содержатся описания персидской армии. По Лактанцию, например, персы «по обычаю своему, отправлялись на войну со всем своим скарбом беспорядочной толпой с обозами захваченного добра» (*Lact. Mort. Pers.* VIII. 5). Схожую информацию сообщает и Прокопий Кесарийский:

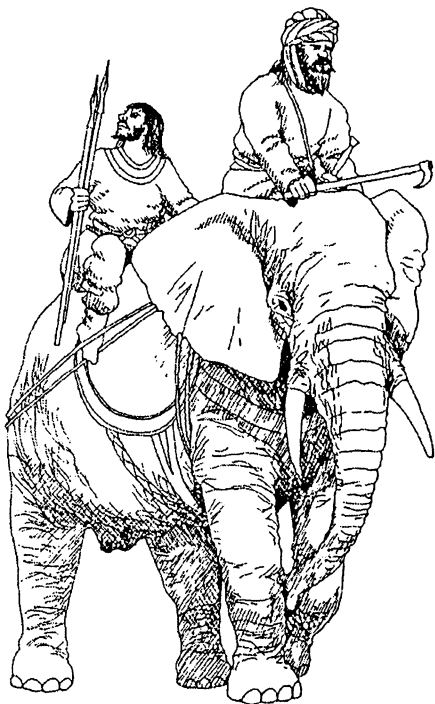
Вся их [персов — *В. Д.*] пехота — не что иное, как толпа несчастных крестьян, которые идут с войском только для того, чтобы подкапывать стены, снимать доспехи с убитых и прислуживать воинам в других случаях. Поэтому у них нет никакого оружия, которым они могли бы причинить вред неприятелю; а

свои огромные щиты они выставляют вперед только для того, чтобы самим обороняться от неприятельских стрел и копий (Proc. *Bell. Pers.* I. 14. 25—26).

Столь же нелюбезные отзывы о персидской пехоте (как о «крестьянской» (или «мужицкой») «толпе») содержатся в сочинении Менандра Протектора (Men. *Fr.* 20. 3).

Однако в ряде моментов пехота могла сыграть решающую роль. В первую очередь, как уже частично было отмечено выше, это касается военных мероприятий осадно-оборонительного характера, тем более что важнейшие боевые действия происходили, как правило, именно под стенами крепостей, а не в поле. Кроме того, даже в ходе полевых сражений персидские пехотинцы вполне были способны успешно действовать против римских войск, что особенно ярко продемонстрировал ход сражения под Хломароном (585), когда набранная из местных крестьян пехота (даже без поддержки кавалерии!) полностью уничтожила арьергард отступающей армии Филиппика (Theophyl. II. 9. 16).

Последний род войск, о наличии которого у персов часто говорится в источниках, — это отряды боевых слонов. Животные управлялись восседавшими на них воинами, державшими в руках нож с длинной рукоятью, необходимый для нейтрализации животного, взбесившегося от полученных во время боя ран (Amm. Marc. XIX. 2. 3; XXV. 1. 15). В случае если с разъяренным животным справиться было уже невозможно, управлявший им человек сильным ударом рассекал слону позвоночник в месте его соединения с черепом

Боевой слон с персидскими воинами.
Современная реконструкция (воспроизведено по изданию:
Nicolle D. Sassanian Armies. Stockport, 1996)

(Amm. Marc. XXV. 1. 15). Наскальные рельефы в Так-и Бустане⁶ показывают, что на каждом животном размещается два человека, и это притом, что в данном

⁶ Nicolle, 1996. P. 29 (fig. 18, C, D).

случае изображена лишь сцена охоты. Во время боя на слоне тем более должно было находиться как минимум два воина — управляющий животным и поражающий противника стрелами либо иным метательным оружием. Об этом же говорят и античные авторы: по данным Агафия Миринейского и Феофилакта Симокатты, на слонах находилось по несколько воинов (Agath. III. 27; Theophyl. V. 10. 6).

Отдельного внимания заслуживает замечание Аммиана Марцеллина о том, что в войске Шапура II (в частности, в 359 г. под Амидой) слоны использовались сегестанцами (Amm. Marc. XIX. 2. 3), т. е. выходцами из восточной части Ирана, расположенной вблизи Индии, издревле являвшейся поставщиком боевых слонов в государства Среднего Востока. Достаточно вспомнить, пожалуй, наиболее известный в этом отношении случай, когда 500 слонов было получено Селевком Никатором от Чандрагупты Маурья (Strab. XV. 2. 9). Очевидно, что и в сасанидский Иран боевые слоны попадали из Индии, а потому не случайно их использовали именно воины из Сегестана. О том, что персы получают слонов из Индии, говорится и в современном Аммиану «Полном описании вселенной и народов» (ETM. 18).

В персидских боевых порядках слоны могли занимать различные позиции. Так, описывая сражение под Ктесифоном (363), Аммиан указывает, что отряды боевых слонов у персов располагались позади основной массы воинов, в последней линии (Amm. Marc. XXIV. 6. 8). В то же время Агафий пишет, что в битве под Фасисом (555) слоны персов находились впереди их войска, перед оборонительными укреплениями

Представители персидской знати на слонах во время охоты.
Рельеф в Так-и Бустане, начало VII в. (воспроизведено
по изданию: *Nicolle D. Sassanian Armies*. Stockport, 1996)

(Agath. III. 26). Схожая картина описана Феофилактом: он отмечает, что в решающем сражении между византийско-персидским войском и армией Бахрама Чубина (591) слоны размещались перед конницей, т. е. перед первой боевой линией, как своеобразные «передовые бастионы» (Theophyl. V. 10. 6).

Помимо полевых сражений, слоны использовались персами и в осадных операциях. Данные об этом, а

также о весьма любопытном способе противодействия со стороны византийцев мы находим у Прокопия Кесарийского:

Когда Хосров и войско персов штурмовали стены Эдессы, то один слон, на которого сел большой отряд самых воинственных персов, представляя собой своего рода военную машину-«градоразрушительницу», был подведен к стене. Казалось вполне вероятным, что, одолев при его помощи тех, которые защищались с башни, и, поражая их частыми ударами в голову, персы скоро возьмут город. Но римляне избегли этой опасности, повесив на башне поросенка. Повешенный за ногу, поросенок, естественно, стал неистово визжать; приведенный этим в ярость слон перестал слушаться и вскоре стал отступать и ушел назад (Proc. *Bell. Goth.* IV. 14) ⁷.

Еще один оригинальный способ использования персами боевых слонов, на этот раз — в сражениях на воде, описан Агафием Миринейским:

Дойдя до середины реки между Островом и городом, он [персидский полководец. — В. Д.] преградил все течение реки бревнами и лодками, соединен-

⁷ Еще раньше о применении против слонов такого «вида» оружия, как свиньи, писал тактик Элиан. По его словам, во время осады Мегар македонской армией Антигона Гоната против боевых слонов, находившихся в войске Антигона, были выпущены обмазанные маслом и подожженные свиньи, визг которых якобы обратил слонов вспять (см.: Горелик М. Шагающие крепости // <http://www.xlegio.ru/pubs/elephantes/elephantes.htm>).

ными между собой, и сзади поставил группы слонов, там, где можно было пройти (Agath. III. 20).

Слоны, несмотря на огромный, по сути дела многовековой, опыт борьбы с ними, накопленный римской армией еще со времен Пирровых войн III в. до н. э., производили на римлян ошеломляющее впечатление⁸. Аммиан Марцеллин, прошедший на военной службе многие годы и непосредственно сталкивавшийся с персидскими боевыми слонами, даже спустя десятилетия после пережитых событий не может спокойно писать о слонах в армии Шапура II: «Страшный их вид и ужасный хобот внушали едва преодолимый ужас» (Amm. Marc. XXV. 1. 14); «морщинистые чудовища представляли собой... ужасное зрелище, наводящее неописуемый страх» (Amm. Marc. XIX. 2. 3); их «рев и ужасный вид... являются самым страшным, что может себе представить человек» (Amm. Marc. XIX. 7. 7); «слоны, как перемещающиеся горы... грозили гибелью приближавшимся, наводя страх» (Amm. Marc. XXIV. 6. 8).

Однако слоны представляли потенциальную опасность и для самих персов. Яркий в этом отношении случай описан Агафием:

⁸ В связи с этим нельзя согласиться с мнением о том, что боевые слоны лишь «первоначально... являлись грозным оружием и производили значительные опустошения в рядах вражеской пехоты», но вскоре с ними научились бороться, и их роль свелась почти к нулю (см.: История военного искусства. М., 1986. С. 10). Из данных Аммиана следует, что и в IV в. н. э. отряды боевых слонов являлись важной ударной силой в армии персов.

Слоны, поставленные перед укреплениями, нападая на римлян, тотчас же приводили в смятение даже их сомкнутый строй, если где-нибудь он им противостоял. Кроме того, восседающие на них стрелки наносили большой урон нападающим римлянам и стреляли в них без промаха... В это время один из оруженосцев Мартина, по имени Огнарис... с большой силой поразил копьем в бровь набросившегося на него самого свирепого из слонов, причем острие копья проникло так глубоко, что конец его повис вниз. Страдая от полученной раны и сверх того напуганный болтающимся у глаза дротиком, слон тотчас попятился назад и начал метаться в разные стороны. То, болтая хоботом наподобие бича, он поражал многих персов и бросал их вверх, то, протягивая его в длину, издавал какой-то страшный и сильный крик. Сидящих на нем воинов он сильным толчком сбросил вниз и умертвил, растоптав ногами, наконец, привел в беспорядок все персидское войско, а лошадей, к которым он приближался, приводил в бешенство... Все наполнилось воплями и смятением (Agath. III. 26—27).

Таким образом, в персидской армии можно выделить три основных рода войск: кавалерию, пехоту и отряды боевых слонов. Первые два, как было показано выше, не были однородны, и их можно разделить еще на ряд категорий, отличавшихся друг от друга по своим задачам и функциям.

Б. ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ

Вторым критерием для анализа структуры персидской армии является ее **этнический состав**. В данном

отношении войско Сасанидов было весьма пестрым. Эта черта была свойственна иранским армиям издревле, начиная с эпохи Ахеменидов (VI—IV вв. до н. э.), а возможно, и с более раннего времени. В связи с этим можно вспомнить красочное и подробное описание войска Ксеркса, составленное Геродотом (Herod. VII. 61—99), где историк называет народы, воинские контингенты которых участвовали в походе персов на Грецию. Разноплеменность была свойственна впоследствии вооруженным силам всех держав, существовавших на территории Ирана — империи Александра Македонского, царства Селевкидов, Парфянского государства. Сасанидский Иран, таким образом, стал продолжателем древней военно-исторической традиции.

Главная причина многонациональности иранского войска сасанидской эпохи, как и предыдущих, очевидна и заключается в полиэтничности самого Сасанидского государства, простиравшегося от Передней Азии до Индии. Проживавшие на территории сасанидского Ирана народы по определению были вынуждены платить «налог кровью», направляя своих представителей под знамена шаханшахов.

Кроме того, целый ряд этносов, не будучи подданными сасанидских правителей, тем не менее, принимал участие в боевых действиях против Рима (а позднее — и Византии) вместе с персами. В основном это достигалось через механизм союзничества, когда между шаханшахом и каким-либо народом, проживавшим на границах Персии или же вторгавшимся на ее территорию, заключался союзный договор, по условиям которого соседи или недавние враги Ирана

оказывали ему помощь своими войсками. К сожалению, мы, за редким исключением, не знаем подробностей и конкретных условий такого рода договоров, однако сами факты их заключения неоднократно упоминаются в источниках.

Еще одним основанием для службы в персидском войске иноземцев являлись традиционно дружественные, союзнические отношения, складывавшиеся между Сасанидами и отдельными этносами или государствами, не оформлявшиеся, судя по всему, какими-либо специальными договорами или соглашениями. Наиболее яркий пример этого — арабское государство Лахмидов, располагавшееся у западных границ сасанидского Ирана, постоянный союзник и стратегический партнер Сасанидов в войнах на западе.

Наконец, сами римляне своей не всегда продуманной политикой в ряде случаев способствовали пополнению сасанидской армии войсками бывших римских союзников. Так было, например, во время персидского похода императора Юлиана (363), когда арабы княжества Гассанидов (враждовавшего с Лахмидами и, как правило, воевавшие на стороне империи), не получив от Юлиана причитавшихся им денежных сумм и подарков, выступили на стороне персов (*Amm. Marc. XXV. 6. 10*), или в VI в., когда закавказские союзники Византии — армяне и лазы — из-за злоупотреблений византийской администрации перешли на сторону Персии (*Proc. Bell. Pers. II. 3. 1—7; 15. 9—11*).

Таким образом, многонациональность как одна из характерных черт сасанидского войска была обуслов-

лена различными факторами и вытекала как из объективных условий существования самого Сасанидского государства, так и конкретных ситуаций, в которых оно оказывалось в тот или иной период своей истории.

* * *

Самое заметное место в составе сасанидской армии занимали арабы, или, в терминологии античных историков, **сарацины**. В отличие от многих других народов, они принимали участие в римско-персидских войнах на протяжении всего существования Сасанидской державы, начиная с момента ее возникновения в середине III в. и заканчивая гибелью в середине VII в. Как было отмечено выше, основным союзником персов являлось государство Лахмидов, находившееся в северо-восточной части Аравийского полуострова, юго-западнее нижнего течения Евфрата. Судя по всему, арабы, проживавшие в северных областях Аравии (в том числе и на территории государства Лахмидов), стояли по уровню социально-политического развития выше, чем большинство их соплеменников из более южных районов, где государство возникло позднее, в VI—VII вв. Политические институты складываются у них уже в III в., во многом — благодаря соседству с высокоразвитыми соседями: цивилизациями Передней Азии и Ирана с одной стороны и Римской империей — с другой.

Начиная с IV в. арабы принимают систематическое участие в римско-персидских войнах. Вовлеченные в противостояние двух великих держав за преоб-

ладание в Передней Азии, арабские племена оказались расколоты на два противоборствующих лагеря: государство Гассанидов (на границе римских владений в Восточном Средиземноморье, в районе Сирии) и государство Лахмидов. В силу геополитических факторов Гассаниды были обречены поддерживать Рим, так же как Лахмиды — Иран. В то же время следует отметить, что в ряде случаев сарацины отклонялись от своей «генеральной» внешнеполитической линии, чем заслужили славу ненадежных и даже опасных союзников, которых, как пишет Аммиан Марцеллин, римлянам было бы лучше «не иметь ни друзьями, ни врагами» (Amm. Marc. XIV. 4. 1). В том же ключе описывает сарацин и Феофилакт Симокатта:

Ведь племя сарацин — самое неверное, готовое служить то одному, то другому, умом грубое и в отношении честности и благоразумия совершенно ненадежное (Theophyl. IV. 17. 7).

Функции сарацин в персидском войске определялись их боевыми качествами. Поскольку они предоставляли персам легкую конницу, их роль в боевых действиях заключалась в быстрых и внезапных нападениях на римлян с последующим столь же стремительным отходом на исходные позиции. Пример такой тактики действий арабской кавалерии приводит Аммиан Марцеллин:

Когда мы стали продвигаться дальше, сарацины, которых отбила до этого наша пехота, вскоре, соединившись с главными силами персов, сделали стремительный набег на наш обоз; но, увидев императора, вернулись к своим резервам (Amm. Marc. XXV. 1. 3).

Кроме того, войска сарацин совершали набеги на владения империи, разоряя приграничные районы, захватывая добычу, убивая и уводя в плен местное население и наводя этим на римлян настоящий ужас. По словам того же Аммиана, сарацины «в своих налетах то там, то здесь в один миг опустошали все, что им попадалось, словно хищные коршуны, которые, если завидят сверху добычу, похищают ее стремительным налетом, а если не удастся ее схватить, летят прочь» (Amm. Marc. XIV. 4. 1).

Наиболее известным и талантливым предводителем союзных персам сарацин был представитель династии Лахмидов аль-Мундир ибн ан-Ну'ман, принимавший самое деятельное участие в войнах Хосрова Ануширвана против Византийской империи. Военная деятельность аль-Мундира весьма подробно описана Прокопием Кесарийским:

Аламундар [аль-Мундир. — В. Д.] был человеком самым прозорливым и чрезвычайно опытным в военном деле, очень преданным персам и исключительно энергичным. В течение пятидесяти лет он истощал силы римлян. От границ Египта до Месопотамии он разорял все местности, угонял и увозил все подряд, жег попадающиеся ему строения, обращал в рабство многие десятки тысяч людей; большинство из них тотчас же убивал, других продавал за большие деньги. Никто не выступал против него, так как он никогда не совершал набега необдуманно и всегда нападал так неожиданно и в такой благоприятный для себя момент, что обычно со всей добычей находился уже далеко, когда военачальники и солдаты римлян только начинали узнавать о случившемся и собираться в поход против него. Если же и случалось

римлянам его нагнать, то этот варвар нападал сам на своих преследователей, еще не приготовившихся к сражению и не построенных в боевой порядок, обращал их в бегство и истреблял без особого труда, а однажды захватил в плен всех преследовавших его солдат вместе с их военачальниками... Одним словом, этот человек был самым страшным и серьезным врагом, какого когда-либо имели римляне. Причина же заключалась в том, что Аламундар, имея царский титул, один правил всеми сарацинами, находящимися в персидских пределах, и мог со всем своим войском делать набеги на любую часть Римской державы, какую хотел (Proc. *Bell. Pers.* I. 17. 40—43, 45).

Персы высоко ценили военную поддержку, оказываемую им со стороны сарацин. Об этом говорит, например, тот факт, что аль-Мундир являлся одним из немногих ближайших военных советников Хосрова, к рекомендациям и предложениям которого по организации и проведению боевых действий против Византии шаханшах внимательно прислушивался и зачастую без возражений их принимал — очень немногие предводители неперсидских воинских контингентов удостоивались подобной чести. Кроме того, при осаде вражеских городов именно сарацины (помимо самих персов) получали возможность, не принимая непосредственного участия в самом штурме, т. е. избегая смертельной опасности, участвовать в пленении жителей крепости после ее взятия:

У каждых ворот он [Хосров. — В. Д.] поставил кого-либо из военачальников с отрядом войска и, окружив таким образом всю стену, стал продвигать к ней лестницы и машины. Позади он поставил всех сара-

цин с некоторым количеством персов не для того, чтобы они нападали на город, но для того, чтобы после того, как город будет взят, они ловили и брали в плен тех, кто будет убегать из него (Proc. *Bell. Pers.* II. 27. 29—30).

Помимо сарацин, в источниках фигурирует еще целый ряд народов, участвовавших вместе с персами в войнах против империи. В VI—VII вв. заметную роль в сасанидской армии играли отряды **дейлемитов**⁹ — жителей Дейлема, горной области на юго-западном побережье Каспийского моря (Proc. *Bell. Goth.* IV. 14; Agath. III. 17. 6—9; 28. 6—7; Theophyl. IV. 3. 1; 4. 17). Достаточно подробные сведения о дейлемитах приводят Прокопий Кесарийский, называющий дейлемитов доломитами, и Агафий, упоминающий их под именем дилимнитов:

Эти доломиты-варвары, живущие среди персов, никогда не были подданными персидского царя. Поселившись в горах, отвесных и совершенно недоступных, с древних времен вплоть до наших дней они оставались независимыми; и только соблазненные платой, они пошли к персам, когда те отправились в поход против своих врагов. Все они пехотинцы, у каждого меч и щит, и в руках три дротика. Они умеют очень хорошо и быстро лазить по стремнинам и вершинам гор, как будто они бегают по гладкой равнине (Proc. *Bell. Goth.* IV. 14).

Их [дейлемитов. — В. Д.] можно причислить к самым воинственным народностям. Они не являются

⁹ См.: Felix, 1996. Vol. 7. P. 408.

стрелками или сражающимися издалека. Они носят копье и сариссы, меч, свисающий с плеча, маленький кинжал, привязанный к левой руке, защищаются большими и малыми щитами. Их нельзя назвать ни легковооруженными, ни гоплитами и тяжеловооруженными войсками. В случае необходимости они издали мечут копья и сражаются врукопашную. Они хороши в столкновении с неприятельской фалангой и сильным натиском могут прорывать густые неприятельские ряды, опытни в перестройке боевого порядка и в приспособлении к любой случайности. Они легко взбираются на высокие холмы, занимают возвышенности и с величайшей быстротой, если это нужно, убегают назад и, снова повернувшись, с ожесточением теснят и преследуют врагов. Искушенные и весьма опытные во всех видах боевых действий, они наносят врагам весьма тяжелые удары. Уже давно приученные к войне, они издавна сражаются под знаменем персов, но не по принуждению, как подданные. Ибо они свободными живут по своим законам и не привыкли подчиняться насилию и чьему-либо произволу (Agath. III. 17).

О примерной численности дейлемитов в составе персидского войска можно судить по данным Агафия, который указывал, что на службе у персов находился трехтысячный отряд дейлемитов (Agath. III. 17).

Функции дейлемитов в боевых действиях были весьма важными. Они восполняли своеобразный пробел, связанный с отсутствием у персов собственной боеспособной пехоты, и потому в определенных ситуациях были незаменимы. В частности, это касается штурма византийских крепостей, особенно на тех участках, где крепостные стены стояли на гористых скло-

нах (Proc. *Bell. Goth.* IV. 14), внезапных ночных нападений, в которых дейлемиты (по причине отсутствия у них лошадей) могли совершенно бесшумно приблизиться к расположению вражеских войск (Agath. III. 18), отвлекающих маневров, исполнителем которых должна была быть именно пехота, с тем чтобы дать возможность конному войску персов перегруппироваться для атаки или же организованно отступить (Agath. III. 28). В то же время дейлемиты, как, впрочем, и большинство наемников-иностранцев, не отличались преданностью Сасанидам. Так, Феофилакт упоминает о заговоре, направленном против Ормизда IV, одним из организаторов которого был предводитель дейлемитов по имени Зоараб (Theophyl. IV. 3. 1).

Кроме дейлемитов, в персидском войске служили представители еще одного, проживавшего в Южном Прикаспии, племени — **кадиссинов** (Proc. *Bell. Pers.* I. 14. 38, 39), упомянутых как «кадусии» в «Географии» Клавдия Птолемея (Ptol. II. 6). Подробностей о функциях кадиссинов в сасанидской армии мы не знаем, однако можно предположить, что они являлись всадниками, причем тяжеловооруженными. Прокопий Кесарийский говорит о том, что в битве при Даре (530) кадиссины вместе с персами атаковали и потеснили левый фланг ромеев, а поскольку атаковавшие армию Велисария персы были катафрактами, то и действовавшие вместе с ними кадиссины, находившиеся на острие атаки на правом, т. е. ударном, фланге, да еще, судя по описанию Прокопия, плотно (а не на дистанции, как должно было бы быть в случае, если бы кадиссины являлись легкой конницей) преследовавшие

византийцев, скорее всего, являлись тяжелой кавалерией.

В IV в., при Шапуре II, в персидском войске присутствовали представители еще одного этноса, история которого нам не очень хорошо известна. Речь идет о **хионитах**¹⁰. Они упомянуты Аммианом Марцеллином как одни из ближайших союзников персов во время их похода против империи в 359 г. (Амм. Марс. XVIII. 6. 22; XIX. 1. 7—8; 2. 3), с которыми чуть раньше, в 358 г., после продолжительной войны Шапур II заключил мирный договор (Амм. Марс. XVII. 5. 1). Результатом этого соглашения и явилось участие хионитов во главе с царем Грумбатом в войне Шапура против Рима.

Хиониты в персидской армии, судя по всему, являлись всадниками. Прямо об этом источники не сообщают, однако подобный вывод очевиден, поскольку хиониты — кочевой народ центрально-азиатского происхождения, и изобразительные источники довольно точно характеризуют их (также как и родственников

¹⁰ Литература, в которой прямо или косвенно затрагивается данный вопрос, огромна. Из наиболее заметных работ см.: Тревер, 1954. Т. 21. С. 131—147; История Узбекской ССР. Т. 1. Кн. 1. 1955. С. 103—105; Мандельштам, 1958. Вып. 30. С. 66—72; Гумилев, 1959. № 1. С. 129—140; Он же, 1998. Кн. 1. С. 244; Дьяконов, 1961. С. 402; История таджикского народа. Т. 1. 1963. С. 405—420; Массон, Рамодин, 1964. С. 167, 199; Массон, Сарияниди, 1972. С. 102—103; Литвинский, 1976. С. 55; Амбарцумян, 2002. Т. 1 (26). С. 35—72; Ghirshman, 1948; Tomaschek, 1899. S. 2286; McGovern, 1939; Altheim, 1959; Enoki, 1959. № 18. P. 1—58; Felix, 1991. Vol. 5. Fasc. 5. P. 485—487.

им эфталитов и кидаритов) как легковооруженных всадников¹¹. Кроме того, прежде чем выйти на границы Персии, они (объективно) должны были захватить практически всю Среднюю Азию, где основой вооруженных сил традиционно являлась конница. В дополнение к этому Аммиан Марцеллин характеризует предводителя хионитов Грумбата как царя, «прославленного множеством выдающихся побед» (Amm. Marc. XVIII. 6. 22), в том числе, видимо, и над самими персами. Понятно, что подобные успехи в борьбе с противниками, опиравшимися на действия кавалерии, не могли быть достигнуты пешим войском.

В то же время при осаде Амиды (359) хиониты участвовали в штурме крепостных укреплений (Amm. Marc. XIX. 2. 3), что говорит об их способности воевать как в конном, так и пешем строю.

К IV столетию относится и упоминание о таких союзниках персов, как **албаны** (Amm. Marc. XVIII. 6. 22; XIX. 2. 3) и **сегестанцы** (Amm. Marc. XIX. 2. 3). Подобно хионитам, они участвовали в походе Шапура 359 г.

Албаны — жители Кавказской Албании, располагавшейся на территории современного Азербайджана. Аммиан Марцеллин описывает сцену, в которой царь албанов (как и царь хионитов) ехал верхом рядом с Шапуром II (Amm. Marc. XVIII. 6. 22), что говорит о том, насколько важное значение шаханшах придавал союзу с албанами. Это становится еще более понятным, если учесть, что Албания граничила с Арменией и Иберией, всегда бывшими камнем преткно-

¹¹ Никонов, 2005. С. 154.

вения в римско-персидских отношениях, а потому являлась удобным плацдармом для вторжений на их территорию.

Сегестанцев — жителей Сегестана (Сакастана), области на востоке Ирана, потомков осевших здесь во II в. н. э. саков — Аммиан характеризует как «самых жестоких из всех воителей», располагавших отрядами боевых слонов (Амм. Марс. XIX. 2. 3). Именно последнее обстоятельство обуславливало тактические задачи сегестанцев в военных планах персов. Кроме того, Сегестан, судя по всему, являлся на каком-то этапе посредником в обеспечении Сасанидов боевыми слонами, доставлявшимися из Индии.

Достаточно часто византийские историки отмечают в качестве союзников персов **гуннов** (Proc. *Bell. Pers.* I. 3. 4; 8. 13; 15. 1; 21. 13, 27; II. 26. 5; Men. *Fr.* 23. 1; Theophan. A. M. 6013, 6020). Однако этот этноним является собирательным обозначением для различных этносов, участвовавших в продвижении гуннских орд на запад Евразии и оказавшихся на границах сасанидского Ирана. Да и сами авторы, упоминая гуннов, зачастую оговаривают, какой именно «гуннский» народ они имеют в виду в том или ином конкретном случае. В этом ряду необходимо назвать **эфталитов** (Proc. *Bell. Pers.* I. 3. 4; 8. 13; Себеос. XXVI), проживавших в основном в приграничных с Персией областях Средней Азии, и **сабир** (Proc. *Bell. Pers.* I. 15. 1; Agath. III. 17, 18; Men. *Fr.* 23.1) — кочевников, населявших область на западном побережье Каспия севернее Кавказского хребта (территорию современного Дагестана). Кроме того, Прокопий называет союзных персам гуннов массагетами (Proc. *Bell. Pers.* I.

21. 13—15, 28) или же просто гуннами без каких-либо уточнений (Proc. *Bell. Pers.* II. 26. 5—8). В двух последних случаях трудно выявить какие-либо детали, связанные с вооружением и тактикой действий упомянутых Прокопием племен. Однако об эфталитах и сабирах подобные данные существуют. Эфталиты, как было отмечено выше, являлись легковооруженными всадниками-лучниками, о чем, помимо иконографии, свидетельствует тот же Прокопий (Proc. *Bell. Pers.* I. 1. 7. 8). Сабиры (или савиры) на поле боя выступали как тяжеловооруженные конные воины — именно так идентифицирует их Агафий, упоминаящий о двухтысячном отряде сабир, воевавших на стороне Византии (Agath. III. 17).

В VI в. союзниками Ирана являлись **аланы** (Proc. *Bell. Goth.* IV. 1, 3, 8; Theophyl. III. 9. 7). Ираноязычные племена аланов населяли огромную территорию от Южного Приуралья до Северного Причерноморья. Часть из них в IV—V вв. оказалась вовлечена в Великое переселение народов и, присоединившись к вандалам и готам, проникла в Западную Европу, дойдя до самой Испании.

Подобно многим другим северным соседям Персии и Византии, аланы служили, в зависимости от обстоятельств, на стороне обеих держав. Главным мотивом, определявшим внешнеполитические пристрастия аланов, являлись размеры денежных сумм, получаемых ими от своих могущественных соседей в обмен на военную помощь. Наиболее активно участвовали аланы в византийско-персидских войнах в середине VI в. В 540-х гг. часть аланов, по всей видимости, поддерживала Византию, получая от нее (как и

сабиры) денежное вознаграждение (Proc. *Bell. Pers.* II. 29. 29; 30. 28). Впоследствии, в 50-е гг. VI в., аланы упоминаются в источниках уже в качестве союзников персов: Прокопий Кесарийский отмечает, что «это племя независимое; по большей части оно было союзным персам и ходило походом на римлян и на других врагов персов» (Proc. *Bell. Goth.* IV. 1, 3, 8).

Характеристике образа жизни аланов и их боевых качеств посвящен один из экскурсов Аммиана Марцеллина:

Все, кто по возрасту и полу не годятся для войны, держатся около кибиток и заняты домашними работами, а молодежь, с раннего детства сроднившись с верховой ездой, считает позором для мужчины ходить пешком, и все они становятся вследствие многообразных упражнений великолепными воинами... Они очень подвижны вследствие легкости вооружения... Как для людей мирных и тихих приятно спокойствие, так они находят наслаждение в войнах и опасностях. Счастливым у них считается тот, кто умирает в бою, а те, кто доживает до старости и умирает естественной смертью, преследуются у них жестокими насмешками как выродки и трусы. Ничем они так не гордятся, как убийством человека, и в виде славного трофея вешают на своих боевых коней содранную с черепа кожу убитых (Amm. Marc. XXXI. 2. 20—22).

Примерно такими же предстают аланы и на страницах сочинения Прокопия Кесарийского, описавшего участие аланских подразделений в конкретном боевом эпизоде:

Варвары [персы и аланы. — В. Д.], не зная, как им быть (они не могли ни делать отдельных налетов, так как их противники были пехотинцами, ни привести в беспорядок их фалангу), так как их кони, испуганные остриями копий и шумом щитов, поднимались на дыбы, обратились к метанию стрел, подбодряя себя надеждой, что, благодаря массе стрел, они очень легко обратят врагов в бегство... Так как с обеих сторон пускалось очень много стрел, то и с той и с другой стороны пали многие. Персы и аланы пускали стрелы в гораздо большем числе, чем их противники. Но большинство их попадало в щиты и отскакивало от них... Один из аланов, выдающийся смелостью духа и силою тела и исключительно искусно умеющий посылать стрелы той и другой рукой, стал в самом узком месте прохода в лагерь и оказался, сверх ожидания, непреодолимой преградой для наступающих. Но Иоанн, сын Фомы, подойдя к нему очень близко, внезапно поразил его копьем, и, таким образом, римляне и лазы овладели лагерем. Из варваров очень многие были убиты тут же, остальные же удалились в отечественные пределы, как кто мог уйти (*Proc. Bell. Goth.* IV. 8).

Таким образом, материал источников показывает, что в составе сасанидской армии аланы, подобно другим кочевым народам, служили в основном в качестве легковооруженных конных лучников.

После включения в конце IV в. в состав Персии значительной части Армянского царства, получившей название Персоармении, участие в войнах сасанидского Ирана против империи начали принимать войска **армян** (*Proc. Bell. Pers.* I. 15. 1; ФБ. IV. 20, 55; Себеос. VII, XXI; МХ. III. 25, 27). Они, в отличие от

большинства других иноземных народов, воевали в составе персидского войска в качестве тяжеловооруженных всадников. В то же время может показаться несколько странным, что в качестве союзников персов армяне, обладавшие одной из лучших на Востоке кавалерией, упоминаются гораздо реже, чем, например, сарацины, гунны и некоторые другие народы. Дело, вероятно, заключается в осторожности и прозорливости персов: излишне активное привлечение армянских войск к походам против христианской Византии могло вызвать обострение ситуации (и без того всегда напряженной) в Персоармении, что Сасанидам было совершенно невыгодно. Кроме того, Армения являлась главным опорным пунктом персов в Закавказье, и часто отзывать отсюда войска было нежелательно по той причине, что это могло оголить кавказский участок персидской границы. Наконец, в отличие от многих других областей Персии, Армения по целому ряду причин имела особый статус, выражавшийся, в частности, в том, что, согласно договору, заключенному между Сасанидами и армянской знатью при разделе Армении в 387 г., армянские войска должны были всегда оставаться на родине, в связи с чем их участие в войнах за пределами Персоармении было очень редким явлением. Насколько опасным для персидских властей было нарушение данной договоренности, показывают события 40-х гг. V в., когда армянское войско было направлено на среднеазиатскую границу Персии для борьбы с эфталитами и провело там семь лет (442—449), к тому же подвергаясь притеснениям со стороны персидского командования, что вызвало сильное недовольство армян-

ской знати и стало одной из причин мощного народно-освободительного восстания в Армении в 450—451 гг.

Таким образом, с точки зрения этнического состава сасанидская армия являлась весьма разнородной и включала контингенты народов, проживавших как на территории Персии, так и за ее пределами. По этому показателю войска обеих противоборствующих сторон — и сасанидского Ирана, и Римской (Византийской) империи — были очень схожи друг с другом, что объясняется аналогичными геополитическими условиями, в которых оказались эти державы в III—VII вв. (полиэтничность населения Персии и империи, систематические нашествия варваров и необходимость увеличения численности вооруженных сил для борьбы с ними, заключение военных союзов с соседними племенами и государствами с целью обезопасить свои владения от варварских вторжений и др.). Более того, зачастую одни и те же народы (сарацины, сабиры, аланы, армяне) воевали на стороне как Ирана, так и Римской (Византийской) империи. Все это ярко демонстрирует сложность и противоречивость этнической и военно-политической обстановки в Евразии во второй трети I тысячелетия н. э.

§ 2. ОРГАНИЗАЦИЯ АРМИИ САСАНИДОВ

В развитии организационной структуры сасанидской армии условно можно выделить два периода:

- 1) первая половина III—середина VI в.;
- 2) вторая половина VI—середина VII в.

Рубежом между этими двумя этапами является эпоха правления шаханшаха Хосрова I Ануширвана (531—579), при котором было предпринято серьезное реформирование различных сфер общественной жизни Ирана, в том числе и военной.

На первом этапе организация войска Сасанидов находилась под сильным влиянием парфянских традиций¹². Это проявлялось буквально во всем. Как и при Аршакидах, войско сасанидского Ирана в III—середине VI в. было, по сути дела, ополчением, состоявшим из людей, способных к участию в боевых действиях и обязанных самостоятельно приобретать и содержать все необходимое для военной службы (оружие, доспехи, снаряжение, боевых лошадей, продовольствие и т. д.) за свой счет. Соответственно принадлежность к тому или иному роду войск (коннице или пехоте) определялась, прежде всего, не индивидуальными военными навыками, способностями, специальной подготовкой, а уровнем материального благосостояния воина, зависевшего, в свою очередь, от его социального статуса.

В сасанидском Иране существовали четыре основные социальные группы, носившие сословный характер: *магупатан*, *асваран*, *диптиран* и *вастриошан*, — объединявшие соответственно представителей зороастрийского духовенства (мобедов, или магов), воинов, чиновничества (дабиров, или писцов) и податного населения Ирана (крестьян, ремесленников и т. д.).

¹² Данный вопрос весьма подробно рассмотрен в специальном исследовании В. П. Никонорова (Никоноров, 2005. С. 141—179).

С точки зрения организации вооруженных сил важнейшее значение, естественно, имело сословие асваран. Сам термин «асваран» (*aswārān*), буквально означающий «всадники», обладал не только социальным, но и военным значением: именно из представителей этого сословия комплектовалась конница — основной род войск у персов.

Военное сословие было неоднородным. Сюда входили, прежде всего, члены аристократических родов, в том числе царского. Высшей прослойкой аристократии в сасанидском Иране являлись *васпухры* (*wispuhr*) — представители царской династии и, вероятно, наиболее знатных родов, которых в Иране, согласно Феофилакту Симокатте, насчитывалось семь (Theophyl. IV. 18. 6—9). Близкий к васпухрам социальный статус имели *вазурги* (*wizurg*) — члены остальных семей высшей знати. Судя по всему, васпухры и вазурги формировали элиту сасанидской армии, ее высший командный состав. Основную же массу всаднического сословия составляли *азаты* (*азады*) (*āzāt, āzād*) — мелкая служилая знать и представители привилегированного слоя рядового, незнатного свободного населения Ирана. По своему социально-экономическому статусу азаты были мелкими землевладельцами, а то и просто свободными земледельцами средней руки, представителями верхушки сельской общины, имевшими необходимое снаряжение и возможность содержать боевого коня. Азаты, по-видимому, являлись вассалами васпухров и вазургов и в случае начала боевых действий обязаны были явиться во главе с ними под знамена шаханшаха¹³.

¹³ Дьяконов, 1961. С. 291.

Знатный персидский всадник-лучник. Реконструкция Е. О. Русаковой
(выполнено по изданию: *Nicolle D. Sassanian Armies*. Stockport, 1996)

С большой долей уверенности можно предположить, что тяжелая конница объединяла в своих рядах высший слой персидской знати (васпухров и вазургов) и верхушку азатов. Остальная же — большая — часть сословия асавран служила в качестве легкой кавалерии, поскольку, как уже отмечалось, катафракты составляли подавляющее меньшинство персидской конницы, около 90 % которой — легкая кавалерия.

Персидская пехота набиралась из менее состоятельных слоев иранского общества. В силу своего низкого имущественного статуса персидские пехотинцы имели плохое вооружение; из-за элементарного отсутствия свободного времени для упражнений во владении оружием и т. п. уровень военной подготовки сасанидской пехоты был всегда крайне низким. По этой причине роль пешего войска Ирана в боевых действиях была почти исключительно вспомогательной, второстепенной. Кроме того, как уже говорилось, для выполнения этих функций в пешие персидские части привлекались женщины и дети (в частности, для транспортировки грузов, амуниции и т. п.) (Liban. *Or.* LIX. 100; Herodian. VI. 5. 3), что также свидетельствует о низких боевых качествах сасанидской пехоты.

В случае начала боевых действий под знамена шаханшаха, помимо войск союзных народов, собирались воинские контингенты во главе с представителями высшей аристократии — упомянутыми выше васпухрами и вазургами, а также *шахрдарами* (*šahr-dār*) — правителями шахров («царств»), т. е. отдельных наследственных владений, входивших в состав Сасанидской державы в качестве автономных княжеств. Эти войска, в свою очередь, состояли из всад-

ников-азатов, являвшихся вассалами крупной знати, а также пеших подразделений. Так, из слов Аммиана Марцеллина можно сделать вывод, что во главе отдельных крупных отрядов персидской конницы во время похода Юлиана Отступника (363) стояли представители двух древних и знатнейших иранских родов — Суренов (Amm. Marc. XXIV. 2. 4; 6. 12) и Михранов (Amm. Marc. XXV. 1. 11). К более позднему периоду относятся аналогичные упоминания в сочинениях византийских историков: об одном из Суренов как предводителе персидского войска пишет Феофилакт (Theophyl. III. 5. 14); Прокопий Кесарийский неоднократно говорит о персидском полководце, представителе рода Михранов (Proc. Bell. Pers. I. 13. 16; 14. 1, 5, 7, 11, 13, 20, 29; 17. 26), как и Феофан (Theophan. A. M. 6021). Вероятно, именно таких предводителей имели в виду тот же Аммиан, употреблявший по отношению к персидским военачальникам выражения «начальник конного воинства» (*equestris magister militiae*) (Amm. Marc. XXV. 1. 11) и «начальник конницы» (*magister equitum*) (Amm. Marc. XXIII. 6. 14), а также византийские историки, называвшие персидских командующих *аспехедами* (Ἀσπεβέδης) или *аспабедами* (Ἀσπαβέδης) (Proc. Bell. Pers. I. 9. 24; 11. 5; 23. 6; Theophyl. IV. 3. 5).

Не совсем ясны функции военного руководителя, носившего звание *хазарпат* (*hz'lwpt*) (букв.: «командующий тысячей [воинов]»), упоминаемого среди ближайших к царю вельмож еще в надписи Шапура I на Каабе Зороастра, а также в более поздних текстах¹⁴. Вероятно, на раннем этапе сасанидской истории ха-

¹⁴ Gignoux, 1992. Vol. 5. P. 423—424.

зарпат являлся главой военного ведомства Персидского государства, однако это лишь предположение, основанное на этимологии данного термина.

Должность хазарпата была не единственным высшим постом в системе военного командования сасанидского Ирана. Кроме него известен еще ряд подобных должностей. В частности, в различные периоды истории роль командующих вооруженными силами Персидской державы занимали вельможи, носившие титулы *асваран* (*артеиштаран*) *салар* (*aswārān* (*artē-štārān*) *sālār*) («начальник всадников») ¹⁵, *аргбед* (*argbed*) («начальник крепости» (?)) ¹⁶, *вазург фраматар* (*wuzurg framadār*) («великий (главный) военачальник»), *эран спхбед* (*Ērān spāhbed*) («начальник конницы Ирана»). Точно определить круг полномочий этих военных руководителей невозможно, однако вполне ясно, что все они относились к сасанидскому «генералитету» и командовали войсками Сасанидского государства (а возможно, выполняли помимо военных и иные функции). Кроме того, Прокопий Кесарийский упоминает о персидском полководце в звании *ханаранга* (*kanārang*) (Proc. Bell. Pers. I. 5. 4; 21. 4, 15; 13. 7, 8. 11, 13, 15, 16, 18, 22) — командира войск в Хорасане, на границе с эфталитами ¹⁷.

Трудно определенно ответить на вопрос о том, существовали ли в сасанидской армии в III—VI вв. регулярные подразделения, а если существовали, то

¹⁵ Sundermann, 1987. Vol. 2. P. 662.

¹⁶ Chaumont, 1987a. Vol. 2. P. 400—401.

¹⁷ См.: Frye, 1986. Vol. 1. P. 456.

что они собой представляли. Античные источники этой эпохи единодушны в отрицании сколько-нибудь регулярного характера персидского воинства. Наиболее четко данная мысль звучит у Геродиана, который в связи с этим отмечал:

Ведь варвары не дают жалованья воинам, как римляне, и не имеют регулярных и постоянных лагерей, где упражняются в воинских искусствах; у них собираются поголовно все мужчины, а иногда и женщины, когда прикажет царь. По окончании же войны каждый возвращается к себе домой, обогатившись тем, что досталось ему от награбленного... Раз разпущенное [персидское войско. — В. Д.] нелегко собрать вновь, так как оно не является ни упорядоченным, ни постоянным, но представляет собой скорее неорганизованную толпу народа, чем армию; и запасов провианта у них имеется только такое количество, сколько каждый, приходя, приносит с собой для собственного потребления; с неохотой и великим трудом покидают они детей, жен и родную страну (Herodian. VI. 5. 3; 7. 1).

В то же время очевидно, что какие-то элементы регулярного войска в сасанидском Иране должны были существовать, иначе добиться столь крупных успехов в борьбе с Римом уже в III—IV вв. Сасаниды просто не смогли бы. В этой связи можно в целом согласиться с мнением В. П. Никонорова, отмечающего наличие в сасанидском войске соединений, действовавших на регулярной основе, и относящего к ним царский конный отряд, войска под началом областеначальников и гарнизоны, оборонявшие крепости и

города¹⁸. Но если причисление крепостных и городских гарнизонов к регулярным воинским частям не вызывает сомнений, то в отношении царских войск и отрядов крупной знати не все столь очевидно. Речь в данном случае должна идти, скорее, не в целом о царской коннице или войсках областеначальников, а лишь об их костяке в виде, например, личной гвардии царя — упоминаемых в античных источниках «бессмертных» (см., напр.: Socr. Schol. VII. 20. 5, 6, 11; Pгoc. *Bell. Pers.* I. 14. 31, 44, 45, 49) — или *шахрдаров*.

Ясно, что при такой системе организации вооруженных сил для мобилизации армии в случае военной опасности требовалось определенное время, что, в свою очередь, не позволяло персам достаточно оперативно реагировать на вражеское вторжение. Так, из данных Аммиана Марцеллина видно, что отряд Сурена — первое крупное воинское соединение, которое встретила армия Юлиана Отступника на территории Персии в 363 г., — появился на пути римлян только спустя примерно две недели после их вступления в персидские владения, а большое войско, способное противостоять всей римской армии, персы смогли собрать примерно через полтора месяца, когда войска Юлиана уже подошли к самому Ктесифону. Компенсировать этот недостаток и были призваны крепостные и городские гарнизоны, т. е. регулярные войсковые части.

¹⁸ Никоноров, 2005. С. 152—153. Там же см. сводку упоминаний о регулярных воинских соединениях в письменных источниках.

Таким образом, организационная структура сасанидской армии до середины VI в. носила достаточно ярко выраженные феодальные черты и состояла из двух основных типов воинских контингентов: 1) отрядов, подконтрольных непосредственно царю, и 2) подразделений, возглавлявшихся представителями высшей иранской знати, находившейся с шаханшахом в вассальных отношениях. Кроме того, сюда следует отнести городские гарнизоны, а также подразделения союзников Ирана (сарацин, хионитов, албанов и других народов).

Данная система организации вооруженных сил рано или поздно должна была перестать устраивать Сасанидов. Прежде всего, для борьбы с Римом — главным противником на западе — Персии было необходимо войско, построенное на принципах, хотя бы приближенно напоминающих римские, а именно — способное быстро мобилизоваться в случае военной опасности или при необходимости совершения внезапного вторжения на вражескую территорию. Армия, по сути являвшаяся ополчением, этому требованию не отвечала. Кроме того, подобная система комплектования войска делала персидскую родовую и отчасти служилую знать фактически независимой от царя. Они ни чем не были обязаны лично шаханшаху, а потому последний не мог рассчитывать на их безоговорочную поддержку в случае крайней военной или политической необходимости. Это особенно ярко показали события, происходившие в Иране в V в.

При Ездегерде I Грешнике (399—420) произошло первое серьезное обострение отношений между царской властью и персидской знатю, претендовавшей

на главенствующую роль в жизни государства. Не имея возможности опереться на какую-либо серьезную силу внутри страны, Ездегерд был вынужден искать поддержки у проживавших в Персии христиан, тесно связанных с Византией. Итогом этого противостояния стала гибель Ездегерда от рук представителей знатных иранских родов.

В период последовавшей вслед за этим междоусобной войны 420—421 гг., происходившей между сыновьями Ездегерда — Хосровом, Шапуrom и Бахрамом, — знать поддержала Хосрова, Шапур же пал жертвой аристократического заговора. Бахраму — среднему сыну Ездегерда — в конце концов удалось захватить персидский престол, но сделать это он смог лишь при поддержке арабского войска. Однако и при Бахrame V Гуре (421—439) иранская знать всеми силами старалась усилить свое влияние. Это выразилось в том, что фактически реальная власть в государстве принадлежала представителю знатного рода Спендиат — Михр-Нарсе, занимавшему пост вазургфрамадара. Та же ситуация имела место и при Ездегерде II (439—457) — сыне Бахрама V. В годы борьбы за власть между сыновьями Ездегерда II — Ормиздом и Перозом — знать, опираясь на подконтрольные ей воинские контингенты, вновь активно вмешалась в борьбу за престол, встав на сторону в большей степени устраивавшего ее Пероза (459—484). После гибели Пероза во время войны с эфталитами знатные роды вообще попытались взять управление страной в свои руки, посадив на трон брата Пероза — Валарша (484—488) — и от его имени управляя страной по своему усмотрению. Когда же Валарш

перестал их устраивать, то был свергнут с престола и ослеплен.

Первым шаханшахом, попытавшимся усмирить чрезмерно усилившуюся знать, стал Кавад (488—531). Однако закончить начатое дело он не смог; ему удалось лишь ослабить иранскую аристократию с помощью народного движения маздакитов, которые были в определенной мере поддержаны царем в их стремлении к изъятию имущества у знати и вообще ее истреблению.

Таким образом, к моменту вступления на престол Хосрова I борьба между царской властью и иранской аристократией находилась в самом разгаре. Хосров учел опыт своих предшественников. Судя по всему, он осознал, что для усиления своей власти ему необходимы более организованные и надежные союзники, чем арабы, христиане или социальные низы. В связи с этим им был предпринят ряд важных реформ в различных областях жизни страны.

Во-первых, Хосров вернул знати захваченные у нее маздакитами земельные владения. Однако такое, казалось бы, весьма компромиссное решение, учитывающее интересы, прежде всего, аристократии, на практике означало усиление позиций самого монарха, поскольку многие главы знатных родов были уничтожены маздакитами, и, соответственно, их земли, считавшиеся после конфискации у маздакитов бесхозными, перешли в собственность государства.

Во-вторых, были изменены система налогообложения и организация сбора налогов. Если раньше единицы налогообложения четко не определялись, а взимание налогов находилось в ведении представите-

лей местной знати, в связи с чем налоговые поступления в казну не контролировались царской администрацией, то теперь государство упорядочило эту систему. Были определены точное число налогоплательщиков, ставки поземельного и подушного налога; процесс сбора налогов перешел под контроль царских чиновников. В результате казна стала регулярно и стабильно пополняться новыми финансовыми средствами.

Проведение этих двух мероприятий позволило Хосрову приступить и к реформированию вооруженных сил.

Прежде всего, пополнение казны новыми налоговыми поступлениями дало Хосрову возможность изменить принцип комплектования армии. Теперь воины получали от государства все необходимое для несения военной службы, в частности — экипировку и денежное жалованье. Это подорвало привилегированное положение крупных землевладельцев (в основном выходцев из наиболее знатных родов) в персидском войске. Отныне царь не зависел от их желания (или нежелания) выступать в поход под его знаменами. Кроме того, введение принципа государственного финансирования вооруженных сил обеспечило царю поддержку со стороны многочисленных средних и мелких землевладельцев, так называемых дехкан, т. е. того общественного слоя, от позиции которого в значительной мере зависела внутренняя ситуация в Сасанидском государстве. Существует даже мнение, что данное мероприятие Хосрова I привело к установлению в Иране новой социально-политической системы, при которой решающую роль в жизни госу-

дарства стала играть служилая, а не землевладельческая знать¹⁹. Однако, как показали последующие события, влияние «старой» персидской аристократии было подорвано далеко не полностью.

Для улучшения материального положения воинов при Хосрове (или его сыне и наследнике Ормизде IV (579—590)) также была введена практика наделения их земельными участками из царского фонда, за счет доходов с которых они могли существовать и иметь все необходимое для военной службы. Данные об этом мы находим у Феофилакта Симокатты, отмечавшего:

Персы не снабжаются продовольствием из государственных запасов, как ромеи, когда они отправляются на войну, и не собирают его для себя по деревням и полям. Но у них есть закон автаркии; обычно царь распределяет между ними [земли], и они ведут свое хозяйство на предоставленном им [участке], заготавливая сколько нужно им для жизни; отсюда они должны добыть продовольствие, нужное и для себя, и для скота, пока они не начнут вторжение в чужую землю (Theophyl. III. 15. 4).

Возможной причиной такого шага являлась нехватка казенных средств для снабжения армии всем необходимым и поддержания ее боевых качеств на высоком уровне²⁰. Кроме того, предоставляя служилой знати сельскохозяйственные угодья из государственного земельного фонда, царь мог рассчитывать на более решительную поддержку с их стороны, что

¹⁹ CHI. Vol. 3 (1). P. 154.

²⁰ Nicolle, 1996. P. 53.

должно было способствовать усилению его собственной власти внутри государства.

Важные перемены произошли при Хосрове I и в военно-административной сфере. До сих пор главным командующим персидскими войсками являлся *эран спяхбед*. При первых Сасанидах эта должность неизвестна, что можно объяснить активным и непосредственным участием самих царей в военных походах²¹. Однако к середине VI в. эран спяхбед уже одно из высших должностных лиц Ирана. С целью децентрализации военного командования и недопущения сосредоточения в одних руках слишком больших военных полномочий пост эран спяхбеда при Хосрове был упразднен. Вся территория Ирана была разделена на четыре военных округа, во главе каждого — отдельный военачальник — *спяхбед*. Таким образом, вместо одного эран спяхбеда в Персии появилось четыре спяхбеда: спяхбед Востока (т. е. Хорасана и прилегающих территорий), или парфянский спяхбед, спяхбед Запада (т. е. западной части Ирана и Месопотамии), спяхбед Юга, или персидский спяхбед, и спяхбед Атурпаткана (т. е. закавказского региона), или спяхбед севера²². Гражданской власти спяхбеда не имели; на территории каждого из четырех округов она была передана в руки *паткоспанов* — гражданских чиновников.

Не совсем ясным остается вопрос о том, вся ли армия Сасанидов строилась на принципах, введенных

²¹ Дьяконов, 1961. С. 290.

²² Подробнее о спяхбедах см.: *Gyselen R. Spāhbed* // <http://www.bibliothecapersica.com/articlenavigation/index.html>

Хосровом I. Представляется, что его нововведения затронули лишь важнейшую часть персидского войска — кавалерию, оставив способ комплектования остальной массы вооруженных сил без изменений, т. е. за счет ополчения и контингентов союзных племен²³.

Трудно также сказать, имел ли Хосров своей целью перевод персидской армии (или хотя бы ее костяка — конного войска) на регулярную основу. Судя по всему, эту задачу царь-реформатор решить не пытался (да, скорее всего, и не мог). Его целью было лишь упорядочивание военной организации и установление над войском (прежде всего — кавалерией) более надежного контроля. Однако уже ближайшие события, последовавшие после смерти Хосрова и связанные с восстанием узурпатора Бахрама Чубина, поддержанного значительной частью персидской армии, показывают, что в этом отношении мероприятия Хосрова I не увенчались успехом: позиции высшей аристократии в военной сфере остались по-прежнему сильными.

Тем не менее военные реформы Хосрова I внесли серьезные изменения в организацию вооруженных сил и систему военного командования Персидского государства. Во многом благодаря именно этому государство Сасанидов оказалось в состоянии успешно бороться со своими главными внешнеполитическими противниками — Византийской империей и кочевыми народами Азии — еще на протяжении столетия вплоть до завоевания Ирана арабами.

²³ Дьяконов, 1961. С. 312.

ГЛАВА 2

ВООРУЖЕНИЕ И ОДЕЖДА САСАНИДСКОЙ АРМИИ

§ 1. ОРУЖИЕ

Комплекс наступательного вооружения персов сасанидской эпохи отличается разнообразием и сочетанием различных по своим характеристикам и назначению видов оружия. В значительной мере использовавшийся персами военный «инструментарий» сложился еще в парфянский период (III в. до н. э.—III в. н. э.) и, судя по источниковому материалу, мало изменился за четыре столетия существования Сасанидского государства ¹.

Все без исключения письменные и изобразительные источники свидетельствуют о том, что важнейшим наступательным оружием сасанидских воинов был лук. Он имел сложносоставную конструкцию и по своим характеристикам был близок к таким же

¹ Никоноров, 2005. С. 157—164.

Наследник персидского престола охотится на львов.

Изображение на серебряном блюде, IV в. (воспроизведено по изданию: *Лукопин В. Г.* Искусство Древнего Ирана. М., 1977)

(иначе называемым сложными, усиленными, слоеными или композитными) лукам гуннского и парфянского типов, восходящим, в свою очередь, к комплексу вооружения кочевников Центральной Азии, сформировавшемуся в последние столетия до н. э.²

² Никонов, 2002. Т. 1 (XXVI). С. 278—279; Никонов, Худяков, 2004. С. 195; Никонов, 2005. С. 157—158.

Однако, в отличие от своих «собратьев», луки, находившиеся на вооружении у персов, имели характерную конструкционную особенность — длинные концы («рога», как их называют античные источники), являвшиеся продолжением упругих «плеч» лука, в связи с чем их объединяют в отдельный тип луков — сасанидский, или кушано-сасанидский (поскольку однотипные луки использовались и кушанскими стрелками).

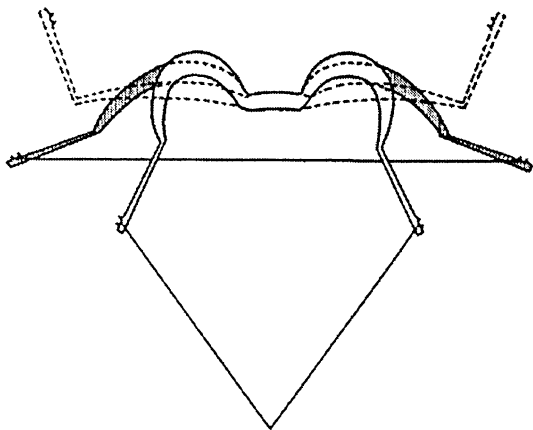
Охота Шапура II на львов. Изображение на серебряном блюде, IV в. (воспроизведено по изданию: *Herrmann G. The Iranian Revival. Oxford, 1977*)

Лук сасанидского типа хорошо известен благодаря многочисленным изображениям охотничьих и батальных сцен на памятниках среднеперсидского искусства, в первую очередь — серебряных блюдах и рельефах. Кроме того, о сасанидских луках неоднократно упоминают позднеантичные авторы. Особенно подробное описание такого лука имеется у Аммиана Марцеллина:

Широкие, с обоих концов выступающие рога этих луков стягивались очень медленно, зато пущенная сильным ударом тетива метала окованные железом стрелы с такой силой, что, впиваясь в тело противника, они пронзали его насмерть (Amm. Marc. XXIV. 2. 13).

Кибити, т. е. упругие основы, сасанидских и других сложносоставных, луков изготавливались из трех главных материалов — дерева, сухожилий и кости. Основа кибити была деревянной; к ней для увеличения прочности и упругости лука с наружной стороны в продольном направлении наклеивались сухожилия животных, а с внутренней прикреплялись костяные детали — накладки на рукоять лука и длинные «рога» на концы его «плеч». Тетива изготавливалась из жил животных, в частности козы (ДА. 40). Размеры сасанидского лука (длина кибити) в распрямленном состоянии составляли, судя по всему, около 1,5 м.

Луки с натянутой тетивой, т. е. в снаряженном состоянии, персы могли носить как в специальных футлярах (горитах), так и без них, надевая лук через голову на плечи тетивой назад, как это показано на од-

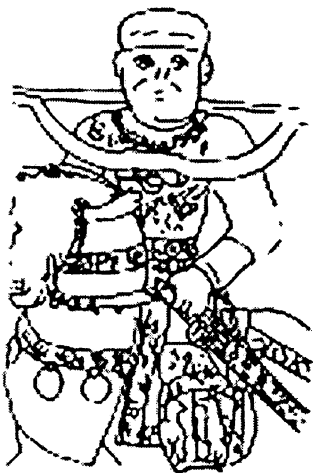

Реконструкция сложносоставного лука сасанидского типа и его деформации при натягивании тетивы (воспроизведено по изданию: *Никоноров В. П.* К вопросу о парфянском наследии в сасанидском Иране: военное дело // Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов: археология, история, этнология, культура: Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Александра Марковича Беленицкого (Санкт-Петербург, 2—5 ноября 2004 г.). СПб., 2005

ном из рельефов в Так-и Бустане³. Чтобы лук не терял упругость, в повседневной обстановке тетива с него снималась; в этом случае он помещался в специальный кожаный футляр (налучье). Запас стрел во время сражения находился в колчане, висевшем на поясе воина с правой стороны.

³ Nicolle, 1996. P. 26 (fig. 17, B).

Луки знатных персов отличались богатой отделкой; Либаний упоминает о наличии у персов «луков тонкой отделки» (Liban. Or. XVIII. 248), а Геродиан сообщает о том, что персы, присланные Арташиром к Александру Северу для ведения переговоров, «блистали убранством коней и луков» (Herodian. VI. 4. 4). Следует также отметить, что лук и стрелы были для персов-зороастрийцев не просто оружием или атрибутом знатности — это были объекты, обладавшие сакральными свойствами. В «Предании о сыне Зарера» («Аййадгар-и Зареран») именно стрелой, пущенной семилетним сыном героя Зарера — Бастваром, был убит один из предводителей войска язычников-хионитов, колдун Видрафш. При этом на стрелу царем Виштаспом был предварительно наложен заговор:

Хосров II во время охоты.
Рельеф в Так-и Бустане, начало VII в. (воспроизведено по изданию: *Nicolle D. Sassanian Armies*. Stockport, 1996)

Тогда царь Виштасп приказывает оседлать коня. Он сажает на него Баствара, дает ему стрелу из своего колчана, благословляет его и говорит: «Теперь лети от меня, стрела, и принеси победу! Обретай по-

беду в каждом бою и сражении! Принеси славу нам день за днем, всегда носи врагу смерть!» (АЗ. 92).

Кроме лука и стрел, персы применяли и другие виды метательного оружия. Так, Аммиан Марцеллин неоднократно говорит об использовании персидскими воинами **пращей** (Amm. Marc. XIX. 5. 1; XX. 6. 6; 11. 9; XXIV. 2. 15; XXV. 3. 4). Судя по его данным, из пращи в противника метались не только камни, но и куски свинца, т. е. специально подготовленные метательные снаряды (Amm. Marc. XX. 6. 6; XXIV. 2. 15). Пращи изготавливались из кожи (ДА. 41) и были эффективным оружием, причинявшим врагу серьезный урон (Amm. Marc. XXIV. 2. 15).

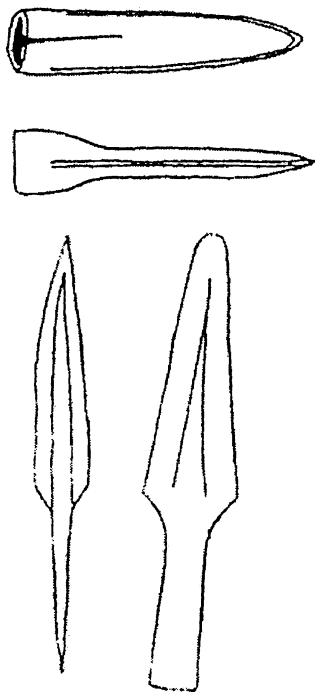
Для атаки противника со средней дистанции персы использовали метательные копья — **дротики**. О наличии у них метательных копий сообщают позднеантичные (Amm. Marc. XXV. 3. 6; Liban. Or. XVIII. 268; Proc. Bell. Goth. IV. 11; Theophyl. II. 6. 3, 8; IV. 9. 5; Mauric. XII. 3) и пехлевийские (ХК. 12) тексты, а также памятники сасанидского изобразительного искусства⁴. Интересно отметить, что именно кавалерийским дротиком был смертельно ранен император Юлиан (Amm. Marc. XXV. 3. 6; Liban. Or. XVIII. 268). В целом дротики были весьма популярным оружием не только в Иране, но и на всем Среднем Востоке в течение как позднеантичной, так и средневековой эпох.

К персидскому кавалерийскому оружию дистанционного боя следует также отнести **арканы**. Хотя

⁴ Nicolle, 1996. P. 23 (fig. 15, A).

римско-византийские источники умалчивают об использовании персами арканов, однако в «Вавилонском дереве» («Драхт-и асуриг») — сочинении пехлевийской литературы — о них говорится как об одном из распространенных предметов вооружения у персов. Согласно этому произведению, арканы изготавливались из кожи. Коза — одна из героинь «Вавилонского дерева» — заявляет своему оппоненту, финиковой пальме, т. е. собственно «вавилонскому дереву»:

«Аркан из меня делают, который используют во многих битвах, и он никогда не отрывается от креплений седла» (ДА. 41).

Навершия персидских копий
(воспроизведено по изданию:
Nicolle D. Sassanian Armies.
Stockport, 1996)

Таким образом, один из концов аркана крепился к седлу, что было распространенной практикой среди конного воинства древней и средневековой Евразии.

Применение персами арканов зафиксировано и в изобразительном искусстве сасанидской эпохи. Иконографические источники показывают, что при набрасывании аркана на противника одной рукой всадник держал сам аркан, в то время как во второй находился собранный в бухту запас арканного ремня⁵.

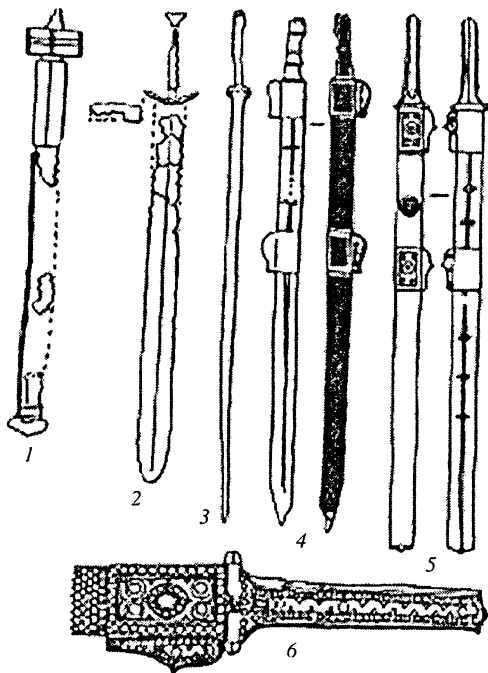
В ближнем бою наиболее распространенным оружием персов (и всадников, и пеших воинов) был меч. Об этом свидетельствуют и письменные источники (Amm. Marc. XVIII. 8. 12; XIX. 8. 4; XX. 7. 7. 14—15, 22; 11. 22; XXIV. 6. 11; Theophyl. III. 6. 4; Mauric. XI. 2; A3. 51, 84; XK. 12; BЧ. 32), и многочисленные изображения сасанидской эпохи⁶. Сасанидские мечи известны также по материалам археологических раскопок. Они имели прямой и длинный обоюдоострый клинок шириной около 5 и длиной примерно 85 см, однако присутствуют экземпляры длиной до 1,8 м, которыми, возможно, пользовались всадники (хотя они могли иметь и какое-то символическое, а не боевое назначение, ибо при таких размерах меча использующий его (пусть даже и восседающий на коне) воин должен был бы испытывать в бою большие неудобства).

На рельефе в Бишапуре, изображающем триумф Шапура I над римлянами, изображены пешие персидские воины, к поясам которых подвешены находящиеся в ножнах мечи⁷. Рукояти мечей находятся на

⁵ Nicolle, 1996. P. 11 (fig. 4, A), 60 (fig. 31, A).

⁶ Nicolle, 1996. P. 11 (fig. 4, C), 13 (fig. 5, A, B), 18 (fig. 11, A, C—E), 22 (fig. 14, A—C), 23 (fig. 15, D), 24 (fig. 16, E), 26 (fig. 17, A), 29 (fig. 18, A, B).

⁷ Nicolle, 1996. P. 13 (fig. 6, B).

Персидские мечи (1—3) и ножны (4—6) сасанидской эпохи, обнаруженные во время раскопок. Ножны (4) украшены серебром, (5—6) — золотом (воспроизведено по изданию: *Nicolle D. Sassanian Armies. Stockport, 1996*)

уровне груди, а нижний край ножен опускается до середины голени, т. е. длина меча в этом случае составляет примерно 90 см. Примерно такие же размеры имеют и мечи, встречающиеся на изображениях всадников.

Пешие воины при дворе шаханшаха. Рельеф в Бишапуре, конец III—начало IV в. (воспроизведено по материалам сайта «Livius. Articles on ancient history» // http://www.livius.org/a/iran/bishapur/bishapur_relief_6_3.JPG)

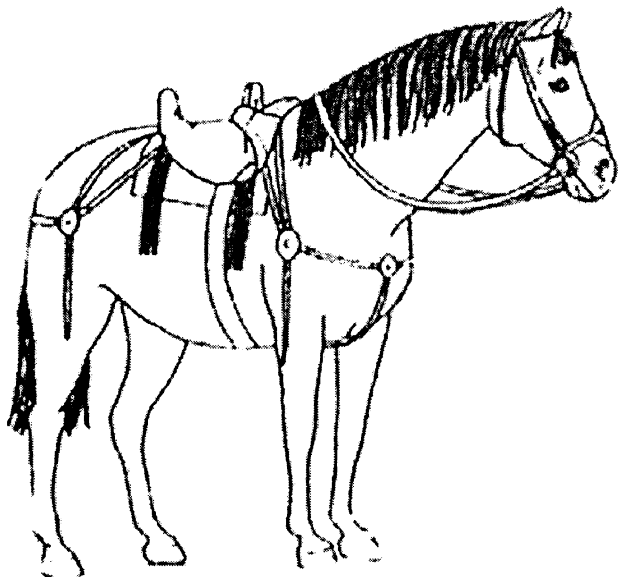
Подобно луку и стрелам, меч выполнял у персов не только сугубо военные функции. Для знати богато украшенный меч — необходимый атрибут, подтверждавший и демонстрировавший высокий социальный статус его владельца (Theophyl. III. 6. 4). Вообще ношение меча являлось привилегией знатных персов, не снимавших его даже в повседневной обстановке, о чем сообщает Аммиан Марцеллин (Amm. Marc. XXIII. 6. 75). На мече и стреле, согласно зороастрийской традиции, произносились самые нерушимые клятвы. Крас-

норечивый в данном отношении эпизод содержит «Предание о сыне Зарера»:

Говорит бидахш Джамасп [царю Виштаспу. — В. Д.]: «...Не изволите ли вы, о господин, положить правую руку на сердце и поклясться фарром Ормазда, верой маздаяснийской и жизнью брата Зарера — то есть на блестящем стальном мече и стреле, достойной героя, обратясь к Дрваспе, трижды скажите: „Я тебя не избыю и не убью и гнев на тебя не обрушу, так что говори, что случится в битве рода Виштаспа!“ Тогда царь Виштасп говорит: „Клянусь фарром Ормазда, верой маздаяснийской, жизнью брата Зарера, что я тебя не избыю и не убью и гнев на тебя не обрушу!“» (АЗ. 40—41).

Персидские катафракты не могли действовать без длинного (до 3—4 м) кавалерийского копья, называемого в античных письменных источниках **контосом**, использование которого также являлось наследием парфянской эпохи в истории военного дела Ирана. Вооруженные такими пиками катафракты часто фигурируют в батальных сценах, встречающихся на изображениях сасанидского периода⁸. Согласно иконографическим данным, всадник держал копье двумя руками: правой — ближе к заднему краю древка, левой — ближе к острию, — и направлял удар по диагонали, влево от траектории движения лошади. Однако такая двуручная хватка контоса не раз становилась предметом дискуссий среди современных исследователей, поскольку

⁸ Nicolle, 1996. P. 12 (fig. 5, A), 16 (fig. 9, A).

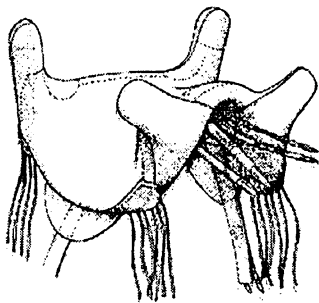
Снаряжение римского боевого коня I в. н. э. Современная реконструкция (воспроизведено по изданию: *Никопоров В. П.*

К вопросу о парфянском наследии в сасанидском Иране:
военное дело // Центральная Азия от Ахеменидов
до Тимуридов: археология, история, этнология, культура:

Материалы Международной научной конференции,
посвященной 100-летию со дня рождения
Александра Марковича Беленицкого (Санкт-Петербург,
2—5 ноября 2004 г.). СПб., 2005)

ку до сих пор точно не ясно, каким образом при нанесении удара катафракта, не имея возможности упереться в стремени по причине их отсутствия, не выле-

тал из седла. Возможным (и, кажется, наиболее вероятным) решением этой проблемы является мнение, высказанное, в частности, В. П. Никоноровым⁹, об использовании сасанидскими тяжеловооруженными всадниками возникших еще в начале аршакидской эпохи седел особой конструкции, имевших жесткий каркас и высокие луки (либо расположенные по углам седла выступы-«рога»)¹⁰. Седло такого типа позволяло катафракту иметь более глубокую и прочную посадку за счет наличия упоров в виде тех самых «рогов» или седельных лук и, таким образом, оставаться в седле во время нанесения своим тяжелым копьём удара по противнику.

Римское кавалерийское седло I в. н. э. Современная реконструкция (воспроизведено по изданию: Никоноров В. П. К вопросу о парфянском наследии в сасанидском Иране: военное дело // Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов: археология, история, этнология, культура: Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Александра Марковича Белецкого (Санкт-Петербург, 2—5 ноября 2004 г.). СПб., 2005)

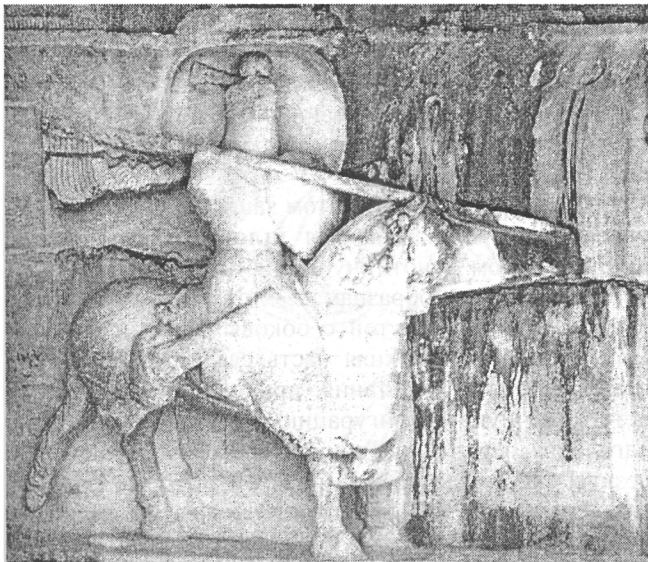
⁹ Никоноров, 2005. С. 159 (примеч. 67), 161.

¹⁰ Никоноров, 2005. С. 179 (ил. 5, 1—6); Nicolle, 1996. P. 20 (fig. 12, D).

§ 2. ЗАЩИТНОЕ СНАРЯЖЕНИЕ

Что касается защитного снаряжения персидских воинов, то оно также было достаточно совершенным и эффективным. Наиболее полно в источниках представлен материал, касающийся защитной экипировки сасанидских всадников. Сюда, прежде всего, следует отнести длинную **кольчугу**, надежно защищавшую тело воина почти до самых колен. Хрестоматийным в данном отношении примером, своеобразным «наглядным пособием» по изучению снаряжения персидского катафракта является известная статуя тяжелооруженного всадника в Так-и Бустане, изображающая, вероятно, шаханшаха Хосрова II (590—628). На ней четко видно, что кольчугой были защищены не только корпус воина, но и его руки, шея и большая часть лица.

Кроме того, персидский доспех мог быть изготовлен из небольших железных пластин, нашитых на тканевую основу. Упоминания о доспехах такого типа мы встречаем у Аммиана Марцеллина, отмечавшего, что персы «производили впечатление людей из железа: полосы железа, точно приложенные по форме частей тела, одевали надежным покровом весь корпус» (Амм. Марс. XXIV. 2. 10); «железные бляшки так тесно охватывают все члены, что связки совершенно соответствовали движениям тела» (Амм. Марс. XXV. 1. 12); «при каждом движении тела тесно облегающие члены пластинки слепили глаза встречным» (Амм. Марс. XXIV. 6. 8). Аммиан сравнивает доспех персов с перьевым покровом птиц, отмечая его легкость и прочность (Амм. Марс. XXIV. 4. 15).

Хосров II в полном вооружении катафракта. Статуя в Так-и Бустане, начало VII в. (воспроизведено по изданию: *Herrmann G. The Iranian Revival. Oxford, 1977*)

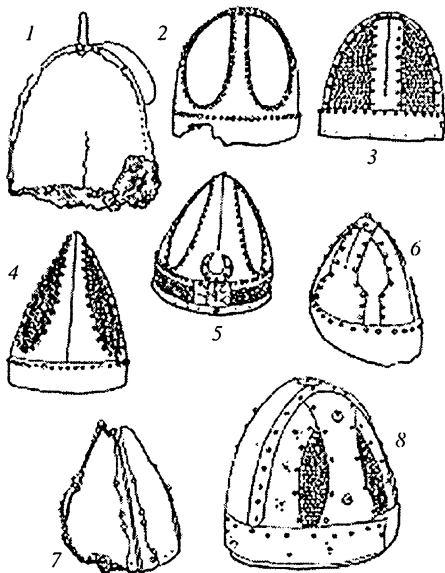
Его носили как всадники (Amm. Marc. XIX. 1. 2), так и пешие воины (Amm. Marc. XXIV. 2. 10; 4. 15; XXV. 1. 12). Описанный римским историком доспех изготавливался, судя по всему, по индивидуальному заказу и не очень стеснял движения персидского воина, что было очень важно в бою.

Характеристика персидского защитного снаряжения Аммианом в целом совпадает с той, что дают его современник Либаний, неоднократно упоминающий

о наличии у персов железных доспехов (Liban. *Or.* XVIII. 206, 264, 265), и Феофилакт Симокатта (Theophyl. III. 14. 2). Антиохийский ритор, кроме того, указывает, что у персов (очевидно, представителей знати) доспехи были «богато изукрашены золотом» (Liban. *Or.* XVIII. 264).

Неотъемлемым элементом защитного снаряжения персидского воина являлся **шлем**. Шлемы персов имели в целом однотипную конструкцию и восходили к парфянским образцам, т. е. отличались высоким сводом и приплюснутой с боковых сторон формой. При виде сбоку верхняя часть сасанидского шлема имеет округлые очертания, при виде же спереди — остrokонечную конфигурацию. Как правило, боевые наголовья персидских воинов состояли из двух железных скорлупообразных пластин, которые скреплялись друг с другом продольной, зачастую расширяющейся книзу полосой, укреплявшей и закрывавшей место их соединения. Кроме того, другая железная полоса образовывала нижнее основание персидского шлема, а третья шла по линии его поперечного сечения, создавая, таким образом, жесткий крестообразный в плане каркас, укреплявший шлем и служивший его прочной основой.

Шлемы знатных воинов, как и другие предметы их военной экипировки, украшались с помощью плюмажей, гребней, золотых и серебряных деталей (обычно на передней части основания шлема), гравировки, полированных бронзовых заклепок или тонких и также полированных бронзовых листов, накладывавшихся на боковые «скорлупки» шлема под железные полосы каркаса. В последнем случае листовые накладки, ви-

Шлемы сасанидских воинов, обнаруженные во время раскопок:

- 1 — Дура-Европос, середина III в.; 2 — Северный Ирак, IV—V вв.;
 3 — Северный Иран, V—VII вв.; 4 — Северный Ирак, V—VII вв.; 5 —
 Западный Иран, VI—VII вв.; 6 — Северный Ирак, VI—VII вв.; 7 —
 Северный Ирак, начало VII в.; 8 — Иран, VI—VII вв. (воспроизведено
 по изданию: *Nicolle D. Sassanian Armies*. Stockport, 1996)

димо, не только украшали шлем, но и предохраняли его от коррозии.

К основанию шлема в его передней части могла крепиться подвижная **защитная маска** с перпендикулярно расположенной планкой, защищавшая от травм верхнюю часть лица и нос воина. Эта деталь присут-

ствует и на упомянутом выше скульптурном изображении катафракта в Так-и Бустане.

Особый интерес вызывает описание защитной маски сасанидского воина, приводимое Аммианом Марцеллином:

Прикрытие лица так хорошо прилегало к голове, что все тело оказывалось закованным в железо, и попадавшие стрелы могли вонзиться только там, где через маленькие отверстия, находившиеся против глаз, можно было видеть, или где через ноздри с трудом выходит дыхание (Amm. Marc. XXV. 1. 12).

Из слов историка можно сделать вывод, что персы имели маску, закрывавшую не только глаза и переносицу, но и все лицо. Эта задача, как показывают находки шлемов сасанидской эпохи в сочетании с изобразительными источниками, решалась и иным путем: к основанию шлема и нижнему краю защитной маски крепилась кольчуга, полностью защищавшая таким образом голову воина от возможных ран и увечий.

Важной составной частью персидского оборонительного снаряжения являлся щит. На основании материалов источников можно выделить два основных вида сасанидских щитов: большие, которые использовала пехота, и меньших размеров, применявшиеся как пешими, так и конными воинами. В текстах римско-византийских авторов, как правило, фигурируют щиты первого вида. Они имели большие, удивлявшие античных писателей (или их информаторов) размеры и служили, как следует из соответствующих описаний, прежде всего для защиты самих пехотинцев и прикрываемых ими персидских боевых порядков от

метательных снарядов и стрел противника. Основа такого щита плелась из лозняка или тростника, а затем ее покрывали сырой кожей:

Персидская пехота, с трудом отбивая щитами стрелы, летевшие из орудий со стен, раздвинула свой фронт (*Amm. Marc. XIX. 7. 4*).

Прикрываясь щитами, сплетенными из крепкого лозняка и покрытыми сырыми кожами, они [персы. — *В. Д.*] оказывали самое деятельное сопротивление (*Amm. Marc. XXIV. 2. 10*).

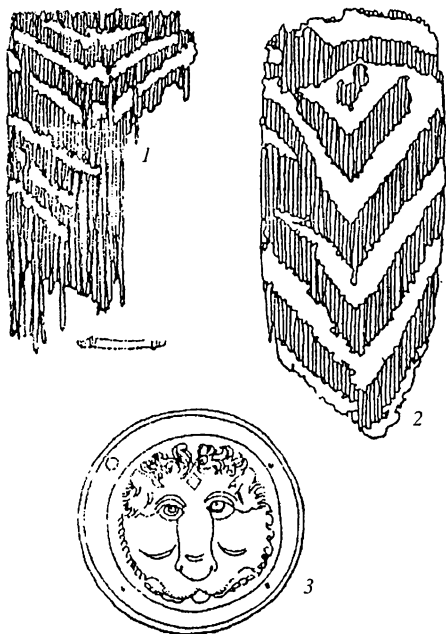
В резерве были оставлены манипулы пехотинцев; прикрываясь продолговатыми выпуклыми щитами, сплетенными из тростника и покрытыми сырой кожей, выступали они в тесном строю (*Amm. Marc. XXIV. 6. 8*).

Свои огромные щиты они [персы. — *В. Д.*] выставляют только для того, чтобы самим обороняться от неприятельских стрел и копий (*Proc. Bell. Pers. I. 14. 26*).

Во время сражения пехотинцы из персидского войска побросали свои длинные щиты и пребывали в полном беспорядке (*Proc. Bell. Pers. I. 14. 52*).

Они [готы. — *В. Д.*] шли, выставив перед собою большие четырехугольные щиты, ничуть не меньше, чем плетеные щиты персов (*Proc. Bell. Goth. I. 22*).

Сведения письменных источников подтверждаются археологическим материалом. Остатки щитов данного вида, датируемые серединой III в., были обнару-

Персидские щиты (1—2) и умбон (3) сасанидской эпохи (III—IV вв.), обнаруженные в ходе раскопок (воспроизведено по изданию: *Nicolle D. Sassanian Armies*. Stockport, 1996)

жены при раскопках в Дура-Европосе¹¹. Они имели прямоугольные или овальные очертания и были изготовлены из расположенных вдоль продольной оси щита стеблей тростника, переплетенных полосками (ремнями) из невыделанной кожи. С обратной сторо-

¹¹ Nicolle, 1996. P. 67 (fig. 35, A, B).

ны имелась сделанная также из тростника рукоятка, за которую воин держал щит.

Щиты такой конструкции были сравнительно легкими, простыми в изготовлении и, что немаловажно, дешевыми. Поэтому ими вполне можно было вооружить сколь угодно много пеших воинов, обеспечив тем самым (пусть и за счет количества, а не качества) в случае необходимости защиту более важному и «дорогому» роду войск у персов — тяжелой коннице.

О щитах второго вида в письменных источниках почти ничего не говорится, и лишь по косвенным данным можно установить, что в том или ином конкретном случае речь идет не о легких плетеных, а о прочных металлических щитах. Так, например, Агафий Миринейский, описывая сражение под Фасисом (555), сообщает о сопровождавшем эту битву сильном шуме, в том числе и от стука щитов (Agath. III. 25). Понятно, что подобный (причем достаточно громкий) звук мог возникнуть только от удара по твердому, скорее всего металлическому, предмету, в данном случае — по щиту. Щиты персов (явно не тростниковые) упомянуты Агафием и в качестве доставшегося ромеям ценного военного трофея наряду с доспехами, луками и колчанами и драгоценными украшениями (Agath. III. 28). Еще раньше Либаний, повествуя о персидском походе Юлиана (363), говорил о персидских «сверкающих щитах», явно имея в виду щиты с металлическим покрытием (Liban. *Or.* XVIII. 248). В обоих случаях, исходя из контекста, трудно определить, кто именно — пешие или конные воины — использовал эти щиты. В то же время катафракт из Так-и Бустана держит в левой руке небольшой щит круглой

формы, что позволяет констатировать наличие такого защитного снаряжения и у всадников, участвовавших в описываемых Либанием и Агафием событиях. Кроме того, Аммиан Марцеллин, рассказывая о попытке Шапура II приблизиться к стенам Безабды во время ее осады (360), пишет:

Как только царь подошел к Безабде, он немедленно начал исследование укреплений. Окруженный свитой панцирных всадников в блестящих доспехах и хорошо заметный среди них, он смело приблизился к самому краю рва. На него были направлены тщательно намеченные удары баллист и туча стрел, но под прикрытием сомкнутых наподобие «черепахи» щитов он ушел невредимый (Amm. Marc. XX. 7. 2).

Таким образом, и здесь мы видим, что катафракты имели прочные щиты, с помощью которых персидский царь был надежно защищен от римских стрел и снарядов. На основании приведенных данных можно предположить, что и найденный во время раскопок на территории Ирана серебряный умбон с изображением львиной морды, датируемый IV в.¹², украшал щит какого-то (явно знатного) персидского катафракта.

При этом, однако, необходимо отметить отсутствие щита на подавляющем большинстве изображений сасанидских катафрактов, что, в сочетании с высказанными выше наблюдениями, может означать только одно: щит не являлся обязательным и, более того, типичным предметом воинского снаряжения персидских

¹² Nicolle, 1996. P. 67 (fig. 35, C).

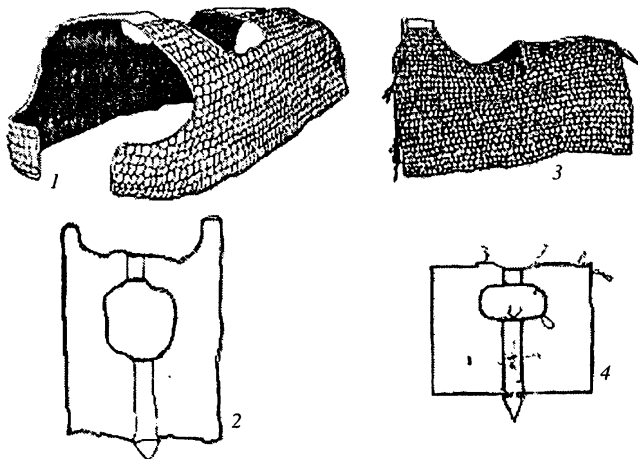
всадников (отсюда и редкие упоминания об этом в позднеантичных текстах). Скорее всего, он использовался в ситуации, когда катафракт не участвовал в полевом сражении, т. е. руки воина не были заняты контосом, но в то же время потенциально подвергался опасности неожиданного нападения со стороны противника (например, при совершении рекогносцировок, как в случае под стенами Безабды, описанном Аммианом).

Из сведений античных авторов следует, что у персов был защищен доспехами не только сам катафракт, но и его лошадь — для нее делался специальный кожаный (Amm. Marc. XXIV. 6. 8) или металлический (состоявший из нашитых на льняную ткань металлических пластин) (Heliod. IX. 15. 4) доспех в виде большой попоны, закрывавшей весь корпус животного, включая зачастую его шею и голову. Подобный тип снаряжения кавалерии являлся традиционным для Ирана и известен по многим письменным, изобразительным и вещественным источникам, относящимся как к сасанидской, так и более ранней — парфянской эпохе¹³.

Вопрос о происхождении комплекса тяжелых доспехов, защищавших и всадника, и лошадь, представляет собой отдельную и до сих пор не решенную (прежде всего из-за отсутствия необходимого источникового материала) проблему¹⁴. Часть исследовате-

¹³ Никоноров, 2005. С. 175 (рис. 1, 2, 4, 6), 176 (рис. 2, 1—4, 6, 8); Nicolle, 1996. P. 8 (fig. 2, A), 12 (fig. 5, A), 15 (fig. 8, A), 16 (fig. 9, A), 17 (fig. 10, A—E), 30 (fig. 19, A, K, P).

¹⁴ Вопросу о происхождении и снаряжении тяжеловооруженной кавалерии посвящено достаточно много исслед-

Железный (1, 2) и бронзовый (3, 4) конские доспехи, найденные во время раскопок в Дура-Европосе и датируемые серединой III в. (воспроизведено по изданию: *Nicolle D. Sassanian Armies*. Stockport, 1996)

лей придерживается мнения о том, что панцирная кавалерия была создана жителями оседлых земледельческих районов Средней Азии с целью защиты от нападений соседей-кочевников¹⁵. Есть точка зрения,

дований. Из работ последних лет см.: Nikonorov, 1998. С. 131—138; Coulston, 1986. P. 59—75; Michalak, 1987. Vol. 24. P. 73—86; Allan, 1987. Vol. 2. Fasc. 5. P. 485; Herrmann, 1989. Vol. 2. P. 757—810; Gall, 1990; Mielczarek, 1993; Idem, 1998. P. 101—105.

¹⁵ Толстов, 1948а. С. 211—227; Он же, 1948б. С. 140—141; Nicolle, 1996. P. 9. Близкую позицию занимали также

что такое снаряжение впервые стали использовать кочевники Среднего Востока¹⁶. Согласно третьему мнению, родину тяжелой конницы следует искать в Северном Причерноморье и на Северном Кавказе¹⁷. Существует также предположение, что тяжелая кавалерия появилась на территории Бактрии и Парфии¹⁸.

§ 3. Осадная техника

В отличие от своих предшественников — парфян — персы уделяли гораздо большее значение овладению вражескими укреплениями. Более того, основные, наиболее значительные сражения между войсками сасанидского Ирана и Римской (позднее Византийской) империи, как следует из источников, происходили чаще всего не на открытой местности, а под стенами

Б. А. Литвинский и И. В. Пьянков, по мнению которых конский доспех попал в Иран, Китай и, возможно, в Индию именно из Средней Азии (Литвинский, Пьянков, 1966. № 3. С. 44). С. П. Толстов доводит эту теорию до крайности, ошибочно (особенно в свете данных Аммиана Марцеллина) утверждая, что весь комплекс вооружения изображенных на ряде среднеазиатских находок тяжеловооруженных всадников «ничего общего не имеет с вооружением сасанидского Ирана» (Толстов, 1948а. С. 216). Ср.: Горелик, 1987. С. 111, 116, 369.

¹⁶ Laufer, 1914. P. 215; Горелик, 1982. № 3. С. 105; см. также: Толстов, 1948б. С. 140; Дьяконов, 1961. С. 392 (примеч. 181).

¹⁷ Черненко, 1971. С. 35—38.

¹⁸ Пугаченкова, 1966. № 2. С. 43.

крепостей и городов. По этой причине отдельного внимания заслуживает комплекс орудий и приспособлений, использовавшихся персами при осаде вражеских либо обороне своих крепостей.

Сразу же необходимо отметить, что осадно-оборонительная техника персов и способы ее боевого применения были идентичны тем, что использовались римско-византийской армией. Более того, обеими сторонами успешно применялись захваченные друг у друга трофейные орудия, что лишний раз демонстрирует практически полное сходство материально-технической и тактической составляющих сасанидской и позднеантичной полиоркии, сложившейся в основном в эллинистический период и мало изменившейся вплоть до позднего средневековья. В связи с этим характеристики, применяемые древними авторами к позднеримским либо ранневизантийским военным машинам, могут быть перенесены и на военную технику персов.

Наиболее подробно осадный инструментарий персов описан Аммианом Марцеллином. Из военных машин Аммиан чаще всего называет **баллисту** (этим названием в позднеантичную эпоху обозначалась катапульта) (Amm. Marc. XIX. 5. 1; 7. 2, 5, 7; XX. 11. 13), из которой в римлян металась не только камни и им подобные метательные снаряды, но и горшки с зажигательной смесью, о чем, помимо Аммиана (Amm. Marc. XX. 11. 13), сообщают и другие авторы (Liban. Or. XVIII. 237; Proc. Bell. Goth. IV. 11; Agath. III. 25). Следует также отметить, что при защите и осаде крепостей баллисты часто использовались персами не для разрушения укреплений, а для поражения живой силы противника (Amm. Marc. XIX. 5. 1, 6; 7. 2, 5),

что вообще было типично для военного дела данной эпохи. Однажды даже сам император Юлиан чуть не погиб от выстрела из какого-то осадного орудия (*tormentum murale*) (Amm. Marc. XXIV. 5. 6), которым, очевидно, была именно баллиста. Она могла размещаться как на крепостной стене, так и на верхней площадке осадной башни, чтобы более эффективно, направляя снаряды по нисходящей траектории, поражать находящегося на стенах противника (Amm. Marc. XIX. 5. 1, 7; 7. 2).

Главным приспособлением для разрушения стен и башен вражеской крепости являлись имевшие сходное устройство **тараны** (Amm. Marc. XX. 6. 5, 6; 7. 12, 13; Proc. *Bell. Pers.* I. 7. 12; *Bell. Goth.* IV. 11, 14) и **черепахи** (Agath. III. 25, 28) различных размеров и, соответственно, мощности. Эти устройства состояли из бревенчатого каркаса и подвешенного к нему на цепях толстого прямого бревна с металлическим наконечником — ударной части тарана или черепахи. Для защиты от горящих стрел и других зажигательных снарядов, посылаемых противником со стен, изготовленный из дерева таран, как правило, был закрыт навесом с настланными сверху мокрыми шкурами (Amm. Marc. XX. 7. 13); это позволяло также обезопасить от ранений воинов, раскачивавших бревно тарана. Для подведения этого орудия к стене его основание было снабжено колесами, однако из-за больших размеров и тяжести на пути движения тарана требовалось удалить все препятствия (прежде всего, засыпать ров и скрыть вал) и подготовить достаточно ровную площадку, что зачастую стоило осаждающим значительных жертв.

Подробные описания конструкции тарана и черепахи содержат соответственно произведения Аммиана Марцеллина и Вегеция:

Выбирают высокую ель или ясьень и обивают один конец на достаточном протяжении толстым железом, придав ему форму бараньего лба, откуда происходит название этой машины ¹⁹; бревно подвешивают на поперечных балках, окованных железом, удерживая его в равновесии между ними. В соответствии с величиной бревна приставляют к нему определенное число людей, которые то оттягивают его назад, то со всей силой толкают затем на сокрушение того, что находится впереди, наподобие того, как насккивает и отступает баран. От частых ударов, как от одного за другим ударов молнии, сооружения дают трещины и расшатанные стены обрушиваются (Аmm. Marc. XXIII. 4. 8).

Черепаха делается из деревянных балок и досок; чтобы она не горела, она покрывается свежей шкурой, киликийским из козьей шерсти ковром или сшитым из кусков покрывалом. Под этой крышей находится шест, к концу которого прикрепляется загнутый железный крюк, от него он и называется серповидным шестом, потому что он загнут; его назначение — вырывать из стены камни; иногда его головная часть одевается железом, и тогда он называется тараном или потому, что он имеет твердый «лоб», которым он разрушает стены, или потому, что по примеру баранов он отскакивает назад, чтобы ударить с тем большей силой и стремительностью. Че-

¹⁹ Таран и баран по-латински называются одинаково — *aries*.

репах же получила свое название от сходства с подлинной черепахой, которая то высовывает, то прячет голову: подобно ей, и это сооружение то прячет, то вновь выдвигает «таран», чтобы тем сильнее ударить (Veget. *ERM.* IV. 14).

Достаточно широко применялись персами и **осадные башни** (гелеполы) (Amm. Marc. XIX. 5. 1; 7. 2, 5, 7; Proc. *Bell. Pers.* II. 27. 39; Theophyl. III. 11. 2), в том числе и с защищенной железными листами фронтальной поверхностью (Amm. Marc. XIX. 5. 1; 7. 2). Интересно, что Аммиан ничего не сообщает о наличии таких башен у римлян; нет упоминаний об окованных железом гелеполах и в «Кратком изложении военного дела» Флавия Вегеция Рената — одном из главных источников по истории военного дела у римлян в период домината. Из данных Аммиана следует, что гелеполы в современную ему эпоху вообще редко использовались римской армией. Н. Остин объясняет это трудностью их постройки и транспортировки²⁰, однако очевидно, что для персов это было не менее затруднительно, и, тем не менее, осадные башни ими активно использовались.

Вегетий так описывает гелеполу:

Башнями называются сооружения, сделанные из брусьев и досок, по внешнему виду похожие на здания; для того чтобы столь огромное сооружение не было сожжено неприятельским огнем, они очень старательно покрываются свежими кожами и лоскутными покрывалами. Сообразно с их высотой им прида-

²⁰ Austin, 1979. Vol. 165. P. 141.

ется и ширина. Иногда они бывают шириной в 30 футов в квадрате, иногда в 40, а иногда и в 50. Высота их такова, что не только они превосходят высотой стены города, но даже и их каменные башни. Под эти башни по законам механики подводится много колес, катясь на которых и движется это огромное сооружение. Если такая башня будет пододвинута к стенам города, то ему грозит уже непосредственная опасность. В одной такой башне заключается много лестниц, и при их помощи можно различными способами ворваться в город. В нижних ее этажах находится таран, при помощи которого разрушается стена; в середине имеется [перекидной] мост, сделанный из двух балок и заплетенный прутьями; его внезапно выдвигают и помещают между башней и стеной; по нему проходят бойцы из башни, переходят в город и занимают стены. В верхних этажах этой башни помещаются воины с пиками и стрелки, которые с высоты башни поражают защитников города пиками, метательными копьями, камнями. Раз это случилось, город захватывается без замедления (Veget. *ERM.* IV. 17).

Важную роль при осаде вражеских городов играли также **осадные**, или **штурмовые, щиты** (плутеи), служившие прикрытием шедшим на штурм персидским воинам (Amm. Marc. XIX. 5. 1; XX. 6. 3), и **штурмовые навесы** (винеи) (Amm. Marc. XIX. 7. 3; XX. 6. 3; XXIV. 2. 18). Эти осадные приспособления также описаны Вегецием:

Эта машина [винея. — В. Д.] собирается из легкого дерева; в ширину она имеет 8 футов, в высоту — 7, в длину — футов 16. Ее крыша делается из досок и хвороста в два слоя. Точно так же и бока за-

плетаются прутьями, чтобы сюда при ударе не проникали камни и копья. Снаружи во избежание пожара от брошенных зажигательных снарядов они покрываются сырыми, только что содранными шкурами или лоскутными покрывалами. Когда этих виней сделано много, они ставятся в ряд, и под их покровом осаждающие спокойно приближаются к укреплениям, чтобы подрывать фундамент стен.

«Плутеями» называются машины, которые, наподобие арки, сплетаются из хвороста и покрываются или киликийскими козьими покрывалами, или кожами; они двигаются на трех небольших колесах, из которых одно находится посередине, два других ставятся спереди «в головах»; благодаря им это сооружение можно повернуть в любую сторону, наподобие телеги; засев под ними, враги подходят к стенам, и, пользуясь этим прикрытием, они стрелами и пращами или же метательными копьями прогоняют всех защитников с бруствера стен, чтобы тем легче получить благоприятный случай и подняться по лестницам на верх стен (Veget. *ERM.* IV. 15).

Кроме того, при штурме римских и византийских укреплений персы не могли не использовать **штурмовые лестницы** (Amm. Marc. XIX. 5. 6; XX. 6. 3; 7. 6; Proc. *Bell. Pers.* I. 7. 25; II. 7. 9; 8. 20; 27. 18, 19, 21; 27. 29, 39), с помощью которых воины взбирались на крепостные стены.

При обороне находили применение толстые стеганые шерстяные **завесы**, которые античные авторы называют **килийскими** (Amm. Marc. XX. 11. 9; XXIV. 2. 10; Proc. *Bell. Pers.* II. 26. 29; Agath. III. 6; Theophyl. II. 18. 3). Персы вывешивали их на наиболее уязвимых участках крепостных стен с наружной

стороны для смягчения удара пущенного из вражеской баллисты снаряда (Amm. Marc. XXIV. 2. 10) либо прикрывали ими промежутки между зубцами стены для защиты своих воинов от метательных снарядов и стрел врага (Amm. Marc. XX. 11. 9). Как отмечал в связи с этим Вегетий, «по бойницам надо протянуть двойные циновки или козьи киликийские ковры, чтобы они задерживали полет стрел; не так-то легко пробивает стрела или дротик то, что качается и уступает удару» (Veget. *ERM.* IV. 6).

Кроме того, во время обороны персы широко использовали различные подручные средства, обычно применяемые в такой ситуации: бочки, обломки колонн (Amm. Marc. XX. 11. 10), расплавленную смолу (Amm. Marc. XX. 11. 15), охапки горящего хвороста (Amm. Marc. XX. 11. 18—19), сети и канаты для захвата и удержания ударной части тарана (Amm. Marc. XX. 11. 15), камни (Amm. Marc. XX. 11. 9) и другие приспособления и материалы.

Таким образом, можно констатировать, что сасанидское войско владело тем же комплексом осадных орудий и устройств, что и римско-византийская армия, а в ряде моментов даже превосходило своего противника.

ГЛАВА 3

ТАКТИКА ПЕРСИДСКОЙ АРМИИ

В военной теории (как античной, так и сасанидской) наука о тактике ведения боевых действий состояла из двух разделов: учения о ведении боевых действий на открытой местности («в поле») и учения об осадной войне, или полиоркия. Такая схема рассмотрения военного дела древности принята и в современной литературе. Будем придерживаться ее и мы, хотя, безусловно, данное разграничение носит в определенной мере условный характер, и целый ряд тактических приемов применялся персами в одинаковой степени как в полевых сражениях, так и при осаде либо обороне крепостных укреплений.

О высоком уровне развития военной теории в сасанидском Иране ярко свидетельствует тот факт, что здесь существовали специальные военные трактаты, представлявшие собой не только руководства по ведению войны, но и своеобразный итог профессиональных изысканий многих поколений иранских военачальников. Наиболее известным примером подобного рода произведений является военный трактат, содержащийся в недошедшей до нас «Аин-Намэ» —

«Книге установлений». Однако благодаря наличию арабских переводов «Аин-Намэ» мы знаем ее содержание и можем составить представление о том, как рассматривались правила ведения боевых действий (особенно — на открытой местности) с точки зрения персидской военной теории сасанидской эпохи.

Сразу же необходимо отметить, что в большинстве случаев (особенно что касается принципиальных, основополагающих моментов) положения сасанидской и позднеантичной военных теорий явно перекликаются, что, по нашему мнению, можно объяснить двумя факторами. Во-первых, это может быть обусловлено длительными римско-персидскими (а до этого, в I в. до н. э.—III в. н. э., римско-парфянскими) войнами, в ходе которых армии противоборствующих сторон неизбежно заимствовали друг у друга различные способы и приемы ведения боевых действий. Во-вторых, не исключено и прямое литературное влияние поздне-римской (ранневизантийской) военной традиции на персидскую. Однако описанные в источниках события римско-персидских войн показывают такое сходство тактических приемов персов и римлян, использовавшихся ими на практике, что возможность непосредственного влияния византийской военной литературы на сасанидскую, без наличия предварительной «обкатки» персами излагаемых положений на полях сражений, может быть сведена к минимуму.

В целом тактика ведения боевых действий армией персов находилась в большой зависимости от конкретной ситуации, складывавшейся на театре военных действий, от особенностей вооружения и состава персидского войска, описанных выше, условий местности и целого ряда других факторов.

§ 1. ТАКТИКА ВЕДЕНИЯ ПОЛЕВОЙ ВОЙНЫ

Перед началом сражения персы располагались тремя большими и примерно равными в численном отношении частями: правое крыло, левое крыло и центр. Место для расположения центра (по терминологии «Аин-Намэ» — «сердца», или «двух главных частей»¹) персы старались выбирать на возвышенности, справедливо полагая, что «воины правого и левого крыльев не могут быть преодолены и побеждены, даже когда сильно потерпят, пока крепко держатся две главные части, если же разбиты две главные части, бесполезна стойкость правого и левого крыльев»². Роль левого и правого флангов, или крыльев, была различной. Правому крылу, как и центру, в сражении отводилась активная роль; они должны были атаковать противника, совершать необходимые маневры и т. д. Основной же задачей левого крыла являлось сдерживание натиска правого (наиболее сильного и опасного) фланга противника. В той же книге «Аин-Намэ» по этому поводу говорится:

Что же касается левого крыла, то оно не нападет, если только не будет наступать на него опасный враг, — тогда они отбрасывают нападение врага. При этом воины правого крыла и двух главных частей могут вступать в бой с наступающими на них и возвращаться к своим с тем, чтобы снова вступить в

¹ Название «две главные части» применялось к центру по той причине, что он состоял (или теоретически должен был состоять) не менее чем из двух боевых линий.

² Цит. по: Иностранцев, 1909. С. 47.

битву, а воины левого крыла могут делать это лишь при отступлении, и невозможно им, вернувшись, снова вступить в бой³.

Имеющиеся в нашем распоряжении источники не позволяют дать точный ответ на вопрос о количестве линий в боевых порядках персов во время сражения: здесь данные теории и практики трудно согласовать. Однако с уверенностью можно сказать о том, что таких линий, как правило, было не менее двух. Об этом говорят как данные ранневизантийских военных трактатов (Маурис. XI. 2), так и описания сражений. В 363 г., во время похода Юлиана Отступника в Персию, в битве под стенами Ктесифона персидское войско, по словам очевидца и участника событий Аммиана Марцеллина, было построено следующим образом:

Персы выставили против нас панцирных всадников... В резерве были поставлены манипулы пехотинцев. Прикрываясь продолговатыми выпуклыми щитами... выступали они в тесном строю (Амм. Марс. XXIV. 6. 8).

Более того, в этом сражении в качестве третьей линии фактически выступали боевые слоны, размещавшиеся за рядами пехоты:

Позади них [пехотинцев. — В. Д.] слоны, как перемещающиеся горы, движением своих огромных туш грозили гибелью приближавшимся... (Амм. Марс. XXIV. 6. 8).

³ Цит. по: Иностранцев, 1909. С. 47.

В сражении с византийцами при Даре (530) персы также располагались двумя линиями: персидский полководец «поставил против врагов не всех персов, а лишь половину, приказав остальным держаться сзади. Они должны были сменять сражавшихся и со свежими силами нападать на врагов с тем, чтобы все время они сражались поочередно» (Proc. *Bell. Pers.* I. 14. 29—30). В битве, произошедшей в 576 г. в Армении между византийцами во главе с полководцем Юстинианом и персами под командованием Хосрова Ануширвана, персидские войска также были построены не менее чем двумя линиями; Феофилакт Симокатта, говоря об этом сражении, пишет, что во время решительного натиска ромеев «находящиеся в резерве силы вавилонского войска не знали, что им делать» (Theophyl. III. 14. 8). Таким же образом персидская армия была расположена и в битве при Константине (581): командир персов Тамхосров неосмотрительно вступил в бой в *первой* линии и был здесь убит (Theophyl. III. 18. 2), т. е. в данном случае боевых линий в персидском войске тоже было не менее двух.

Самую элитную категорию сасанидского войска составлял отряд «бессмертных». В связи со своим статусом и на поле битвы «бессмертные» занимали особое положение: они находились в глубоком резерве, являясь своего рода «неприкосновенным запасом» персидской армии, вступающим в сражение лишь в ситуации крайней необходимости (Proc. *Bell. Pers.* I. 14. 31, 44).

Судя по всему, построение персидской армии перед боем представляло собой в плане сильно вытянутый прямоугольник, имевший прямой сплошной фронт

(в отличие от византийцев, иногда сознательно искривлявших свое построение в зависимости от ситуации (Maugis. III. 10)) без каких-либо разрывов между центром и крыльями (Maugis. XI. 2). Чтобы обезопасить себя от неожиданного нападения, персы, как и римляне, зачастую сооружали перед своим фронтом рвы (Theophyl. IV. 9. 5) либо использовали для этих же целей естественные преграды (например, овраги) (Theophyl. II. 8. 8—9).

Как правило, персы избегали первыми начинать открытые сражения и вступали в них лишь в крайнем случае либо будучи полностью уверенными в своем успехе (прежде всего, при подавляющем численном превосходстве над противником). «Аин-Намэ» в связи с этим рекомендует:

И пусть не вступает он [полководец. — *В. Д.*] в бой с войском иначе, как в случае крайней необходимости и в таком положении, когда нельзя избежать сражения... И когда большая часть воинов войска люди испытанные, разумные и храбрые, то самое лучшее для войска, чтобы враг первым напал на него; когда же большинство их неопытны и нельзя избежать боя, то всего лучше войску первому напасть на воинов врага. И не следует войску сражаться с врагом, если число его не превышает в четыре или три раза числа врагов; если же враг нападает на него, то оно может сражаться, если превышает число врагов приблизительно в полтора раза; если же враг вторгается в страну, то могут сражаться и будучи в меньшем числе... И пусть по возможности откладывается война, ведь в ней у сражающихся вызываются дерзкие действия, выказываются козни. Если же нель-

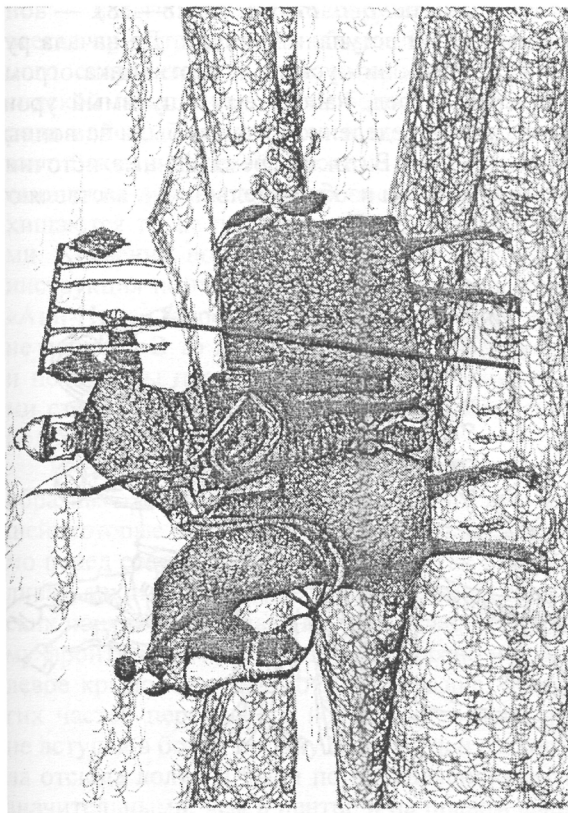
зя избежать сражения, то пусть сражаются легким оружием...⁴

Сведения «Аин-Намэ» тесно перекликаются с указанием Маврикия на то, что персы «любят уклоняться от боя не только накануне сражения, в особенности если узнают, что неприятель приготовился и построился к бою...» (Maugis. XI. 2). Помимо теоретических положений, стремление персов к уклонению от полевых сражений (за исключением упомянутых в «Аин-Намэ» ситуаций) подтверждается примерами из реальной военной практики. В частности, в 543 г. в бою под Англоном (персидской крепостью в Закавказье) Навед, командовавший персами, «дал им приказ ни в коем случае не начинать боя, а если враги станут нападать, защищаться как только можно» (Proc. Bell. Pers. II. 25. 19). Особенно осторожно персы вели себя в непривычных или неожиданных для них ситуациях. Так, в битве при Даре атаковавшие противника персидские всадники не рискнули преследовать обратившихся в бегство византийцев, а вернулись в свою боевую линию, поскольку построение ромейского войска было не совсем обычным, и персы опасались какого-нибудь подвоха (Proc. Bell. Pers. I. 13. 24—27). Примерно такая же картина наблюдалась и под Англоном, где персы отказались от преследования обратившихся в паническое бегство византийцев, полагая, что те хотят завлечь их в засаду (Proc. Bell. Pers. II. 25. 29—30).

⁴ Цит. по: Иностранцев, 1909. С. 47—49.

Но даже когда сражение становилось неизбежным, персы стремились как можно дольше не начинать его и оттянуть начало боя на послеполуденное время. Прокопий Кесарийский объясняет это своеобразным благородством персов, которые «привыкли есть на исходе дня, а римляне — до полудня; поэтому они [персы. — В. Д.] решили, что условия окажутся неравны, если они нападут на голодных» (Proc. *Bell. Pers.* I. 14. 34; см. также: Proc. *Bell. Pers.* II. 18. 17). На самом деле все было гораздо проще: верные своему правилу избегать напрасного риска, персы специально выжидали время и начинали битву во второй половине дня с тем, чтобы в случае поражения им было легче скрыться под покровом темноты. В битве при Даре, длившейся несколько дней, персы дважды атаковали римлян и оба раза — ближе к вечеру (Proc. *Bell. Pers.* I. 13. 25; 14. 34). В 541 г. под Нисибисом отряд византийцев под командованием полководца Петра подвергся нападению со стороны персов также после полудня (Proc. *Bell. Pers.* II. 18. 17—19).

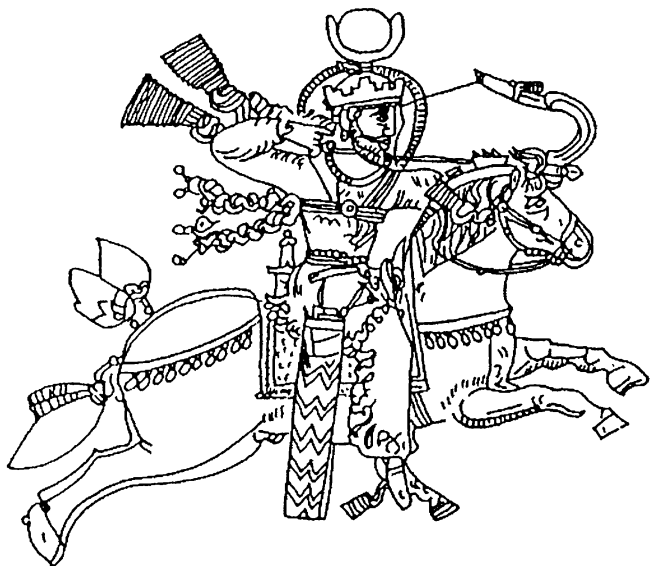
Если все же сражение начиналось, то подавался сигнал к атаке. Им являлись либо звук труб, либо какое-то визуальное оповещение (например, путем подъема красного знамени, как это было под стенами Сингары в 360 г.), либо совершение определенного символического действия (таковым мог быть бросок в сторону вражеской армии окровавленного копья или выстрел из лука виноградной лозой). Начало битвы могло сопровождаться единоборствами воинов-добровольцев; так произошло во время битвы при Даре, когда византийский конный воин Андрей дважды вступал в поединок с персидскими витязями и оба раза

Знаменосец шаханшаха Ормизда II. Реконструкция Е. О. Русаковой
(выполнено по изданию: *Nicolle D. Sassanian Armies*. Stockport, 1996)

одержал победу, после чего персидское войско, пав духом, на некоторое время даже покинуло поле предстоящей битвы (Proc. *Bell. Pers.* I. 13. 28—38).

Первыми в бой вступали лучники. До начала рукопашной схватки они пускали в противника огромное количество стрел, нанося ему ощутимый урон. Трудно сказать определенно, что это были за воины: пешие или конные. В то же время данные источников — нарративных и изобразительных — заставляют

Шаханшах во время охоты. Изображение на серебряном блюде, V—начало VI в. (воспроизведено по изданию: *Nicolle D. Sassanian Armies. Stockport, 1996*)

думать, что стрелками из лука у персов являлись, скорее всего, всадники. На изображениях конных воинов — и легко-, и тяжеловооруженных — лук почти всегда присутствует как обязательный атрибут военного снаряжения. Кроме того, характеристика персидской пехоты как почти бесполезного в сражении рода войск, содержащаяся в сочинениях римско-византийских писателей, также не позволяет считать сасанидских лучников, чьими боевыми качествами восхищаются те же позднеантичные авторы, пехотинцами. Косвенно подтверждается этот факт и тем, что инструкция по правильной стрельбе, содержащаяся в «Аин-Намэ», адресована именно конному лучнику, а не пешему. В то же время необходимо отметить, что и пехотинцы персов обладали прекрасными навыками стрельбы из лука, это подтверждается ходом боя под Хломароном (585).

В сасанидской военной теории считалось целесообразным располагать на левом фланге лучников-левшей, которые могли посылать стрелы как влево и прямо перед собой, подобно правшам, так и вправо, усиливая, таким образом, интенсивность обстрела вражеских порядков не только на своем участке, но и по всему фронту. Кроме того, это было важно и потому, что левое крыло, как было отмечено выше, дольше других частей персидского войска оставалось на месте, не вступая в бой, а потому плотность и сектор обстрела отсюда должны были по определению быть более значительными, чем в центре и на правом фланге, которые вскоре после перестрелки переходили в атаку⁵.

⁵ Иностранцев, 1909. С. 57—58.

Для повышения эффективности использования луков и стрел в бою у персов существовало правило, согласно которому перед битвой нужно было располагать войско так, чтобы «солнечный луч и ветер приходились в тыл войска»⁶. Насколько губительными могли быть последствия несоблюдения этого правила, говорят факты: во время битвы при Даре, завершившейся поражением персов, «ветер, поднявшийся с их [ромеев. — В. Д.] стороны, дул на варваров, сильно ослабляя действие их стрел» (Proc. *Bell. Pers.* I. 14. 36). Однако подобная опрометчивость была редким явлением, и персы, как правило, грамотно выбирали место и время сражения. Прекрасно подготовленные лучники всегда были одной из основных ударных сил персидской армии. Практически все римско-византийские источники отмечают опасность персидских лучников и высочайший уровень их подготовки, важнейшими показателями которого были высокая скорострельность и меткость стрельбы. Не случайно поэтому первое правило, которым руководствовались византийцы, вступая в сражение с персами, — как можно более стремительно атаковать персидские боевые порядки, ибо в противном случае ущерб, причиненный персидскими стрелками, мог быть чрезвычайно велик:

Движение в атаку и удар должны производиться своевременно в сомкнутом строю, быстро, как полет стрелы, иначе в людей и коней может попасть много стрел, так как неприятель очень искусен в быстрой стрельбе (Mauric. XI. 2).

⁶ Цит. по: Иностранцев, 1909. С. 47.

Это правило ромеи старались соблюдать. Феофилакт Симокатта, рассказывая об одном из сражений, пишет:

Вавилоняне стали посылать стрелы в сомкнутые ряды ромеев в таком количестве, что затемнили лучи солнца. Вследствие стремительного полета стрел перья, украшавшие верх шлемов на головах воинов, казалось, полетели по воздуху, сбитые летучим оружием. Ромеи стремились к рукопашному бою, тесня варваров копьями и мечами и отражая обильно сыпавшиеся стрелы (Theophyl. III. 14. 6).

Схожую картину описывает и Прокопий Кесарийский:

Их стрелы летели гораздо чаще, поскольку персы почти все являются стрелками и научены быстрее пускать стрелы, чем остальные народы (Proc. *Bell. Pers.* I. 18. 31).

Искусство сасанидских стрелков обусловило тот факт, что именно персидский способ стрельбы из лука считался в Византии достойным изучения и даже заимствования (Mauric. I. 1).

В связи с этим заслуживает внимания техника пуска стрел, использовавшаяся персами, тем более что в данном отношении мы располагаем подробными данными персидского (что особенно важно) происхождения. В неоднократно уже упоминавшейся «Аин-Намэ» содержится подробное описание персидской манеры стрельбы из лука:

Хорошее дело при обучении стрельбе стрелами, чтобы обучающийся держал лук в левой руке своей,

а стрелу в правой руке своей, и чтобы кисти своих рук он прижимал бы к груди и смотрел бы на то место, где находится обучающий стрельбе. И хорошее дело водрузить лук, согнув несколько рог его, и крепко ухватить его тремя пальцами, и согнуть указательный палец на тетиву, и держать в двадцати трех, как бы в шестидесяти трех, и крепко сжать три, и повернуть подбородок к левому плечу, и поднять голову, и опустить шею, и склониться с луком, и выпрямить спину, и опустить верхнюю часть руки, и натянуть лук, приподнявшись на седле, и оттянуть тетиву до уха, и поднять кверху глаза, внимательно рассмотреть место приложения острия стрелы, не двигать зубами, не вращать глазами, не качать тела⁷.

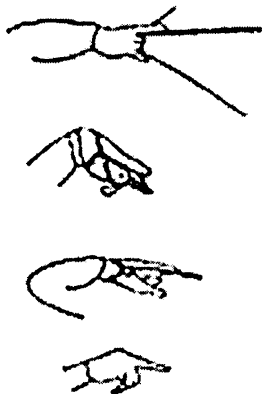
Как убедительно показал К. А. Иностранцев⁸, смысл фразы «держать в двадцати трех, как бы в шестидесяти трех» кроется в особенностях персидской дактилономии — системе обозначения чисел с помощью комбинаций пальцев рук. «Три» — это прижатые к ладони мизинец, безымянный и средний пальцы правой руки; «двадцать» — большой палец правой руки, прижатый к первому суставу указательного; «шестьдесят» — большой палец правой руки, прижатый ко второму суставу указательного. Выражение «держать в двадцати трех, как бы в шестидесяти трех» означает, что мизинец, безымянный и средний пальцы прижимаются к ладони, а большой палец помещается под сочленение первого и второго суставов указательного пальца. Такое (или похожее на него) положение паль-

⁷ Цит. по: Иностранцев, 1909. С. 66.

⁸ Иностранцев, 1909. С. 68—69.

цев при стрельбе из лука зафиксировано на многих изображениях персидских лучников сасанидской эпохи и известно как «персидский способ» натягивания тетивы. Однако персы использовали и другие приемы обращения с луком при стрельбе (в частности, наиболее популярный у кочевников Евразии так называемый «монгольский способ»).

Одним из самых ярких примеров, демонстрирующих искусство персидских лучников, явилась битва под Хломароном (585), в ходе которой персы, преследуя отступавших ромеев и используя в качестве оружия только луки, т. е. даже не вступая в рукопашную схватку, уничтожили весь византийский арьергард. Случай тем более показательный, что войско персов состояло из простых обывателей («крестьян», как пишет Феофилакт Симокатта), не имевших специальной военной подготовки. Примерно то же самое произошло еще раньше, когда в 235 г., во время похода Александра Севера, окруженное римское войско было полностью истреблено персидскими конными лучниками. Не менее ярким в этом отношении фактом является эпизод, в котором персы заставили отступить войско гуннов —

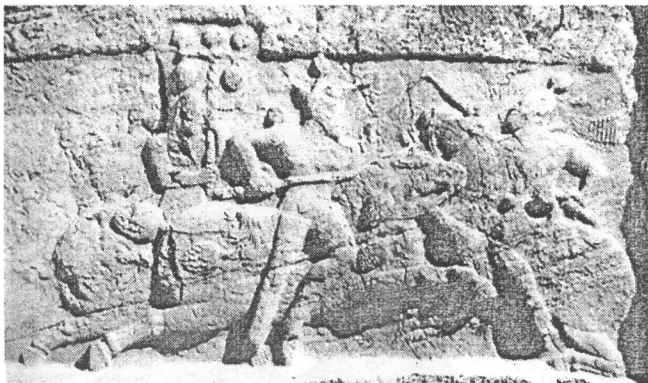

Положение пальцев правой руки персидского лучника при натягивании тетивы. По изображениям на серебряных блюдах, IV—V вв. (воспроизведено по изданию: *Nicolle D. Sassanian Armies*. Stockport, 1996)

признанных мастеров владения луком — тем, что «множеством стрел, как тучей, покрыли небо над скифами [т. е. гуннами. — *В. Д.*]» (*Prisc. Fr.* 8).

Итак, начинали сражение лучники (скорее всего, конные). Вслед за ними в бой вступала тяжелая персидская конница — катафракты. Всадники, истратив стрелы, шли в атаку на противника. Их задачей являлось нанесение по врагу мощного удара с целью принудить его к отступлению или же прорвать вражеские боевые порядки. Идя в бой, персы пытались не только воздействовать на противника оружием, но и оказать на него психологическое воздействие с помощью громких криков, воплей и т. п. Не понаслышке знавший персов как бойцов Аммиан Марцеллин отмечает, что «они великолепные воины, впрочем, скорее хитрые, чем храбрые, и более страшные издали. Они забрасывают противника множеством лишних слов, издают дикие и свирепые возгласы, велеречивы, неслосны и противны...» (*Amm. Marc. XXIII. 6. 80*; см. также: *Agath. III. 7, 23*, где говорится о внезапном громком крике персов перед атакой).

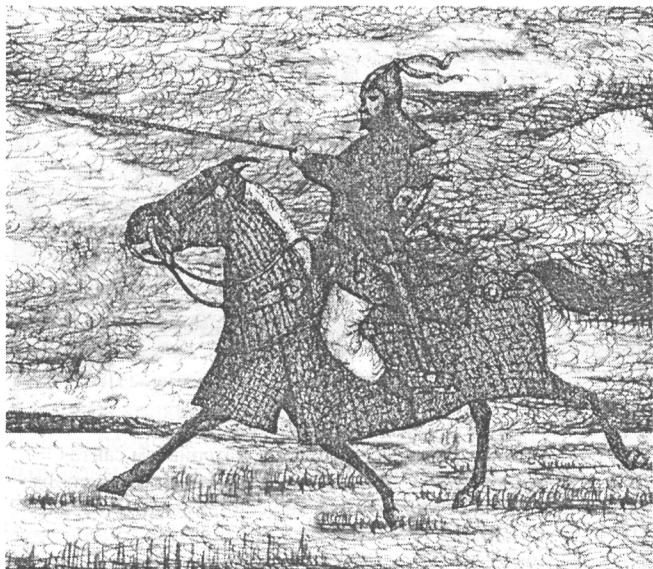
В существующей военно-исторической литературе тактика действий катафрактных войск, происхождение этого рода войск и целый ряд других вопросов рассматривались неоднократно и весьма подробно. Кроме того, многие проблемы, связанные с катафрактами (например, вопрос о пресловутой двуручной хватке копья, встречающейся на изображениях персидских и других всадников), до сих пор являются предметом острых дискуссий, обусловленных отсутствием надежного источникового материала, и не могут быть однозначно решены в ближайшей перспективе. Поэтому,

Поединок с участием Шапура II (*слева*). Рельеф в Так-и Бустане, IV в. (воспроизведено по материалам сайта Восточного института Чикагского университета «Persepolis and Ancient Iran» // http://oi.uchicago.edu/oi/mus/pa/iran/paai/images/per/srr/8c10_72dpi.html)

не заостряя внимания на частных и спорных вопросах, мы ограничимся общим описанием того, каким образом действовала персидская тяжелая кавалерия на поле боя.

Катафракт, подобно позднему средневековому рыцарю Западной Европы, имел массивное снаряжение, надежно защищавшее воина от вражеских стрел, мечей, копий и другого оружия, однако несколько ограничивавшее его маневренность. Кроме того, главным оружием катафракта являлось длинное копье, которое всадник, судя по среднеперсидским изображениям, во время атаки держал двумя руками, далеко не всегда имея, таким образом, возможность защититься в слу-

Персидский катафракт. Реконструкция Е. О. Русаковой
(выполнено по изданию: *Nicolle D. Sassanian Armies*.
Stockport, 1996)

чае необходимости щитом (их у подавляющего большинства катафрактов, как следует из иконографического материала, просто не было) или поражать противника мечом. По этой причине катафракты действовали эффективно лишь в том случае, если они наступали тесным строем, сплоченно и организованно. Одинокий катафракт во время сражения был почти бесполезен. Более того, будучи повергнутым на землю, тяжелый всадник оказывался фактически беззащитным,

поскольку из-за внушительного веса доспехов он был весьма неуклюж и становился легкой добычей вражеских пехотинцев:

Катафракты вследствие тяжелого вооружения, которое они носят, защищены от ран, но вследствие громоздкости и веса оружия легко попадают в плен: их ловят арканами; против рассеявшихся пехотинцев в сражении они пригоднее, чем против всадников. Однако поставленные впереди легионов или смешанные с легионарной конницей, когда начинается рукопашный бой грудь с грудью, они часто прорывают ряды врагов (Veget. *ERM.* IV. 23)

Данный пассаж Вегеция относится к римским катафрактам, однако, бесспорно, отмеченные этим автором характеристики могут быть перенесены и на панцирных всадников персов.

Уместно, на наш взгляд, привести в этой связи и слова Тацита, относящиеся, правда, к сарматским катафрактам:

Если человека в таком панцире [т. е. катафракта. — В. Д.] удастся свалить на землю, то подняться сам он уже не может (Tac. *Hist.* I. 79).

Все эти факторы обусловили и особую тактику действий тяжелой персидской конницы. В атаку она шла плотным правильным строем, чем-то напоминая, таким образом, македонскую фалангу, посаженную на лошадей. Ее действия были четко скоординированы. Не случайно в связи с этим Маврикий отмечает, что «персы перед боем наступают медленно, чтобы не разорвать фронта боевого порядка... Поэтому если

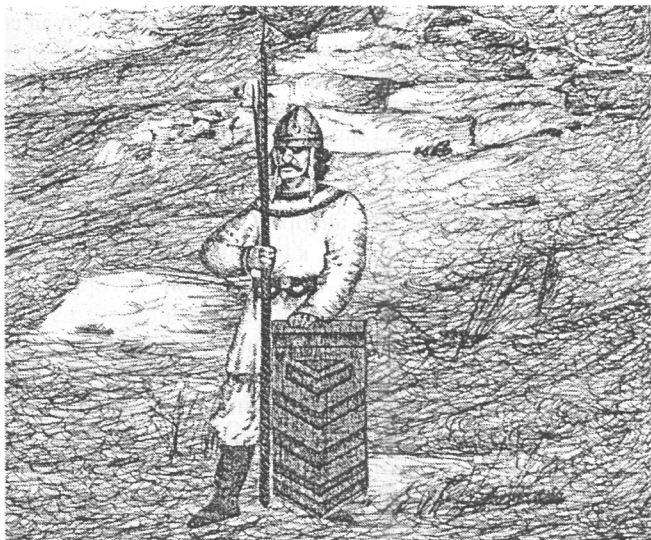
бы преследуемые ими повернулись вдруг назад и ударили на их фронт, то это было бы очень рискованно, так как они наткнулись бы на строй в полном порядке. Потому что персы преследуют врага не так беспорядочно, как скифы, а медленно и стройно» (Maugis. XI. 2).

После первого — наиболее мощного и страшного по своей силе — удара катафракты начинали поражать противника мечами. Их поддерживала многочисленная и маневренная легкая конница, задачей которой было затруднение действий вражеского войска, в особенности на флангах, — они у персов (как, впрочем, и у многих других народов, в том числе у римлян и византийцев) всегда были слабым местом. Кроме того, легкая кавалерия преследовала и разбитого противника, бежавшего с поля боя.

Второй линией являлись резервные подразделения пехотинцев, вступавших в битву лишь на ее завершающем этапе либо же при необходимости усилить натиск на противника или, напротив, укрепить оборону в случае вражеской атаки. Однако не исключена и возможность размещения в резервных порядках персов всадников, поскольку в источниках не указывается на отсутствие здесь кавалерии.

Все авторы, более или менее подробно характеризующие персидскую пехоту, практически единодушны, как было сказано выше, в признании ее никуда не годной с точки зрения боевых качеств.

Это позволяет сделать вывод о том, что решающего значения в бою пехота персов не играла, однако в определенных ситуациях ее действия, безусловно, могли определить исход сражения.

Персидский пеший воин-копсйщик. Реконструкция
Е. О. Русаковой (выполнено по изданию:
Nicolle D. Sassanian Armies. Stockport, 1996)

В связи с рассмотрением вопроса о действиях персидской пехоты привлекает внимание один из эпизодов «Предания о сыне Зарера». Хотя описываемые в этом сочинении события происходили, по мнению самих персов, в древнейшую эпоху их истории, тем не менее, многие частные моменты, в том числе и касающиеся военного дела, явно относятся к сасанидскому периоду. В данном случае для нас интересно описание сцены ссоры царя Виштаспа с бидахшем Джамаспом:

Тогда царь Виштасп, выслушав эту речь, упал со своего престола наземь. В левую руку берет он кинжал, в правую руку берет он меч, на Джамаспа бросается и говорит: «Будь ты неладен, колдун, вызывающий ужас, ибо мать твоя была колдуньей и отец твой был лжецом» (АЗ. 50—51).

Представляется, что автор «Сказания» описывает в этом отрывке не что иное, как один из способов фехтования, применявшийся персами, при котором пеший воин использует обе руки, держа в одной из них меч, а в другой — кинжал, играющий в данном случае вспомогательную роль.

Особого упоминания заслуживает использование персами боевых слонов. В отличие от своих предшественников — парфян — применение в бою слонов было для сасанидской армии традиционным явлением. Трудно точно определить, каким было расположение отрядов слонов перед сражением. Данные источников показывают, что, скорее всего, какого-то жесткого правила в этом отношении не существовало, и слоны могли находиться как на переднем крае, так и позади основных боевых порядков. На поле битвы слоны выполняли примерно ту же по своему значению роль, что и тяжелая бронетехника в наши дни, при этом не только нанося противнику прямой военный урон, но и оказывая на него, как было отмечено выше, сильное психологическое воздействие.

Наиболее активно слоны применялись персами в IV в. Затем упоминания о них у античных авторов становятся все более редкими. Этому возможны два объяснения: во-первых, могли нарушиться связи с по-

ставщиком слонов в Персию, которым была Индия, а во-вторых, постепенно исчезла целесообразность их использования, поскольку ромеи, судя по всему, научились с ними бороться, да и сами по себе эти животные представляли потенциальную опасность не только для противника, но и для самих персов. Так, в битве под Фасисом (555) персидское войско, чуть было уже не одержавшее победу, было разгромлено из-за того, что один из боевых слонов, получив серьезную рану, взбесился от боли и привел в состояние хаоса весь правый фланг армии персов (Agath. III. 26).

Характеризуя действия персидского войска в бою на открытой местности, следует отметить, что арсенал применявшихся персами тактических приемов сказанным выше не исчерпывался и был весьма богат. На открытом пространстве они достаточно широко использовали фактор внезапности, что нередко приносило им успех (Herodian. VI. 5. 9; Amm. Marc. XIV. 3. 1; XVI. 9. 1; XVIII. 8. 3; XXIII. 3. 4—5; XXIV. 3. 1; 4. 7; XXV. 1. 5; 3. 2—3; 6. 7; Proc. Bell. Pers. I. 8. 6; Agath. II. 21; Theophyl. II. 2. 7; III. 4.1; 10. 6, 8). В то же время, стремясь обезопасить себя от разного рода неожиданностей, во время более или менее длительных стоянок персы обязательно сооружали укрепленный лагерь, о чем упоминает, в частности, Вегеций:

Персы, подражая римлянам, окружают свой лагерь рвом, и так как земля там почти вся песчаная, то они возят с собою пустые мешки, наполняют их этой рассыпающейся, как пыль, землей, которую они выкапывают, и, навалив их друг на друга, устраивают насыпь (Veget. ERM. III. 10).

О наличии вокруг персидского лагеря вала говорит и Аммиан Марцеллин (Amm. Marc. XIX. 6. 9). Маврикий сообщает также, что персы окружали свои лагеря не только валом, но и рвом (Maugis. XI. 3).

Один из излюбленных приемов персов — устройство засад на пути следования вражеских войск. Пожалуй, особенно ярко искусство персидских воинов организовывать засады проявилось в эпизоде, когда в одну из летних ночей 359 г. недалеко от Амиды через Тигр переправилось, по словам Аммиана, до 20 тысяч (!) персов, в том числе большое количество всадников; при этом римляне умудрились не заметить переправы такого огромного числа воинов, за что были жестоко наказаны: укрывшиеся на лесистых склонах холмов персы внезапной атакой почти полностью уничтожили значительный римский отряд (Amm. Marc. XVIII. 8. 3—5).

Мастерство персов по устройству засад нашло отражение и в «Аин-Намэ», где рассмотрению этого вопроса отведено довольно много места:

И следует выбирать для засады воинов смелых, храбрых, осторожных и деятельных, которые не будут громко вздыхать, кашлять и чихать; и выбирают для них верховые животные, которые не будут ржать или шалить; и выбирают для их засады места, в которые нельзя внезапно проникнуть и (в которые нельзя неожиданно) прийти, близкие от воды, чтобы запастись ею, если продолжится выжидание. И следует, чтобы они нападали обдумав, посоветовавшись и выждав удобный случай; чтобы не пугали они диких животных и птиц; и чтобы их нападение было подобно пылающему огню. И пусть избегают

они добычи. И пусть выходят они из засады разделившись, когда враг перестанет охранять себя и высылать лазутчиков, и когда заметят в передовых частях врага небрежность и упущение, и когда выпустят те своих верховых животных на пастбище... И следует им, выйдя из засады, развернуться и разделиться, распределить между собой обязанности и спешить с нападением на врага, не медлить и не колебаться⁹.

Наличие в персидской армии многочисленной и боеспособной конницы делало ее действия достаточно стремительными и позволяло наносить сокрушительные удары там и тогда, где и когда это было необходимо. В источниках часто говорится о ключевой роли персидской конницы в бою, а также в целом о ее превосходстве над кавалерией римлян (см., напр.: Herodian. VI. 5. 4, 6; Amm. Marc. XVIII. 8. 4. 7; XXIII. 6. 83; XXIV. 4. 7; XXV. 1. 18; 3. 4; 6. 11; XXIX. 1. 3; Proc. Bell. Pers. I. 15. 15; 17. 1; 18. 45; Theophyl. III. 14. 2). Конные отряды персов свободно перемещались в виду римлян, удерживая выгодную для себя дистанцию, обстреливая противника из луков и не вступая без необходимости в ближний бой, в котором шансы их и римлян становились бы более равными (Herodian, VI. 5. 9; Amm. Marc. XXIV. 7. 7; XXV. 1. 18; 6. 11)¹⁰. Маневры в непосредственной близости от рим-

⁹ Цит. по: Иностранцев, 1909. С. 48.

¹⁰ Об эффективных способах борьбы римских легионеров с катафрактами пишет Либаний (Liban. Or. XVIII. 265). Это заставляет усомниться в утверждении С. П. Толстова о том, что, войдя в непосредственное соприкосновение с ка-

ской армии, внезапные нападения и столь же внезапные отходы персов часто вводили римлян в заблуждение относительно численности персидского войска, изматывали их и не позволяли быстро и беспрепятственно продвигаться в нужном направлении.

В то же время необходимо отметить, что преобладание кавалерии в определенных (хотя и весьма редких) ситуациях являлось не силой, а слабостью персидской армии. Главным образом это касается боевых действий в гористой местности: насколько грозными противниками персидские всадники были на равнине, настолько же малоэффективно они действовали в горах. Особенно заметно этот недостаток проявлялся в ходе боев на территории Закавказья: в Армении и Лазике (Herodian. VI. 5. 6; Proc. *Bell. Pers.* I. 12. 13; Theophan. A. M. 6080).

Во время движения вражеских войск персы чаще всего наносили удары с тыла (Amm. Marc. XVIII. 8. 7—8; XXIV. 4. 7; XXV. 3. 2); иногда, стремясь к полному разгрому врага, одновременно с этим осуществлялось нападение на авангард сил противника (Amm. Marc. XXV. 3. 3). Отрезав, таким образом, вражеской армии пути возможного отхода, персы затем наносили сокрушительный удар силами тяжелой кавалерии при поддержке боевых слонов в центр вражеских порядков (Amm. Marc. XXV. 3. 4) ¹¹.

тафрактами, римская пехота «оказывается в невыгодном положении, наткнувшись на острия длинных пик и на бронированные груди коней», и в итоге проигрывает сражение (Толстов, 1948а. С. 227).

¹¹ См. также: Crump, 1975. P. 90.

Еще один из часто используемых персами приемов — упорное и длительное преследование отступающего противника. Правило, согласно которому нельзя было полностью лишать неприятеля шанса на спасение путем бегства (дабы не доводить его до состояния отчаяния, когда он мог быть очень опасен)¹², персы, судя по всему, старались соблюдать; описания сражений содержат сведения о том, что персидские всадники долго преследовали отступавшие вражеские войска, нанося им при этом большой урон (Agath. III. 7; Theophyl. III. 4. 2; 6. 1).

Следует также отметить умение персов использовать особенности местности, быстро и незаметно преодолевать естественные преграды и в целом учитывать природные условия и явления. Так, например, в 359 г. во время боя с отрядом Урсицина, следовавшим в Самосату, римские воины были оттеснены персами к обрывистому берегу Тигра и сброшены в реку (Amm. Marc. XVIII. 8. 9); после гибели императора Юлиана (363) римляне, неосмотрительно разбив лагерь в долине, окруженной лесистыми холмами, были атакованы персами, обрушившимися на них с соседних склонов (Amm. Marc. XXV. 6. 5—7); на пути армии Юлиана персами затоплялись значительные территории (Amm. Marc. XXIV. 3. 10—1; ср.: Liban. Or. XVIII. 223—227) и поджигались сухая степь и хлебные поля (Amm. Marc. XXIV. 7. 7), что серьезно замедляло продвижение римлян. В то же время во время похода 359 г., когда все персидское войско было вынуждено переправляться через Анзабу по навод-

¹² Иностранцев, 1909. С. 47.

ному мосту, переправа длилась целых три дня и прошла без всяких осложнений (Amm. Marc. XVIII. 7. 1—2), хотя объективно римляне явно имели запас времени, чтобы помешать противнику. После этого персидская армия, встретив на пути разлившийся Евфрат, совершила обход, избежав опасного перехода по пустынной местности и необходимости переправляться через многоводную реку (Amm. Marc. XVIII. 7. 9—10). Агафий описывает случай, когда насчитывавшая около 60 тысяч воинов армия персов незаметно (!) для ромеев переправилась через реку Фасис (совр. Риони) и смогла практически беспрепятственно подойти к стенам одноименного города (Agath. III. 20). Прокопий Кесарийский подробно описывает способ форсирования водных преград персами:

Итак, Хосров, с огромной быстротой наведя мост, внезапно со всем войском перешел реку Евфрат. Ибо персам не представляет особого труда переправляться через любые реки, поскольку, отправляясь в поход, они берут с собой заготовленные заранее железные крюки, которыми они скрепляют друг с другом длинные бревна, тотчас сооружая мост в любом месте, где захотят (Proc. *Bell. Pers.* II. 21. 21—22).

Так же умело персидские армии преодолевали не только водные объекты, но и пустыни. Например, в 585 г. неожиданно для византийцев многочисленное персидское войско преодолело безводную пустыню, погрузив необходимое количество мехов с водой на верблюдов (Theophyl. II. 2. 4).

Большое значение и в теории, и на практике персы придавали ночной атаке — одному из своих из-

любленных тактических приемов. В «Аин-Намэ» об этом говорится следующее:

И следует нападающим ночью воспользоваться для нападения временем, когда дует ветер или слышен плеск находящейся около них реки, так как это самое удобное для того, чтобы не был слышен шум их приближения, и следует им воспользоваться для нападения полночью или временем наибольшей темноты. И части войска следует идти против середины врага, а остальным кругом него, и нападать первыми следует идущим в середине для того, чтобы были слышны крик и шум с этого места, а не с боков. И следует перед нападением погнать одного за другим наиболее быстрых верховых животных, перерезать их поводья, колоть их сзади копьями, чтобы они перепугались, бросились бежать и нашумели; и чтобы один из воинов кричал: «О, воины, спешите, спешите! Уже убит вождь наш такой-то! И перебиты многие! И бегут многие!», и кричал бы другой: «О, человек! Ради Бога, пощади меня!», и другой бы говорил: «Пощады! Пощады!», и еще «Ах, ах!» и тому подобное. И да будет известно, что ночные нападения нужны для того, чтобы напугать и утратить врага; и пусть поддерживаются подбирать пожитки врага, угонять верховых животных, брать добычу¹³.

Многочисленные упоминания в источниках о совершенных персами внезапных нападениях в ночное время (Fest. XXVII. 3; Amm. Marc. XVIII. 5. 7; XIX. 2. 8; XX. 6. 5; 7. 4; Eutrop. X. 10; Theophyl. IV. 9. 9—11; V. 5. 6; 8. 5) позволяют говорить о том, что теоретиче-

¹³ Цит. по: Иностранцев, 1909. С. 48—49.

ские положения «Аин-Намэ» находили свое практическое воплощение на полях сражений.

Убедительным свидетельством, говорящим о высоком уровне развития персидской тактики в целом, служат слова непосредственного участника римско-персидских войн Аммиана Марцеллина, который, будучи профессиональным воином и прекрасно понимая, что подобные успехи достигаются за счет постоянных упражнений и поддержания жесткой дисциплины, крайне не высоко оценивает военную подготовку и выучку персов (Amm. Marc. XVIII. 6. 22; XXIII. 6. 83).

§ 2. ТАКТИКА ВЕДЕНИЯ ОСАДНОЙ ВОЙНЫ

Не менее, а зачастую даже более подробно в источниках описываются действия персидского войска при обороне или осаде крепостных укреплений. Во многом это связано с тем, что, судя по многочисленным данным, чаще всего столкновения римлян и персов происходили как раз под стенами городов и других укрепленных пунктов, а не в поле. Действуя на открытой местности, противники, как правило, предпочитали не испытывать судьбу, поскольку исход сражения в этом случае было трудно спрогнозировать. В то же время при осадной войне каждая из сторон даже в случае невыгодного соотношения сил могла надеяться на благополучное завершение противостояния (при подходе подкреплений, уходе противника домой в случае затягивания осады до осени и т. д.). Кроме того, наличие в урбанизированной Передней Азии многочисленных больших и малых городов и крепостей,

являвшихся ключевыми пунктами развитой в этом регионе системы сухопутных и водных коммуникаций, объективно заставляло обе воюющие стороны направлять свои усилия в первую очередь на установление (или сохранение) над ними своего контроля; в такой ситуации сражения на открытой местности зачастую приобретали второстепенное значение.

А. ДЕЙСТВИЯ ПРИ ОСАДЕ

Прежде чем приступить непосредственно к осаде крепости, персы внимательно изучали ее фортификационные сооружения, особенности их устройства, пытались отыскать наиболее уязвимые места. Затем почти всегда следовало предложение о добровольной сдаче, адресованное защитникам крепости. При этом персы прибегали к различным хитростям и уловкам. Автор «Аин-Намэ» по этому поводу дает следующие советы:

И следует при осаде крепости пытаться склонить кого можно из находящихся в крепости и в городе, чтобы добыть от них две вещи: одна — разведывание их тайн, и другая — запугивание и застрашивание их ими же. И подослать человека, который бы поколебал их и отнял бы надежду на помощь, и сообщил бы им, что их хитрая тайна рассеялась, и что ходят рассказы о крепости, и указываются пальцами на укрепленные и слабые места ее, и на места, против которых направляются осадные машины, и на те, против которых направляются баллисты, и на те, где поведутся подкопы, и на те, где поставятся лестницы, и на те, с которых поднимутся стены, и на те, где

будет устроен пожар, — чтобы все это наполнило их ужасом. И пишут на стреле: «Берегитесь населения крепости, небрежности и беспечности в охране ворот; ведь время теперь дурное и живущие теперь — люди измены. Большую часть населения крепости мы уже соблазнили и склонили к сдаче». Либо стреляют этой стрелой в крепость, потом подсылают для переговоров с ними человека красноречивого, достигающего цели, умного, умеющего обмануть и обойти, не пустомелю, ничего не забывающего ¹⁴.

Античные источники дают примерно ту же картину. Во время практически всех экспедиций в римские пределы персы начинали осаду с того, что предлагали защитникам крепостных укреплений добровольно сдаться. Парламентерами с персидской стороны выступали либо римляне-перебежчики (например, в походе Хосрова Ануширвана на Византию в 540 г. почти все переговоры велись его толмачом-византийцем Павлом (*Proc. Bell. Pers.* II. 6. 22; 7. 5; 8. 7 etc.)), либо, как правило, кто-нибудь из ближайшего окружения царя или командующего войском (в частности, в 359 г. при осаде Амиды склонить ее гарнизон к сдаче должен был царь хионитов Грумбат, ближайший союзник Шапура II (*Amm. Marc.* XIX. 1. 7), а в 360 г. для ведения переговоров с воинами, защищавшими Сингару, были направлены некоторые из царских вельмож (*Amm. Marc.* XX. 6. 3)).

Еще одним из излюбленных способов установления персами контактов с гарнизоном или населением осажденного города являлось требование уплаты де-

¹⁴ Цит. по: Иностранцев, 1909. С. 49.

нежного выкупа в обмен на отказ от осады, что следует расценивать как один из возможных путей избежать боевых действий ввиду непредсказуемости их результата (к чему, как уже отмечалось, почти всегда стремились персы). Особенно часто к такому способу вымогательства прибегал Хосров I; византийские города, выплатившие ему дань во время кампании 540 г. (Гиераполь, Халкида, Эдесса), избежали осады; в то же время Вероя, Антиохия Сирийская и ряд других городов, по разным причинам отказавшихся выдать Хосрову необходимую сумму денег, были взяты его армией и разорены. Похожая, но не совсем ординарная ситуация возникла в том же году в Апамее, где персы сначала обманным путем проникли в город, а уже затем, угрожая уничтожением, заставили его жителей выдать все имевшееся у них золото и серебро (*Proc. Bell. Pers.* II. 6—11).

В случае отказа противника сдаться или заплатить выкуп войску давалось один-два дня на отдых и подготовку к решительной осаде. В это же время отрядами персов обследовались и опустошались окрестности осажденного города, что преследовало главным образом две цели: 1) предотвратить возможное снабжение осажденных продовольствием со стороны местных жителей и 2) найти необходимые материалы (древесину, кирпич, камень и т. п.) для строительства разного рода осадных приспособлений и сооружений. Параллельно с этим вражеская крепость окружалась несколькими кольцами осадных укреплений и устройств: штурмовых щитов (например, в 359 г. под Амидой персами было возведено пять линий из щитов (*Аmm. Marc.* XIX. 2. 2)), валов, фашинных заграждений. При

наличии рва его старались засыпать землей, камнями, деревьями и т. п. для подведения к стенам осадных приспособлений (Agath. III. 23); если же ров был заполнен водой, то его предварительно осушали, отводя воду (Theophyl. III. 11. 2).

Таким образом, город оказывался в полной блокаде, и с этого момента осажденные могли надеяться только на самих себя и на удачу. В связи с этим вполне понятны исполненные отчаяния слова Аммиана Марцеллина, хорошо передающие состояние римских воинов перед надвигающимся штурмом:

Видя перед собой несметное количество людей [персов. — *В. Д.*]... обращенных против нас, мы оставили всякую надежду на спасение и думали только о славной смерти, которая была уже для всех нас желанной (Amm. Marc. XIX. 2. 4).

Войско персов при осаде неприятельской крепости могло делиться на несколько частей по этническому принципу; каждый из отрядов в этом случае получал свой участок для ведения осадных действий. Так было, например, под Амидой, где «восточная часть... досталась хионитам, южная стена была отведена... [текст испорчен. — *В. Д.*], северную заняли албаны, а против западных ворот поставлены были сегестанцы, самые храбрые из всех воины» (Amm. Marc. XIX. 2. 3). В этом отрывке Аммиан не упоминает о самих персах. Возможно, это связано с тем, что при осаде городов персы стремились посылать на штурм стен, т. е. на самую опасную и кровопролитную операцию, подразделения союзников либо покоренных народов, предпочитая пожинать плоды победы, оплаченные чу-

жой кровью. В ряде случаев для взятия вражеских укреплений персы использовали самих же пленных римлян. Так, например, Моисей Хоренский сообщает, что при осаде Тигранокерта войском Шапура II попавшие в персидский плен римские воины получили свободу за помощь, оказанную ими персам при штурме города:

Он [Шапур II. — *В. Д.*] обратился к пленным греческим воинам: «Если с вашей помощью возьму этот город, всем вам с вашими семействами дарую свободу»... Греки с величайшим порывом приступили к делу, прикладывая к стенам машины, называемые ослами: это суть механические аппараты на колесах, приводимые в движение тремя человеками, снабженные внутри топорами, обоюдоострыми секирами и остроконечными молотами для срытия фундаментов. Они, расшатав, разрушили, опрокинули стены, плотно и массивно выведенные Тиграном Хайкидом; подложив огонь к воротам и со всех сторон, они принялись метать камни, стрелы и копья... (МХ. III. 28).

Во время осады неприятельской крепости среди персов существовало четкое разделение функций, а их действия были тщательно спланированы и организованы. Прежде всего, это проявлялось в том, что отдельные подразделения персидской армии решали свои конкретные, заранее поставленные задачи. По функциональному критерию в случае проведения осадных мероприятий в персидском войске можно выделить четыре основные группы подразделений:

1) непосредственно участвующие в штурме крепостных сооружений (т. е. лично идущие на приступ);

2) монтирующие и обслуживающие осадные со-
оружения и машины;

3) осуществляющие обстрел укреплений из луков
(и, таким образом, прикрывающие воинов первой и, в
зависимости от обстановки, второй группы);

4) резервные части, предназначенные для захвата
пленных и грабежа после успешного завершения штур-
ма представителями трех упомянутых выше категорий.

Вот несколько отрывков из источников, ярко де-
монстрирующих отмеченное выше распределение обя-
занностей:

Одни солдаты несли лестницы, другие готовили
осадные орудия, а главная масса под прикрытием
фашии и штурмовых щитов старалась приблизиться
к стенам, чтобы повредить их основание (Amm.
Marc. XX. 6. 3).

Некоторые же говорят, что на кол был посажен
не Аниавед, а военачальник, который руководил те-
ми, *кто действовал возле тарана* [курсив мой. —
В. Д.] (Proc. Bell. Pers. II. 17. 12).

Позади он [Хосров. — В. Д.] поставил всех сара-
цин с некоторым количеством персов не для того,
чтобы они нападали на город, но для того, чтобы по-
сле того, как город будет взят, они ловили и брали в
плен тех, кто будет убегать из него (Proc. Bell. Pers.
II. 17. 30).

Стрелы неслись до того густо одна за другой,
что своим множеством закрыли все небо, как будто
бы связанные между собою, так что их можно было
сравнить с великим снегопадом или сильным градом,
обрушившимся при сильнейшем ветре. Другие та-

щили осадные орудия и металы огненосные снаряды. Некоторые, прикрываясь так называемыми черепахами, топорами рубили стену... Иные пытались подкопать почву и добраться до основания стены и таким образом потрясти и опрокинуть то, что было сплочено и соединено (Agath. III. 25).

По сигналу военачальника (таким сигналом могли быть бросок окровавленного копья в сторону вражеской крепости, как это было под Амидой в 359 г. (Amm. Marc. XIX. 2. 6), или поднятие красного знамени, как под Сингарой (360) (Amm. Marc. XX. 6. 3)¹⁵) и под прикрытием непрерывного ураганного обстрела укреплений (Amm. Marc. XIX. 2. 8; 5. 1; XX. 6. 6; Proc. Bell. Pers. II. 8. 10, 15; 13. 19; Agath. III. 22) персы начинали приступ.

Параллельно с этим при необходимости продолжалось сооружение валов или холмов, возведение осадных башен. Для защиты людей, осуществлявших эти работы, от летевших со стен и башен крепости стрел и других метательных снарядов персы использовали специальные киликийские (Amm. Marc. XX. 11. 9; Agath. II. 26. 29) завесы, сотканые из козьей шерсти, набитые соломой и имевшие большую толщину, что позволяло этим, как их называет Феофилakt, «хитонам» (Theophyl. II. 18. 3), подвешенным на высокие каркасы-опоры, отражать даже снаряды, в том числе зажигательные, пущенные из стенобитных машин, не говоря уже о стрелах, дротиках, камнях и

¹⁵ О знаменах в Иране, в том числе и в сасанидскую эпоху, см.: Melikian-Shirvani, 1988. Vol. 3. Fasc. 7. P. 712—714.

т. п. На верхних площадках возведенных сооружений (в идеале они должны были по высоте превосходить стены и башни крепости для более эффективного обстрела противника по нисходящей траектории) размещались лучники и баллисты для поражения стоявших на стенах римских воинов. В ряде случаев роль осадных башен могли выполнять боевые слоны, на которых находились вооруженные метательным оружием персы (Proc. *Bell. Goth.* IV. 13).

Все это происходило на фоне непрекращавшегося обстрела противника из пращей, луков, осадных орудий (Amm. Marc. XIX. 2. 8; 5. 1; XX. 7. 6; Proc. *Bell. Pers.* II. 17. 14—15). Осажденные отвечали тем же, стараясь не подпустить персов близко к стенам и не позволить им применить тараны либо разрушить основания крепостных стен с помощью разного рода приспособлений и шанцевого инструмента. По этой причине персам приходилось продвигаться в направлении стен, используя для защиты винеи (Amm. Marc. XIX. 7. 3). Штурм, начавшись на рассвете, длился до наступления темноты, и так продолжалось несколько дней, а иногда и недель, как в случае с Амидой, — ее осада с небольшими перерывами длилась 73 дня (Amm. Marc. XIX. 9. 9).

В итоге, если осада шла успешно, с помощью тарана в стене делался пролом, в который устремлялись персидские воины, либо они взбирались на стены по штурмовым лестницам и таким образом проникали в осажденный город. Еще один вариант проникновения внутрь вражеского города — это незаметное подведение под стену (или башню) подкопа с укрепленным деревянными стойками сводом; после завершения не-

обходимых работ стойки поджигались, что приводило к обрушению участка стены (башни) (Proc. Bell. Pers. II. 13. 20; 17. 17, 23—24).

Кроме того, как и в полевых сражениях, при ведении осадной войны персы часто шли на различные ухищрения с целью овладения римскими крепостями. Чаще всего в качестве благовидного предлога для проникновения в город они просили впустить в него якобы для ведения переговоров группу парламентариев, имевших секретное задание любым способом (например, внезапно перебив охрану ворот или заблокировав их так, чтобы они не могли закрыться) обеспечить доступ в пределы городских стен основной части персидской армии.

После того, как путь в крепость был открыт, наступал трагический финал — резня на улицах взятого приступом города. Приведенные ниже описания этого зрелища в источниках в комментариях вряд ли нуждаются (даже с учетом поправки на извечную неприязнь античных авторов к азиатам):

Персы избивали, как скотину, всех вооруженных и безоружных, без различия пола (Amm. Marc. XIX. 8. 4).

Яростно рубили враги всех, кто попадался им навстречу, резали младенцев, вырывая их из рук матерей; никто не осознавал, что он делал. Среди этих ужасов только жажда грабежа... могла удержат от убийства (Amm. Marc. XX. 7. 15).

Персы, не щадя людей никакого возраста, избивали всех поголовно, кто попадался им на пути (Proc. Bell. Pers. II. 8. 34).

В то же время жителей некоторых из взятых городов персы в основном оставляли в живых, переселяя их впоследствии на территорию сасанидского Ирана. Пожалуй, наиболее известный в этом отношении случай произошел после успешного похода Хосрова I (540), когда захваченные в плен жители Антиохии Сирийской были переселены в специально отстроенный для уведенных в неволю антиохийцев город — Антиохию Хосрова (Румаган). Тем самым Сасаниды продолжали издревле существовавшую на Востоке традицию переселения на свою территорию жителей захваченных во вражеской стране городов.

Необходимо также отметить отсутствие у персов какой-либо стандартной системы норм поведения (некоего «кодекса чести») по отношению к населению взятых или осажденных укрепленных пунктов. Зачастую они были верны своему слову и жителям добровольно сдавшихся римских крепостей, как и обещали, предоставляли свободу, даже принимали к себе на службу римских воинов, выразивших желание перейти на сторону Персии (см., напр.: *Amm. Marc.* XVIII. 10. 2, 4; *Proc. Bell. Pers.* II. 7. 37; 17. 27—28). Но в целом ряде случаев персы проявили себя как коварный и вероломный враг, нарушая обещание не причинять вреда сдавшемуся на милость победителя городу и устраивая в нем бойню и грабеж (*Proc. Bell. Pers.* II. 13. 25; 21. 30; *Theophyl.* III. 10. 9).

За упорное сопротивление противникам персов приходилось жестоко расплачиваться. Так, после взятия Амиды (359) персы безжалостно расправились активными организаторами обороны, а всех римских подданных перебили «без различия высших и низших» (*Amm.*

Marc. XIX. 9. 2). Если занятый персами город имел важное стратегическое значение, то здесь оставлялся персидский гарнизон, а поврежденные фортификационные сооружения ремонтировались и укреплялись (Amm. Marc. XX. 7. 16; Agath. 4. 15).

Таким образом, при взятии вражеских городов персидская армия успешно применяла самые разнообразные приемы ведения осады и широкий набор осадных приспособлений и сооружений¹⁶.

Б. ДЕЙСТВИЯ ПРИ ОБОРОНЕ

Оборонялись персы не менее умело и эффективно. Это проявлялось уже в том, что за всю многовековую историю римско-персидских войн практически ни одну свою крепость персы, в отличие от римлян, не сдали без боя. Лишь в крайнем случае — при острой нехватке продовольствия, очевидной бесперспективности дальнейшего сопротивления, изменении стратегической или оперативной обстановки и т. п. — персидские воины шли на переговоры и соглашались на передачу укрепления римской стороне. Но показательно, что даже в таких ситуациях персы стремились (и по большей части успешно) добиться от противника максимально возможных уступок: выплатить за сдачу

¹⁶ В связи с этим мнение Дж. Роулинсона о том, что «персы унаследовали слабость парфян, а именно — неумение брать города» (Rawlinson, 1876. P. 156), представляется совершенно ошибочным (см.: Shahbazi, 1987a. P. 497). Кроме того, и тезис о неспособности парфян брать города является спорным (см.: Никоноров, 1987. С. 20).

крепости крупную сумму денег или предоставить гарнизону возможность свободно покинуть крепость с оружием в руках.

Римско-византийские авторы единодушно отмечают храбрость и самоотверженность, демонстрируемые персами при обороне своих крепостей, их высокий боевой дух и воинскую доблесть. Во многом это объясняется тем, что гарнизоны приграничных персидских крепостей состояли, как правило, из отборных воинов, происходивших из знатных родов и, соответственно, являвшихся представителями сасанидской военной элиты и носителями персидских воинских ценностей и традиций. Рассчитывать на то, что при появлении под стенами крепости римского войска такие воины впадут в отчаяние и сдадутся, вряд ли приходилось. Следует отметить и тот факт, что крепостные гарнизоны персов были в основном не очень многочисленными — по всей видимости, в среднем до двух тысяч воинов. По данным Прокопия Кесарийского, описывающего осаду ромеями трех крепостей — Амиды (503) (*Proc. Bell. Pers.* I. 9. 1—4, 20—23), Сисавранона (541) (*Proc. Bell. Pers.* II. 19. 2—24) и Петры (549) (*Proc. Bell. Pers.* II. 29. 11—30), — их гарнизоны насчитывали соответственно 1000, 800 и 1500 человек. Однако, несмотря на малочисленность, персы оборонялись весьма успешно. Для сравнения можно привести две осады Амиды, одну из которых (359) вели персы, вторую (503) — римляне. В 359 г., во время знаменитой экспедиции Шапура II, римский гарнизон Амиды состоял из семи легионов и значительного числа всадников-варваров (*Amm. Marc.* XVIII. 9. 3—4), т. е. насчитывал никак не меньше (а,

скорее всего, гораздо больше) семи тысяч только профессиональных воинов без учета жителей самого города. Однако в результате длительной осады крепость была все же взята Шапуром. В то же время зимой 503/04 г. Амиду успешно обороняла всего лишь одна тысяча персов, и только полное отсутствие продовольствия заставило их пойти на переговоры о сдаче крепости, причем за Амиду, которая и без того в ближайшие дни стала бы добычей ромеев, ее защитники получили 1000 либр золота и право почетной капитуляции.

Что касается действий, предпринимавшихся персами непосредственно в ходе обороны, то они были типичны для своей эпохи и развивались по двум (впрочем, весьма тесно связанным между собой) главным направлениям: 1) нейтрализация усилий противника, направленных на взятие укрепления, т. е. сугубо оборонительные мероприятия, и 2) активные ответные шаги с целью нанесения врагу как можно большего ущерба, т. е. контратакующие акции. Для достижения первой задачи персам, прежде всего, было необходимо свести на нет эффективность римских осадных орудий и сооружений. Это достигалось путем использования специальных защитных приспособлений. Из них наиболее часто в источниках фигурируют уже упоминавшиеся киликийские завесы, или хитоны (см., напр.: *Amm. Marc.* XX. 11. 9; XXIV. 2. 10; *Theophyl.* II. 18. 2). При обороне ими прикрывали верхнюю часть крепостных стен или пространство между зубцами стены в местах, подвергавшихся римлянами наиболее массированному обстрелу из осадных машин. Таким образом стены предохранялись от быстрого разрушения,

а воины — от поражения римскими метательными снарядами. Кроме того, для защиты людей на стенах от вражеских лучников и пращников персы применяли и специальные щиты большого размера, сплетенные из лозняка и обтянутые сырой кожей (Amm. Marc. XXIV. 2. 10). В этом же ряду необходимо упомянуть и об использовавшемся персами достаточно нетрадиционном (по крайней мере, римские и византийские воины его, судя по источникам, не знали) способе борьбы с римскими таранами, о котором сообщает Аммиан Марцеллин:

Защитники крепости, со своей стороны, когда самый большой таран был уже совсем близко и готов был начать громить возвышавшуюся перед ним башню, ловко ухитрились поймать сетью его выступающий вперед железный лоб, который действительно имел вид бараньей головы, и задержали его длинными канатами, так что нельзя было дать ему размаха, отводя его назад, и громить стену учащенными ударами (Amm. Marc. XX. 11. 15).

Второй, помимо нейтрализации осадных машин, составляющей собственно оборонительных мероприятий персов являлось отражение вражеских приступов. Здесь ими использовались в основном вполне стандартные приемы: обстрел противника из луков (в том числе имевших особую конструкцию и специально предназначенных для ведения осадного либо оборонительного боя), пращей и катапульт, сбрасывание на головы римлян бочек, огромных камней, обломков колонн, бросание в них копий, поливание расплавленной смолой. Для уничтожения «работаю-

щих» по крепости римских военных машин, изготовленных из дерева, персы метали в них горшки с зажигательной смесью, факелы, маллеолы.

Оборона персов почти никогда не была пассивной. Помимо сдерживания вражеского натиска, они, как правило, стремились предпринимать и активные контрнаступательные действия — вылазки, при этом не только причиняя противнику прямой военный ущерб (уничтожая его живую силу, военную технику, осадные сооружения, имущество и т. д.), но и добиваясь морального превосходства над римлянами, демонстрируя им свое бесстрашие и готовность сражаться до конца. Пожалуй, наиболее яркое описание действий персов во время вылазок дает очевидец и участник боевых событий середины IV в. в Верхней Месопотамии Аммиан Марцеллин, рассказывая об осаде армией Констанция II персидской крепости Безабды (360). Историк говорит о трех вылазках, предпринятых персами, следующее:

1. Насыпи росли все выше и выше; защитники, имея уже перед глазами верную гибель, если они не примут особых мер предосторожности, решились на последнее средство и сделали внезапную вылазку. Бросившись на наши передовые посты, они метали со всей силы на тараны факелы и наполненные горячим материалом горшки. После ожесточенной схватки нападавшие, ничего не достигнув, были отброшены в город и опять появились на зубцах стен (Amm. Marc. XX. 11. 16—17).

2. И вот они [персы. — *В. Д.*] решились сделать вылазку, подготовив ее самым тщательным образом.

Целыми толпами вышли они из ворот; лучшие бойцы, разместившись между солдатами, которые несли горючие материалы, стали метать в деревянные части орудий железные корзины, наполненные горючими составами, хворост и другие легко воспламеняющиеся вещества... Когда дело дошло до рукопашной, вдруг все осветило зарево пожара: огонь побежал по орудиям, все они горели, кроме самого большого тарана (Amm. Marc. XX. 11. 18—19).

3. Они [персы. — *В. Д.*] разделили между собою, насколько допускало отчаянное положение дел, ратный труд: одни оставались для защиты стен, а большая часть, незаметно открыв ворота, выступила из крепости с мечами наголо, и за ними следовали люди, несшие горючие материалы. Пока римляне атаковали отступавших и бились врукопашную с бросавшимися вперед, те, что несли горючие материалы, добравшись наперерез ползком, подсунули угли в скрепы вала, состоявшие их брусьев различных деревьев, лозняка и пучков камыша. Пламя быстро охватило этот сухой горючий материал, и наши солдаты с большой опасностью успели очистить вал и спасти баллисты (Amm. Marc. XX. 11. 22—23).

Можно лишь добавить, что благодаря самоотверженной обороне и успешным контратакующим действиям персов Безабда так и не была взята римлянами.

Особо следует выделить оборонительные действия персов, не имевшие вооруженного характера. В частности, сюда относится дезинформирование противника относительно численности гарнизона и состояния дел внутри крепостных стен, установление с помощью гонцов контактов с находившимися непо-

далеку персидскими частями для организации совместных действий против штурмовавших крепость римлян, организация специальных пожарных команд для тушения пожаров, возникавших из-за обстрела города зажигательными снарядами, а также разного рода военные хитрости — ведение переговоров с целью затягивания осады и выигрыша во времени, обещание оставить крепость и длительное обсуждение условий предполагаемой (реальной или мнимой) сдачи и др.

Все сказанное выше показывает, что персы прекрасно владели искусством полиоркии и применяли те же способы ведения осадной войны, что и их главный западный противник; в ряде аспектов они даже превосходили римлян, действуя более оригинально и эффективно.

ГЛАВА 4

ВОЕННАЯ СТРАТЕГИЯ ПЕРСОВ

Военная стратегия персов определялась целым комплексом тесно взаимосвязанных факторов и условий. Прежде всего, сюда следует отнести особенности социально-экономического развития Персидского государства. В силу своего геополитического положения Иран являлся связующим звеном между Средиземноморьем и цивилизациями Южной и Восточной Азии, в первую очередь Индией и Китаем. В связи с этим важную роль в хозяйственной жизни страны с древнейших времен играла транзитная торговля, что, в свою очередь, требовало установления и сохранения контроля над переднеазиатским участком трансазиатских торговых путей, а в идеале — и расширения здесь своей сферы влияния. Именно это обстоятельство обуславливало агрессивность внешней политики как сасанидского Ирана, так и других империй, существовавших на территории Среднего Востока до и после него.

Кроме того, по мере развития в Иране городского хозяйства здесь все острее ощущалась нехватка ква-

лифицированной рабочей силы, особенно в сфере ремесленного производства. Между тем для успеха в противостоянии с Римской (Византийской) империей Сасанидам объективно требовалось увеличение объемов и улучшение качества выпускаемой ремесленниками продукции. Единственным возможным способом решить проблему дефицита необходимого количества трудовых ресурсов был захват восточных городов империи с последующим переселением их жителей во внутренние области Персии для использования в интересах персидской экономики. Такая практика испокон веков существовала в Передней Азии, и Сасанидское государство в этом отношении было продолжателем древних традиций. Наиболее известным примером такого рода мероприятий является переселение Хосровом I пленных антиохийцев в специально построенный для них город на территории Месопотамии, хотя в источниках содержатся многочисленные упоминания и о других подобных фактах.

В силу достаточно стабильного развития персидской экономики шаханшахи имели возможность накапливать в казне солидные финансовые средства и определенную их часть расходовать на военные цели. Кроме всего прочего, это было важно еще и потому, что позволяло, с одной стороны, откупаться от часто тревоживших персидские границы кочевников, а с другой — за деньги нанимать тех же кочевников на военную службу и использовать их в боевых действиях против империи. Особое значение данное обстоятельство приобрело начиная с IV в., с наступлением наиболее активной фазы Великого переселения народов. По-видимому, впервые наемные войска ко-

чевых варваров были активно использованы Шапуром II, после длительных войн с племенами хионитов сумевшим затем привлечь их во главе с царем Грумбатом к участию в войнах против Римской империи. В последующих войнах на западе Сасаниды регулярно использовали воинские контингенты номадов (в источниках они обычно называются гуннами, хотя на самом деле могли иметь совершенно другую этническую принадлежность), не говоря уже об арабах, постоянно участвовавших в римско-персидских войнах как на стороне империи, так и Ирана.

Безусловно, стратегия ведения войны определялась и внешнеполитической обстановкой, в которой находилась держава Сасанидов в тот или иной период своей истории. Здесь, выражаясь математическим языком, были как постоянные, так и переменные величины. Наиболее важным из постоянно действующих факторов было, разумеется, само соседство с Римской (Византийской) империей, объективно являвшейся крупнейшим и опаснейшим противником Персии в Передней Азии. Однако отношения Ирана со своим западным соседом, в целом враждебные, иногда переживали периоды некоторой «разрядки», что было связано с многими причинами, и в первую очередь — с внутривнутриполитической ситуацией в обеих соперничавших державах. При этом следует отметить, что большее влияние на характер взаимоотношений между двумя государствами оказывали события в Персии, нежели в империи.

Независимо от того, насколько силен был противник в тот или иной период времени, Сасаниды в меру своих сил непрерывно инициировали более или

менее активные боевые действия на западе. Так было и в III в., когда империя переживала эпоху кризиса и упадка, и в IV в., когда Рим возродил свою былую мощь и вновь стал мощнейшей державой своего времени, и в VI в., в период расцвета Восточной Римской империи при императоре Юстиниане.

Содержащиеся в источниках факты говорят о том, что персы умело использовали сложное военно-политическое положение, в котором находилась империя. Их активность заставляла императоров отзываться войска из Европы и перебрасывать на восток, что усугубляло и без того тяжелое положение Римского государства. Даже Аммиан Марцеллин, будучи горячим патриотом Рима, откровенно заявляет, что римляне воевали «скорее оборонительным, чем наступательным, образом» (Amm. Marc. XXIX. 1. 2). Ситуация менялась лишь в том случае, если сам Иран погружался в пучину очередного кризиса (чаще всего это была борьба за власть между сыновьями умершего шаханшаха) и у Сасанидов объективно не было возможности для активных действий на западе.

Еще одним постоянным фактором, определявшим персидскую военную стратегию в переднеазиатском регионе, являлось наличие здесь ряда буферных государств, положение и позиция которых в конечном счете зачастую определяли исход не только отдельных военных кампаний, но и целых войн. Главным из них являлось Армянское царство, еще в I в. до н. э. утратившее статус великой державы и вынужденное с тех пор лавировать между своими могущественными соседями — Римской (Византийской) империей с од-

ной стороны и Парфией, а затем сасанидским Ираном — с другой.

Особая роль Армении в стратегических планах персов была обусловлена в первую очередь ее необычайно выгодным стратегическим положением, ставившим под контроль хозяина этой страны значительную часть Передней Азии. С Арменией у сасанидского Ирана были достаточно сложные отношения, поскольку одна часть армянской знати — *нахарары* — поддерживала империю, в то время как другая делала ставку на сотрудничество с Персией. Поэтому политика Сасанидов в отношении Армянского государства определялась в значительной мере тем, какая из группировок нахараров оказывала определяющее влияние на ситуацию в самой Армении. Кроме того, Армения с начала IV в. была христианским государством, и это объективно делало ее союзницей Рима (Византии), однако диктат римлян зачастую вызывал у армян такое недовольство, что они не раз были готовы пойти (и в ряде случаев шли) на открытый разрыв с империей. В связи с этим и задача по установлению над Арменией своего контроля решалась Сасанидами двояким путем: как посредством нанесения по ней мощных военных ударов, так и дипломатическими методами (хотя в целом все же преобладали агрессивные акции).

Помимо Армении, большую роль в планировании и проведении персами военных кампаний против Рима играли Иберия, Албания, Свания и особенно Лазика, имевшая выход в Черное море и, начиная с VI в., привлекавшая персов, помимо прочего, возможностью совершения морских нападений на территорию Византии.

зантии (Proc. *Bell. Pers.* II. 28. 18—23). Как и Армения, эти закавказские государства рассматривались Персией как удобные плацдармы для вторжений во владения империи и в то же время — как преграда на пути римской экспансии. Как и в Армении, здесь персы использовали политику кнута и пряника с преобладанием первого. Источники содержат неоднократные сообщения о персидских экспедициях против этих государств на протяжении всей истории римско-персидских войн.

Гораздо менее стабильной была ситуация на северных и восточных границах сасанидского Ирана. Здесь частыми были нападения кочевых племен (хиониты, гунны, эфталиты, кидариты, тюрки и др.), вторгавшихся в персидские владения в основном с территории Средней Азии, а также из-за Кавказского хребта. Это представляло собой отдельную проблему, требовавшую от персов отвлечения военных, экономических, людских и временных ресурсов. Во время войн с кочевниками Сасаниды снижали свою военную активность на западе, и империя получала некоторую передышку. Однако даже в этом случае персы делали все возможное для недопущения потери стратегической инициативы; если в тот или иной период времени основным становился среднеазиатский или закавказский театр боевых действий, то в Месопотамии велись хотя и не крупномасштабные, но все же постоянные, изматывающие противника бои, не дававшие ему достаточного времени на перегруппировку сил и организацию активной обороны и тем более наступления. Так, Аммиан Марцеллин сообщает, что когда Шапур II воевал с соседними народами на вос-

токе (350-е гг.), то нес при этом серьезные потери (Amm. Marc. XIV. 3. 1; XVI. 9. 3; XVII. 5. 1). Но даже в такой, казалось бы, драматической ситуации, ведя войну на два фронта, Шапур II продолжает держать римлян в постоянном напряжении. Его войска непрерывно тревожат римские пограничные гарнизоны, совершают систематические нападения на римские укрепления и населенные пункты, а также на союзника Рима — Армению (Amm. Marc. XIV. 3. 1; XV. 13. 4; XVI. 9. 1), вынуждая тем самым противника постоянно обороняться.

Примерно такой же ситуация была и позднее. Говоря о событиях на византийско-персидской границе, Феофилакт Симокатта пишет, что персы многократно грабили римские приграничные районы, устраивая при этом настоящую резню местного населения (Theophyl. II. 1. 2; III. 10. 8). Чередуя военные и дипломатические меры, Сасаниды в целом успешно справлялись с решением проблемы кочевнических набегов, и недавние противники Ирана, в конце концов, не только заключали с ним договоры о мире, но и зачастую поддерживали персов в войнах против империи. Если изменить ситуацию в свою пользу персам не удавалось, она могла иметь катастрофические последствия, как это было в V в. во время войн с эфталитами, где в одном из сражений в 484 г. погиб сам шаханшах Пероз.

Вообще же успехи персидской дипломатии впечатляют: даже италийские готы, не говоря уже о более близких соседях Ирана, находились в сфере ее интересов и пытались заручиться поддержкой Сасанидского государства в совместных действиях против

Византии (*Proc. Bell. Pers.* II. 3. 54). При этом нужно отметить, что иногда римляне сами провоцировали своих соседей к тому, чтобы искать дружбы с персами. Так было, например, в случаях с сарацинами, выступившими в 363 г. на стороне Шапура II потому, что император Юлиан отказался выплатить причитавшееся им жалование (*Amm. Marc.* XXV. 6. 10), с Арменией, которая в 374 г. едва не оказалась союзницей Персии из-за недалековидных шагов императора Валента в отношении армянского царя Папы (*Amm. Marc.* XXX. 1. 1—23), с Лазикой, перешедшей в 541 г. на сторону персов из-за чинимого здесь византийскими властями произвола (*Proc. Bell. Pers.* II. 15. 9—11).

Оказывал влияние на персидскую стратегию и комплекс собственно военных факторов. Важнейшим из них являлась внешнеполитическая доктрина Сасанидского государства. Уже сам титул правителя Ирана — «царь царей Ирана и не Ирана» — демонстрировал претензии шаханшахов на мировое господство. Наиболее четко суть военной доктрины персов на западном направлении передают Геродиан и Аммиан Марцеллин, сообщения которых в комментариях не нуждаются:

Весь противолежащий Европе материк, одеваемый Эгейским морем и проливом Пропонтиды, — всю так называемую Азию, считая владением предков [Арташир I. — *В. Д.*], желает вновь присоединить к Персидской державе, утверждая, что со времени Кира, который первым перенес власть от мидян к персам, вплоть до Дария, последнего персидского царя, власть которого упразднил Александр Македонский, — все, от Ионии до Кари, управлялось

персидскими сатрапами; поэтому ему подобает восстановить для персов целиком всю державу, которой они раньше владели (Herodian. VI. 2. 2).

Посольство объявило, что приказывает великий царь Артаксеркс [Арташир. — В. Д.] оставить римлянам и главе их Сирию и всю Азию, лежащую против Европы, и предоставить персам владеть всеми землями вплоть до Ионии и Карии и народами, отделяемыми Эгейским морем и Понтом, ибо это наследственные владения персов (Herodian. VI. 4. 4).

Я, царь царей Сапор, сопричастник звезд, брат Солнца и Луны, шлю Констанцию Цезарю, моему брату, привет... О том, что мои предки владели территориями до реки Стримон и границ Македонии, свидетельствуют даже ваши старые записи. Требовать прежних границ подобает мне, так как я... превосхожу древних царей блеском и множеством выдающихся подвигов (Amm. Marc. XVII. 5. 3, 5).

Сложившаяся в Иране социально-экономическая система в сочетании с другими условиями привела к возникновению определенной социальной структуры, когда все население страны делилось на несколько сословных групп. Это, в свою очередь, обусловило и особую систему комплектования войска: его главной ударной силой, костяком являлась формировавшаяся из многочисленного слоя средней и мелкой аристократии тяжелая конница¹. Это коренным образом опре-

¹ Подробнее о системе комплектования сасанидского войска и ее связи с социальным строем Ирана см. в § 2 «Организация армии Сасанидов» главы 1 наст. изд.

деляло всю стратегию персов: она была основана на действиях кавалерийских частей, в то время как пехота выполняла второстепенные функции, а иногда вообще не участвовала в сражениях (см., напр.: *Proc. Bell. Pers.* I. 15. 15; 17.1). Опора на конницу делала действия персидской армии стремительными и неожиданными для противника. Во многом именно поэтому, а также из-за недостаточно эффективной деятельности своей разведки римляне зачастую были совершенно не готовы к появлению противника и терпели неудачи.

Многие авторы отмечают целый ряд таких достоинств персидского войска, как его военная организация, жесткая дисциплина, постоянные военные упражнения, хорошее вооружение, что делало персов «грозными даже для очень больших армий» (*Amm. Marc.* XXIII. 6. 83; ср.: *Liban. Or.* XI. 177). Как писал Прокций Кесарийский, римские новобранцы «приходили в ужас при одном имени персов» (*Proc. Bell. Pers.* II. 16. 2). Не случайно и в военном трактате Маврикия персы удостоились первого места при перечислении противников Византии и рассмотрении особенностей ведения войны врагами империи (*Mauric.* XI. 2).

Решения о начале крупномасштабных боевых действий принимались персами на военных советах, чему предшествовала серьезная работа разведчиков. Так, Аммиан Марцеллин неоднократно говорит о персидских лазутчиках, о перебежчиках с римской стороны (одним из наиболее ярких примеров является знатный римлянин Антонин (*Amm. Marc.* XVIII. 5. 1—3, 6—8 и др.), сыгравший одну из ключевых ролей в трагиче-

ской для Рима кампании 359 г.) и об отлично поставленной разведывательной деятельности у персов в целом (Amm. Marc. XVIII. 5. 7; XIX. 5. 5; XXV. 7. 1). О высокой эффективности персидской разведки сообщают также Прокопий Кесарийский (Proc. *Bell. Pers.* II. 21. 1) и Феофилакт Симокатта (Theophyl. III. 3. 8; 7. 4—6). По данным Прокопия, у персов, как и у римлян, лазутчики содержались за казенный счет (Proc. *Bell. Pers.* II. 21. 11). В целом уровень работы персидской разведки даже их противники оценивали очень высоко:

Издревле за счет казны содержались многие люди, которые отправлялись в пределы врагов, проникали в царство персов... и, тщательно все разведав, по возвращении в землю римлян могли известить начальствующих лиц о вражеских секретах... То же самое издавна существовало и у мидийцев [т. е. персов. — В. Д.]. Хосров, увеличив, как говорят, жалование разведчикам, выгадал от такой предусмотрительности. Ибо ничто из того, что происходило у римлян, не оставалось для него тайной (Proc. *Hist. Arc.* XXX. 12—14).

Для введения противника в заблуждение персы прибегали к дезинформации. Пожалуй, наиболее мастерски данный прием был использован полководцем Хосрова I Мермероем, который во время кампании 554 г. в Лазике распространил известие о собственной смерти, а затем внезапно атаковал потерявших бдительность римлян (Agath. II. 20).

Большое значение в захвате и удержании военной инициативы персами играл фактор внезапности. Без

слабой разведки римлян и отличной — своей персам не удалось бы его использовать, но, как было сказано выше, разведка персов работала на высоком уровне, а хранить военные тайны они умели гораздо лучше римлян (Amm. Marc. XXI. 13. 4), — следовательно, действия персов почти всегда были неожиданными для римлян (Herodian. VI. 5. 6, 9; Amm. Marc. XVI. 9. 1; XXIII. 5. 3; XXIV. 5. 5; Proc. Bell. Pers. I. 7. 3; 8. 6; II. 20. 22; 27. 32; Theophyl. III. 10. 8).

Непосредственно перед вторжением на вражескую территорию персидская армия сосредоточивала свои основные силы на одном направлении (Amm. Marc. XXI. 7. 6), что, естественно, снижало эффективность оборонительных действий римлян в силу отсутствия у них точной информации о месте и времени вражеского нашествия и, соответственно, рассредоточения имеющихся сил. В дополнение к этому персы часто прибегали к обходным или отвлекающим маневрам, используя неожиданные для противника маршруты передвижения. Так, наряду с традиционным путем, пролежавшим через область в районе Нисибиса и далее мимо Дары в римскую Месопотамию (Proc. Bell. Pers. I. 17. 25), персидская армия неоднократно вторгалась на территорию империи через Армению или Осроену (Amm. Marc. XIV. 3. 2; Proc. Bell. Pers. I. 17. 2, 30—39; 18. 3; II. 24. 1).

Что касается отвлекающих действий, то яркий в этом отношении факт приводит Феофилакт Симокатта. В 580 г., узнав о начале вторжения византийской армии, персы для предотвращения вражеского нашествия совершили, в свою очередь, нападение на город Каллиник (совр. Ракка в Сирии), что перечеркнуло

все планы ромеев и заставило их, уничтожив сопровождавшие армию корабли с продовольствием, спешно двинуться на защиту осажденного персидским войском Каллиника (Theophyl. III. 17. 8—10).

Еще одной характерной чертой персидской стратегии являлось совершение на территорию империи глубоких рейдов, при которых войско не задерживалось для осады находившихся на пути его следования крепостей (Amm. Marc. XVIII. 6. 3; XIX. 1. 3; Proc. Bell. Pers. II. 5. 4, 7; 20. 17—18, 22). В таких случаях расчет делался на эффект внезапности, и за то время, пока римляне ориентировались в обстановке, концентрировали силы и готовились к ответным мерам, персы зачастую уже успевали разорить находящиеся в глубине имперских владений города и вернуться домой. Именно так была организована экспедиция Шапура II в 359 г., в ходе которой был взят ряд римских городов, в том числе — и Амида, а также поход Хосрова I в 540 г., завершившийся разорением Сирии и захватом ее столицы — Антиохии.

Важную роль в подготовке и принятии военно-стратегических решений у персов играли религиозные факторы. Для государственной религии Сасанидской державы — зороастризма — были характерны крайний дуализм и противопоставление последователей учения Заратуштры сторонникам всех остальных вероучений, в связи с чем военно-политическое противостояние Рима и Ирана приобретало религиозную окраску. Обе стороны неоднократно предъявляли друг другу претензии, связанные с положением своих единоверцев на вражеской территории. Так, незадолго до смерти Константин Великий направил

Шапуру II послание с требованием уважать интересы проживающих в Персии христиан (Euseb. *Vit. Const.* VIII. 4—13), что было обусловлено начавшимися в Иране жестокими антихристианскими гонениями. Со своей стороны и персы выдвигали схожие претензии; в 464 г. послы Пероза жаловались императору Льву I, «что магов, искони обитающих в римских владениях, римляне хотели отвлечь от отеческих обычаев и законов, и от их богопочитания, что они беспокоят их и не позволяют, чтоб у них горел по закону их так называемый неугасимый огонь» (Prisc. *Fr.* 25).

В силу целого ряда причин в Сасанидском государстве всегда было сравнительно сильным влияние зороастрийского духовенства на все сферы общественной жизни. Не было исключением и военное дело. Священнослужители — маги — оказывали непосредственное влияние на ход боевых действий, принятие тех или иных стратегических решений. Например, без общения с «подземными духами», без бесед с «предсказателями» о будущем (Amm. Marc. XVIII. 4. 1), без благоприятных небесных знамений (Amm. Marc. XXI. 13. 2. 8) Шапур II не начинал войн; только после «заклания жертвенных животных с целью определения будущего хода военных действий» посреди моста через реку персидские войска переходят границу римских владений (Amm. Marc. XVIII. 7. 1). Подобные сведения сообщает и Прокопий Кесарийский: следуя совету магов, Хосров I подверг осаде города Сурон (Proc. *Bell. Pers.* II. 5. 9) и Эдесса (Proc. *Bell. Pers.* II. 13. 9—10). По словам Феофилакта Симокатты, командующий персидским войском, прежде чем начи-

нать боевые действия против римлян, обращался к «магам и прорицательницам» с тем, чтобы они определили исход будущей войны. После того, как те предсказали, что «за мидянами останется победа, что после битвы персы уведут с собою в свою землю ромеев», персы, воодушевленные такими пророчествами, выступили в поход (Theophyl. II. 2. 2—4). Более того, в ряде случаев маги принимали личное участие в военном командовании (Theophyl. II. 3. 3; III. 5. 14), вели от лица шаханшаха военные переговоры (Theophyl. I. 15. 1—12).

Рассматривая вопрос о стратегии персов в их войнах с Римом и Византией, нельзя не сказать еще об одном определявшем ее факторе — о природно-климатических условиях в районе Междуречья и Передней Азии в целом. Практически все кампании (причем как с персидской, так и римской стороны) происходили здесь в летнее время. Четкое пояснение по этому поводу дает Аммиан Марцеллин, который сообщает, что с осени до весны боевые действия между Римом и сасанидским Ираном не велись по одной причине — из-за непролазной грязи, появлявшейся в Месопотамии с началом осенних дождей в результате размокания находящейся здесь повсюду глины (Amm. Marc. XX. 11. 31). В таких условиях ведение боевых действий примерно с сентября по май было просто невозможно. Кроме того, воины персидской армии не очень хорошо переносили холодную (по их меркам) зимнюю погоду, что также препятствовало ведению каких-либо активных боевых действий с персидской стороны. Очень интересный пассаж

по этому поводу содержится в «Церковной истории» Сократа Схоластика:

...Персы бывают весьма слабы и ленивы в течение зимы. Не могли переносить холода, они в то время избегают сражений; мидянин тогда, как говорит пословица, даже рук не выставит из-под плаща (Socr. Schol. III. 21).

В то же время летом на территории, где происходили боевые действия между римской и персидской армиями, стояла сильная, зачастую невыносимая для римлян жара (например, на севере современного Ирака, в районе города Мосула, средняя температура июля составляет 33 °С), что, безусловно, было на руку персам, поскольку они, естественно, были в гораздо большей степени, нежели их противник, привычны к такому климату. Геродиан, описывая персидский поход императора Александра Севера, говорит об «иссушающей жаре» и «удушливом воздухе» как одной из важнейших причин поражения римского войска (Herodian. VI. 6. 2, 4).

Помимо климата, сильное влияние на персидскую стратегию оказывали и другие географические условия переднеазиатского театра боевых действий, особенно — рельеф местности. Из-за численного преобладания конницы и акцента на ее действия персы не могли так же успешно, как на равнинной местности, воевать в горах. Это, конечно, не играло принципиального значения с точки зрения общей логики развития событий в ходе римско-персидских войн, однако, поскольку иногда персам все же приходилось воевать и в горных районах, в некоторых эпизодах су-

щественно осложняло действия персидской стороны и снижало их эффективность:

Конница же варваров [персов. — В. Д.] из-за крутизны гор замедлила свой бег и с трудом могла преследовать и нападать (Herodian. VI. 5. 6).

Оказавшись в пределах Лазики, они [иберы. — В. Д.] там остановились и, защищенные узкими горными проходами, стали сопротивляться врагам. Преследовавшие их персы не сделали здесь ничего значительного, так та же труднодоступная местность оказалась препятствием для их нападения (Proc. Bell. Pers. I. 12. 13).

* * *

В силу сочетания приведенных выше факторов стратегия персов на западном театре боевых действий носила ярко выраженный наступательный характер. Это означает, что выводы В. И. Холмогорова об оборонительном характере военных действий римской армии в Европе по Рейну и Дунаю, начиная с III в.², можно распространить также на римско- и византийско-персидские войны в Передней Азии. Действительно, военная инициатива всегда находилась в руках персов, и все, даже самые успешные и внешне кажущиеся наступательными, военные акции империи в отношении сасанидского Ирана являлись ни чем иным, как запоздалой реакцией на персидскую агрессию. Самое большое, на что были способны римля-

² Холмогоров, 1939. № 3. С. 89.

не — это нанесение по Персии упреждающих или ответных ударов, носивших в конечном счете оборонительный характер и подчиненных одной главной стратегической сверхзадаче — защите восточной границы империи от новых вторжений персов. Именно так следует расценивать такие, например, события, как персидские походы императоров Кара (283) и Галерия (298), экспедиция Юлиана Отступника (363) или вторжение в Персию, совершенное императором Ираклием (628).

Таким образом, в стратегическом отношении персы ни чуть не уступали римлянам. Почему же в таком случае они, в отличие от гораздо менее организованных и искушенных в стратегическом искусстве германцев, не смогли добиться полного и безоговорочного успеха в военном противостоянии с империей? Ответ следует искать в особенностях ситуации на восточном участке римской (позднее — византийской) границы. Во-первых, он был гораздо менее протяженным, и переброска сил в случае персидского вторжения объективно требовала меньшего времени, чем на севере. Во-вторых, возможных путей продвижения персидской армии в Месопотамии было не так много³, и в принципе римское командование могло предполагать, в каких местах персы способны перейти границу империи, и организовать в опасных районах рубежи обороны или, по крайней мере, сторожевые заслоны с целью задержать продвижение войск противника до подхода основных сил. В-третьих, города римского Востока были гораздо более многочисленными, богаты-

³ См.: Blockly, 1988. Vol. 52. P. 253.

ми и хорошо укрепленными, чем на рейнско-дунайском лимесе. К тому же управление и контроль (в том числе и в военной сфере) в урбанизированной части империи, каковой являлись ее восточные провинции, были гораздо более эффективны, чем в не столь населенных приграничных провинциях в Европе. Наконец, в-четвертых, на востоке римляне столкнулись с развитым цивилизованным государством, имевшим достаточно стабильные границы, четкие и ярко выраженные геополитические установки и обусловленные многовековыми традициями доктрины⁴. Это делало внешнюю политику Сасанидов для римлян в целом предсказуемой и позволяло спланировать и подготовить ответные шаги. На Рейне же и Дунае ситуация была совершенно иной.

⁴ Ср.: Кареев, 1913. С. 360; Иванов, 1952. С. 26; Пигулевская, 1971. Вып. 23. С. 4; Crump, 1975. Р. 66. Г. Крамп делает акцент на традиционности противостояния Рима и его восточных противников и, соответственно, стабильности военно-политической ситуации в Месопотамии.

ЧАСТЬ 2

ИСТОРИЯ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ РИМСКОЙ (ВИЗАНТИЙСКОЙ) ИМПЕРИИ И САСАНИДСКОГО ИРАНА

Сильный противник на западе в лице Римской империи достался Сасанидам в качестве своеобразного наследства вместе со всеми проблемами, накопившимися в Парфии за ее почти пятивековую историю. Во многом те же, что и в парфянскую эпоху, были и причины кровопролитных войн, происходивших в Азии между римлянами и персами; и Римская империя, и держава Сасанидов представляли собой в этот период по сути дела военные державы, для которых внешняя экспансия была одним из способов существования. Кроме того, каждая из двух держав считала себя единственным полноправным хозяином в Передней Азии: Римская империя — после походов Траяна, захватив-

шего все Двуречье и отодвинувшего восточную границу империи до берегов Тигра; Сасаниды же — в силу своей, как они считали, причастности к династии Ахеменидов и, следовательно, претензий на всю Переднюю Азию вплоть до берегов Эгейского и Черного морей.

Однако не менее, если не более, важной причиной всех войн римлян с персами (как до того — с парфянами) являлось стремление Рима захватить или хотя бы поставить под свой контроль торговые пути, шедшие из далекого Китая к границам империи; в свою очередь персы старались сделать все возможное, чтобы не допустить этого и сохранить, а по возможности и расширить зону своего влияния в бассейне Тигра и Евфрата — регионе, где издревле сходились трансазиатские торговые пути, приносившие расположенным на них государствам огромные прибыли. Именно борьба за контроль над караванными путями, шедшими с востока на запад и находившимися с III в. в руках сасанидского Ирана в силу его геополитического положения, в значительной мере породила нескончаемую череду войн и дипломатических конфликтов, наполнивших всю историю римско-персидских отношений.

Следует отметить еще одну причину ожесточенной борьбы между Римом и Персией, имевшую также экономический характер. Речь идет о нехватке в сасанидском Иране квалифицированных рабочих рук, без которых не могло быть и речи об экономическом, а следовательно, и военно-политическом могуществе государства Сасанидов. Прежде всего, это касается ремесленного производства (в частности, ткачества,

строительства, кузнечного дела), где Рим по многим показателям традиционно занимал лидирующее положение в тогдашнем мире.

Таким образом, в основе римско-иранских противоречий лежали, прежде всего, причины социально-экономического и геополитического характера, делавшие Римскую империю и сасанидский Иран естественными соперниками в их борьбе за гегемонию в переднеазиатском регионе.

ГЛАВА 1

САСАНИДСКИЙ ИРАН И РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ В СЕРЕДИНЕ III—КОНЦЕ IV В.

§ 1. Начало противостояния: от преобладания Ирана к гегемонии Рима (235—298 гг.)

История военно-политического противостояния Римской империи и сасанидского Ирана берет свое начало в 230-х гг. К этому времени основатель державы Сасанидов Арташир I (226—242) разгромил войска последнего парфянского Аршакида Артабана V, подчинил своей власти всю территорию, некогда входившую в состав Парфянского царства, и приступил к расширению границ нового Иранского государства. На западе первыми жертвами экспансии Арташира стали небольшие арабские царства, находившиеся между римскими и персидскими владениями. Именно к этому периоду относится и возникновение двух буфер-

ных арабских государств — княжества Лахмидов и княжества Гассанидов, первое из которых впоследствии являлось союзником Персии, второе — Рима (позднее — Византии). На протяжении всех последующих столетий арабы (или сарацины, как их называли латинские и греческие историки) принимали активное участие в римско-персидских войнах, приобретая военный опыт, весьма пригодившийся им в середине VII в. при создании Арабского халифата.

После установления контроля над приграничными с Римской империей землями Арташир смог приступить к реализации своей внешнеполитической доктрины; он провозгласил ее сразу после прихода к власти, и заключалась она в восстановлении территории Персидской державы в границах царства Ахеменидов.

Первые сообщения о появлении на востоке новой опасности стали приходить в Рим на четырнадцатом году правления императора Александра Севера (222—235), т. е. в 235 г. От правителей Сирии и Месопотамии Александру были доставлены послания, в которых сообщалось:

Артаксеркс, царь персов, сокрушив парфян и лишив их власти над Востоком, убил Артабана... покорил все соседние варварские народы и сделал их своими данниками; он не успокаивается на этом и не остается по ту сторону реки Тигра, но, перейдя на другой берег в пределы Римской державы, опустошает набегами Месопотамию и грозит сирийцам, а весь противолежащий Европе материк... желает вновь присоединить к Персидской державе... (Herodian. VI. 2. 1—2).

Эти сведения встревожили Александра. К большой войне на востоке империя была не готова. Для решения возникшей проблемы мирным путем император, после совещания с приближенными, решил направить Арташиру послание, в котором Север увещевал шаханшаха «не возбуждать великой войны... ибо борьба с римлянами будет для него не такая, какую он вел против своих соседей и единоплеменных варваров», и напоминал о многочисленных трофеях, воздвигнутых в честь побед над парфянами Октавианом Августом, Траяном, Луцием Вером и Септимием Севером (Herodian. VI. 2. 4). Доводы Александра не возымели никакого эффекта. Арташир, не обращая внимания на граничившие с угрозами предостережения императора, продолжал разорять римские владения в Месопотамии, захватывая крепости, уводя с собой людей и домашний скот.

Ситуация на востоке приобретала для империи опасный характер. Александру не оставалось ничего другого, как начать подготовку к походу против персов. В Риме он собрал большое войско, двинувшееся затем по суше в направлении Персии. Пройдя Иллирию и пополнив воинами стоявших там гарнизонов свою армию, Александр Север переправился в Азию и вскоре прибыл в Антиохию. Находясь здесь и завершая последние приготовления к войне, император попытался еще раз договориться с Арташиром о мире. Римские послы предложили царю вступить с Александром в переговоры с целью урегулирования возникшего конфликта, но тот, отказавшись вести переговоры, сам направил к римлянам посольство, состоявшее из четырехсот персов, «самых высокорослых,

разукрашенных драгоценными одеждами и золотом, а также блещущих убранством коней и луков» (Herodian. VI. 4. 4), надеясь поразить противника великолепием своих послов. Персидские посланники объявили Александру о том, что Арташир приказывает ему оставить Сирию и всю Азию и «предоставить персам владеть всеми землями вплоть до Ионии и Кари» (Herodian. VI. 4. 5). Столь дерзкое заявление персов вызвало гнев Александра; они были схвачены, отправлены во Фригию и расселены в предоставленных им поместьях, получив при этом запрет на возвращение в Персию. Война стала неизбежна.

Римское войско Север разделил на три части. Первой из них предписывалось продвигаться в северо-восточном направлении, пройти через союзную Армению и вступить на территорию Мидии. Второй ставилась задача нанести удар в юго-восточном направлении, выйдя в низовья Тигра и Евфрата. Третья же, наиболее многочисленная и сильная часть, во главе которой находился сам император, должна была вторгнуться в Среднюю Месопотамию. Таким путем Александр рассчитывал добиться разделения сил персов, вынужденных действовать сразу по трем направлениям, дезорганизации системы командования персидским войском и в конечном счете разгрома вражеской армии.

Однако реальность внесла в военные планы римлян серьезные коррективы. Более или менее успешно развивались действия северной армии. После трудного и опасного перехода через Армянское нагорье она вторглась в Мидию, разоряя местные селения и захватывая богатую добычу. Узнав об этом, Арташир с

войском двинулся навстречу римлянам для организации обороны своих мидийских владений. Однако в гористой местности Мидии конное войско персов явно уступало римской пехоте, что не позволило царю нанести противнику поражение и очистить Мидию от римлян. Кроме того, в это же время к Арташиру стали приходить известия о том, что другая римская армия продвигается в направлении нижнего Двуречья и опустошает лежащие на ее пути земли, намереваясь затем, судя по всему, вторгнуться на территорию Ирана. Это вынудило шаханшаха оставить в Мидии незначительную часть своего войска, а с остальной армией двинуться на юг.

Южная армия ничего не знала о том, что происходит на других направлениях. Войско спокойно, практически не встречая сопротивления, продвигалось по вражеской территории, пребывая в полной уверенности, что Александр с основной армией уже перешел границу и ведет боевые действия на территории Персии, отвлекая на себя главные силы персов.

А Александр в это время бездействовал. По всей видимости, от вторжения на вражескую территорию императора отговорила его мать, Мамея, находившаяся рядом с сыном и, как всегда, чересчур трепетно заботившаяся о его безопасности. Мамея убеждала сына, что «другим следует подвергать себя опасностям ради него, а не ему самому» (Herodian. VI. 5. 9). Известный своей нерешительностью, Александр и здесь последовал советам матери.

Бездействие императора привело к катастрофе. Уверенность в том, что Александр уже воюет на территории Месопотамии, а также отсутствие сопротив-

ления со стороны противника создали у римского командования иллюзию полной безопасности. Армия шла без соблюдения боевого порядка и мер предосторожности, уповая на беспрепятственное вступление на территорию Персии и легкую победу. Внезапно на пути ничего не подозревавшего войска возникла армия персов во главе с самим шаханшахом. Вскоре выяснилось, что римляне полностью окружены. Персы начали методично и планомерно истреблять своего противника. Конные лучники с дальней дистанции обрушили на римские фаланги ураган стрел. Пехота римлян, оказавшись в безвыходном положении, была вынуждена уйти в глухую оборону и защищаться от персидских лучников с помощью щитов, что, однако, было малоэффективно: войско таяло на глазах. В конце концов остатки римской армии сбились в беспорядочную массу и были окончательно уничтожены. Разгром был полным.

Узнав о гибели южной армии, Александр растерялся. Все его планы рушились. Оставалось только одно — отступать. Отдав северному войску приказ оставить Мидию, Александр со своей частью армии вернулся в Антиохию. Находившимся же в Мидии войскам возвращаться пришлось в зимнее время, и значительная их часть погибла на обратном пути в горах на территории Армении; в Антиохию вернулись лишь немногие участники этого драматического перехода.

Войско было возмущено предательским, как совершенно справедливо считали солдаты, поведением своего полководца, и только щедрые денежные раздачи ненадолго сбили волну недовольства в армии;

немного спустя в крайне недовольной Александром армейской среде возник заговор, и разгневанные центурионы убили императора. Погибла и Мамея, так и не сумев защитить сына от обрушившихся на него бед.

Успехи Арташира заставили римлян всерьез задуматься об организации обороны своих восточных провинций. Однако до тех пор, пока в империи царил хаос, это не представлялось возможным. После убийства Александра Севера — последнего императора из династии Северов — Римское государство окончательно погрузилось в пучину кризиса, длившегося, то затухая, то вспыхивая с новой силой, на протяжении почти всего III в. Организатор убийства Александра Севера, один из его офицеров, Гай Юлий Максимин, получивший за свое происхождение прозвище «Фракиец», был озабочен, прежде всего, удержанием власти в своих руках и защитой рейнско-дунайского лимеса от натиска германцев, даков и сарматов. Заняться организацией обороны восточных границ империи Максимин не имел ни средств, ни времени.

Некоторое улучшение ситуации на востоке намечалось после прихода к власти 14-летнего императора Марка Антония Гордиана III (238—244). Судя по всему, в годы его правления на границе с варварами в Европе наступило временное затишье (во многом благодаря военным походам его предшественника Максимиана), и потому Гордиан смог сосредоточиться на борьбе с персами, которыми в это время правил уже Шапур I (242—272).

В 242 г. император отворил ворота храма Двуликого Януса, что свидетельствовало о начале боевых действий (на этот раз — на востоке). Подготовка к

походу велась основательно; для вторжения на территорию Персии была сосредоточена значительная по численности армия с большим контингентом вспомогательных войск; кроме того, для успешного осуществления своих военных планов Гордиан собрал большую сумму денег, необходимую для содержания войска. Важным элементом в подготовке похода являлась и налаженная императором система бесперебойного снабжения армии продовольствием.

Пройдя через Мезию и Фракию, армия Гордиана высадилась в Азии и двинулась в направлении Сирии, главный город которой — Антиохия — в это время находился в руках персов. Боевые действия развивались успешно для римской армии: Антиохия и вся Сирия были очищены от персидских войск, взяты такие важные в военном и экономическом отношении города на территории Верхней Месопотамии, как Карры и Нисибис. О степени успеха римлян говорит тот факт, что в планах императора было продолжение войны на персидской территории и продвижение в глубь сасанидских владений вплоть до Ктесифона, которым Гордиан был намерен овладеть. Однако персы тоже не бездействовали и оказывали римской армии серьезное сопротивление, сумев нанести ей ряд поражений. Это даже дало основание Шапуру I в знак одной из побед над войсками Гордиана III основать город Пероз-Шапур («Победа Шапура»). Трудно сказать определенно, какая из сторон в военно-стратегическом отношении добилась все же больших успехов, однако следует признать, что своей цели Гордиан достиг — захваченные персами римские территории были освобождены от войск противника. Это было по достоин-

Шаханшах Шапур I. Реконструкция Е. О. Русаковой
(выполнено по изданию: *Nicolle D. Sassanian Armies*. Stockport, 1996)

ству оценено в Риме: в честь побед Гордиана на востоке отпраздновали триумф, а сенат предоставил императору в качестве почетной награды четверку слонов, считавшихся царскими животными.

Казалось бы, ничто не предвещало беды. Однако, как это часто происходит, она пришла внезапно, в самый разгар подготовки римлян к дальнейшим боевым действиям против персов. Дело в том, что незадолго до описываемых событий родственника и ближайшего сподвижника Гордиана — Гая Фурия Тимеситея — на посту префекта претория сменил Марк Юлий Филипп, имевший, судя по его прозвищу («Араб»), далеко не римское происхождение. Свое новое назначение Филипп Араб использовал для достижения собственных политических целей. Им была организована интрига, в результате которой транспорты с продовольствием для римского войска, воевавшего с Персией, были направлены в другие пункты назначения. В армии римлян начался голод, вызвавший резкое недовольство воинов своим командованием и в первую очередь — самим Гордианом.

Подобного рода настроения всячески подогревались Филиппом и его сторонниками: в войске распускались слухи о неспособности Гордиана управлять не только армией, но и государством. В результате солдаты провозгласили императором Филиппа, а Гордиан был убит. Тем не менее в память об императоре римскими воинами в 20 милях от Киркесия, где и произошли описанные драматические события, был насыпан высокий курган, получивший впоследствии название «Римский Лагерь».

Став императором, Филипп был заинтересован в скорейшем прекращении боевых действий и прибытии в Рим для окончательного утверждения своей власти. Война с персами была для него препятствием к этому, которое необходимо было как можно быстрее преодолеть. Поэтому Шапур I и Филипп Араб заключили мирный договор, носивший компромиссный характер: империя удерживала за собой Верхнюю Месопотамию, Шапур же, в свою очередь, добился от Филиппа признания прав Персии на включение Армении в сферу своего влияния. Кроме того, Рим должен был выплатить Персии незначительную контрибуцию (ее точный размер неизвестен).

Таким образом, столь успешно начавшийся и так драматически завершившийся персидский поход Гордиана III все же решил главную на тот момент задачу Рима на Востоке — захваченные персами территории были возвращены, активные боевые действия со стороны сасанидского Ирана на какое-то время прекратились.

В то же время очевиден и тот факт, что Сасаниды отнюдь не намерены были налаживать с империей добрососедские отношения. Их целью по-прежнему являлся захват всей территории, некогда входившей в состав державы Ахеменидов. Возобновление войны с Римом было для Персии лишь вопросом времени.

Перемирие продлилось девять лет. В 253 г. персидская армия вновь перешла римскую границу. Дать персам отпор римляне не могли. На троне империи в это время царил настоящий хаос; за четыре года, предшествовавшие вторжению, в Риме сменилось четыре императора (Деций (249—251), Требониан Галл

(251—253), Эмилиан (253) и Валериан (253—260)), не считая их соправителей и узурпаторов, которые также формально считались императорами. Вся эта императорская чехарда происходила на фоне непрекращавшихся вторжений на территорию империи германских и других племен на рейнско-дунайской границе. Иначе говоря, момент для начала новой войны с Римом был выбран Шапуром I весьма удачно.

Персидское войско форсировало Евфрат и начало движение на запад, в направлении Антиохии. Ввиду отсутствия здесь представителей центральной военной администрации роль организатора обороны взял на себя легат Сирии. Первая крупная битва произошла близ города Барбалиссы на правом берегу Евфрата. Римское войско численностью около 60 тысяч человек потерпело поражение, после чего путь персам в Сирию был открыт. Были взяты Антиохия и другие сирийские города. После разорения римских владений персы вернулись домой.

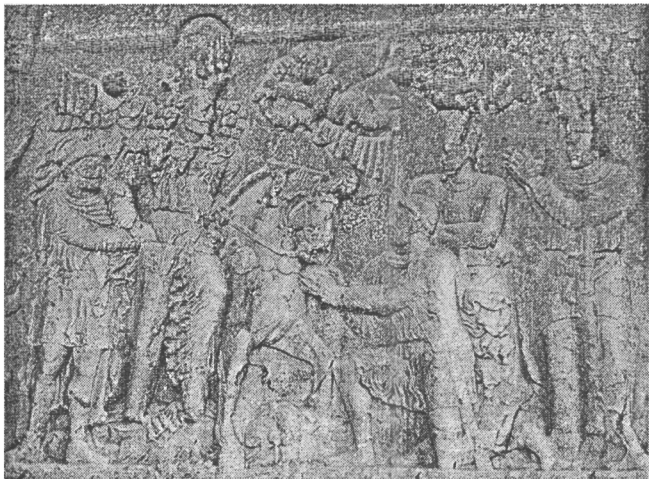
Тем временем ситуация в Риме вроде бы начала стабилизироваться. В 253 г. к власти здесь пришел император Публий Лициний Валериан (253—260), находившийся, правда, уже в достаточно преклонном возрасте (на момент вступления на престол ему было 63 года). Для налаживания более эффективного управления разваливавшейся на части империей и организации обороны ее границ Валериан назначил соправителем своего сына Галлиена, правившего в западной части империи, а сам отправился на восток, где ситуация была более сложной. В течение нескольких лет Валериан занимался укреплением римских рубе-

Пленение Шапуром I императора Валериана (260 г.).
Изображение на камее, IV в. (воспроизведено по изданию:
Nicolle D. Sassanian Armies. Stockport, 1996)

жей в Азии и подготовкой к отражению очередного нападения персов.

В 260 г. войска Шапура I вновь перешли римскую границу. Императорская армия под командованием самого Валериана вышла навстречу противнику. Решающее сражение произошло в Северной Месопотамии, под Эдессой. Войско Валериана, несмотря на все проведенные им подготовительные мероприятия, потерпело сокрушительное поражение, а сам император попал в плен, что было единственным случаем за всю историю римско-персидских войн. И если даже, как гласит одна из версий, Валериан был пленен вероломно, во время переговоров, это отнюдь не умаляет военного успеха персов. Согласно одной из версий, находясь в плену, Валериан должен был выполнять

Триумф Шапура I над императором Валерианом. Рельеф в Бишапуре, III в. (воспроизведено по материалам сайта «Livius. Articles on ancient history» // http://www.livius.org/a/iran/bishapur/bishapur_relief_2_1.jpg)

при Шапуре роль раба и подставлял ему спину в качестве опоры всякий раз, когда тот садился на коня. Точное время гибели Валериана в персидском плену неизвестно. По некоторым данным (Agath. IV. 23), бывший император умер мученической смертью: с него живьем была снята кожа, что являлось одним из излюбленных способов казни у персов.

Этим событиям в Персии придавалось огромное (в первую очередь — идеологическое) значение, что подтверждается четырьмя монументальными рельефными композициями, созданными в разных районах

Триумф Шапура I над императором Валерианом. Рельеф в Накш-и Рустаме, III в. (воспроизведено по материалам сайта «Livius. Articles on ancient history» // <http://www.livius.org/a/1/iran/sapor.jpg>)

Персии (наиболее известным из них является рельеф в Накш-и-Рустаме, изображающий Валериана, стоящего на коленях перед восседающим на коне Шапуrom), а также письменными источниками (Euseb. *Vit. Const.* IV. 11). Кроме того, римские военнопленные были отправлены в город Гунди-Шапур на территории Хузистана и задействованы при постройке плотины на реке Харун, которая из-за своего названия — «Банд-и и Кайсар» («Плотина Цезаря») — стала еще одним своеобразным памятником победе войск Шапура I над армией Валериана.

После поражения под Эдессой Сирия опять оказалась беззащитной перед лицом персидского нашествия.

ствия. Армия Шапура вновь захватила сирийскую столицу — Антиохию. Как следует из источников, это произошло настолько неожиданно, что жители города даже не успели понять, что он уже находится под контролем персов. Подробно о захвате персами Антиохии сообщает римский историк Аммиан Марцеллин:

Однажды в Антиохии... один мимический актер со своей женой во время театрального представления изображал выхваченные из жизни сценки, и публика залюбовалась изяществом исполнения. Жена его вдруг сказала: «Если это не сон, то вот персы». Публика повернула головы и, стараясь спастись от тучи пущенных в нее стрел, рассеялась, кто куда мог. Город был подожжен, убито много мирно разгуливавших людей, в окрестностях были произведены страшные грабежи и поджоги, и враги с огромной добычей беспрепятственно ушли домой (Amm. Marc. XXIII. 5. 3).

Кроме Сирии, опустошительному вторжению подверглись римские области Киликия и Каппадокия в Малой Азии, а также Малая Армения. Ситуацию спасло лишь внезапное появление в Малой Азии римского полководца Каллиста, которому удалось сначала остановить продвижение персов, а затем принудить их к отступлению. На обратном пути при переправе через Евфрат потрепанное и отягощенное захваченной добычей войско Шапура было атаковано правителем Пальмиры Публием Септимием Оденатом. Персам был нанесен ощутимый урон, войска пальмирцев, захватив Нисибис и всю Верхнюю Месопотамию, преследовали персов до самой столицы — Ктесифо-

на. Заслуги правителя Пальмиры перед Римским государством были высоко оценены: сын и преемник Валериана, император Публий Лициний Эгнат Галлиен (253—268), удостоил Одената императорского титула и передал под его командование стоявшие на востоке римские войска.

С этого времени начинается эпоха расцвета Пальмиры, превратившейся на какой-то период в фактически независимое от Рима государство, проводившее, однако, в отношении Персии выгодную империи агрессивную политику. Это обстоятельство не сулило Сасанидам ничего хорошего, что показали дальнейшие внешнеполитические шаги Одената, в которых самое активное и непосредственное участие принимала его жена — легендарная царица Зенобия.

В 264 г. Оденат совершает новый подход в Персию. Его войско прошло Месопотамию и осадило Ктесифон; плененные персидские военачальники были доставлены в Рим и проведены в триумфальном шествии, устроенном, однако, в честь не победителя персов Одената, а императора Галлиена, получившего к тому же еще и почетный титул «Персидский». В честь побед на востоке в Риме была также отчеканена особая монета с изображением Одената, ведущего за собой пленных персов.

Между тем пальмирское войско продолжало осаждать Ктесифон. Для снятия блокады в район персидской столицы начали стягиваться войска из разных частей Сасанидской державы. Это обстоятельство, а также трудности, связанные с пребыванием в непривычной для воинов Одената местности, заставили его, не проигравшего ни одного сражения, все же ос-

тавить территорию Персии и вернуться на родину, где вскоре он пал жертвой заговора, а его преемницей стала Зенобия, продолжившая политику, направленную на усиление своего государства.

Период могущества Пальмиры оказался недолгим. Пришедший к власти в Риме в 270 г. император Луций Домиций Аврелиан (270—275) вел упорную борьбу за восстановление единства империи и, разумеется, не мог мириться с сильной и, по сути дела, независимой от Рима Пальмирой. Чувствуя опасность, Зенобия попыталась заручиться поддержкой своих соседей — сарацин, армян и даже заклятых врагов Пальмиры персов, которые, естественно, были не прочь использовать такой удобный случай для вмешательства во внутренние дела Римского государства. Это окончательно переполнило чашу терпения Аврелиана: в 272 г. Пальмира подверглась нападению римской армии.

Союзники Зенобии оказались ненадежными, посланные ей на помощь отряды персов были перехвачены частями Аврелиана и вернулись домой, а армян и сарацин путем подкупа и запугивания Аврелиан «убедил» отказаться от поддержки Пальмиры. Зенобия была взята Аврелианом в плен и после участия в качестве особо почетной пленницы в его триумфе по поводу победы над Пальмирой поселена близ Рима в предоставленном ей поместье. В том же году, когда произошли описываемые события, умер и Шапур I.

Со смертью Шапура заканчивается первый и, возможно, самый драматический период в истории римско-персидских отношений. Рим в полной мере почувствовал на себе мощь своего нового соседа на вос-

токе, и первый опыт борьбы с ним был весьма плачевен; восточные провинции империи неоднократно подвергались вторжениям персов, многие города были разорены и сожжены, а их население уничтожено или угнано в рабство. Правительство находившейся в состоянии хаоса империи было неспособно к налаживанию эффективного противодействия персидской экспансии, и лишь эпизодически ему удавалось отражать вторжения персов на свою территорию. О военных мерах превентивного характера в такой ситуации не могло быть и речи.

Однако к концу III в. соотношение сил несколько меняется. В Персии после смерти Шапура I началась полоса междоусобных войн, и силы государства таяли в борьбе претендентов на престол. С 272 по 293 г. сменилось четыре шаханшаха: Ормизд I (272—273), Бахрам I (273—276), Бахрам II (276—293) и Бахрам III (293). Об этом периоде персидской истории известно очень немного, но ясно, что такая частая смена царей не была случайной. Кроме того, о внутренних смутах в Персидском государстве в этот период имеются упоминания и в римских источниках. В частности, в биографии императоров Кара, Карина и Нумериана, написанной Флавием Вописком, отмечается, что во время правления первого из них (282—283) «персы были заняты мятежом, поднявшимся внутри государства» (SHA. XXX. 8. 1).

В то же время империя постепенно начала оправляться от катастрофических последствий кризиса III в. Уже при императоре Каре в 283 г. римляне одержали первую за много лет серьезную победу над персами,

когда, не дожидаясь их нападения, преодолели Евфрат и дошли до самого Ктесифона, что дало Кару полное основание удостоиться титула «Персидский». Лишь внезапная смерть императора¹ остановила наступление римлян.

В 284 г. к власти приходит Диоклетиан, сумевший навести порядок в империи и железной рукой восстановивший пошатнувшееся могущество Римского государства. С его помощью в 287 г. на армянском престоле утверждается царь Тиридат III (287—332), в течение почти полувека являвшийся главным и наиболее последовательным союзником Рима на востоке.

Переломить ситуацию попытался шаханшах Нарсе (293—302), однако к тому времени военная мощь Рима в результате реформ Диоклетиана значительно возросла, и попытка персов закончилась неудачей. Речь идет о римско-персидской войне 296—298 гг. Она началась с того, что Нарсе во главе многочисленной армии занял Армению, изгнав оттуда ставленника и союзника Рима Тиридата III, а затем с севера вторгся в Месопотамию. Диоклетиан в это время был занят подавлением восстания узурпатора Ахиллея (на своих монетах он назван Луцием Домицием Домицианом) в Александрии и поэтому был вынужден послать против персов своего соправителя Гале-

¹ В источниках нет единого мнения о ее причинах: Флавий Вописк говорит о смертельной болезни Кара (SHA. XXX. 8. 2), Евтропий — о гибели императора от удара молнии (Eutrop. IX. 18), Моисей Хоренский — о смертельном ранении, полученном во время боя (MX. II. 79).

рия. Тот выбрал прямой путь из Сирии в Месопотамию, совершив, таким образом, ту же ошибку, что и Красс за три с половиной столетия до этого. Три сражения закончились ничем, но в четвертом римская армия была наголову разбита под Никифорием.

По возвращении в Константинополь Галерий был крайне холодно встречен Диоклетианом и на виду у всех следовал пешком в своих пурпурных одеяниях несколько миль за носилками императора. Может быть, именно это заставило Галерия с удвоенной энергией взяться за подготовку нового похода против персов. Он набрал новые легионы на Дунае и в Иллирии и, пройдя через Армению, вторгся в Месопотамию во главе 25-тысячной римской армии, объединившейся с армянским войском под руководством спарапета Артавазда Мамиконяна. В ходе битвы, состоявшейся в местности Басен, персам было нанесено сокрушительное поражение, и римляне преследовали их до самого Ктесифона, причем в плен попали жены и дети самого Нарсе.

В результате в 298 г. был подписан римско-персидский мирный договор, определивший геополитическую ситуацию и расстановку сил в Передней Азии более чем на шесть десятилетий. Содержавшийся в нем ряд важных положений фиксировал римское преобладание в регионе. Прежде всего, под контроль Рима переходили территории, некогда завоеванные более удачливыми предшественниками Нарсе, а именно — пять областей в верхнем течении Тигра: Арзана, Моксозна, Забдигена, Регимена и Кордуэна. Кроме того, была четко определена граница между Арменией и Римской империей, с одной стороны, и Ар-

мением и Персией — с другой, что устраняло, по крайней мере, формальный повод к возможным территориальным претензиям со стороны Сасанидов к Римской империи и ее главному союзнику в Азии. Центром римско-персидской торговли в договоре был определен крупнейший римский город Нисибис в приграничном с Персией районе, что ставило под контроль римлян значительную часть персидского внешнего товарооборота. Наконец, Нарсе был вынужден признать протекторат Рима над Иберией.

Таким образом, к началу IV в. обозначилось военно-политическое превосходство Римской империи над сасанидским Ираном в Передней Азии, что на ближайшие десятилетия стало определяющим фактором в развитии международных отношений в данном регионе.

§ 2. СМЕНА ЛИДЕРА (298—387 гг.)

Период, последовавший за подписанием римско-иранского договора 298 г., был временем острых внутривнутриполитических конфликтов в Персидском царстве. После смерти в 302 г. Нарсе на престол вступил его сын Ормизд II (302—309), чье правление было ознаменовано смутами и борьбой за власть; тем не менее какое-то подобие порядка в этот период все же сохранялось. Однако после его смерти в Иране воцарился настоящий хаос: старший сын Ормизда — Аданарес — был убит, другой — ослеплен, а третий, носивший то же имя, что и отец, сначала был пленен своими противниками, а затем, сбежав из плена, прибыл ко дво-

Шаханшах Ормизд II. Реконструкция Е. О. Русаковой
(выполнено по изданию: *Nicolle D. Sassanian Armies*.
Stockport, 1996)

ру римского императора. В конце концов, под давлением одной из аристократических группировок на престол был возведен младший сын Ормизда II, грудной младенец Шапур II (309—379).

Примерно в те же годы в империи происходили похожие события: шла ожесточенная борьба за власть между преемниками Диоклетиана и его соправителями, длившаяся с 306 по 324 г. и завершившаяся победой сына Констанция Хлора — Константина Великого (306—337).

О римско-иранских отношениях в начале IV в. известно очень немного. Это объясняется тем, что между двумя державами в данный период времени не происходило серьезных военных конфликтов, и их контакты носили в основном мирный характер, так как все эти годы действовал сорокалетний Нисибисский мирный договор. По этой причине в источниках, обычно отмечавших, прежде всего, такие события внешней истории, как войны, походы, набеги и т. п., о взаимоотношениях Римской империи и сасанидского Ирана почти ничего не сообщается. Кроме того, и в Риме, и в Иране первые десятилетия IV в. прошли в борьбе за власть между различными претендентами на трон, а также за укрепление победителями своих позиций после прихода к власти; вполне естественно, что именно эти события в первую очередь интересовали авторов дошедших до нас письменных источников.

Однако важные для последующих отношений между Римской империей и сасанидским Ираном события происходили в это время в Закавказье. Временное ослабление Персии и отсутствие у нее ресурсов для активного вмешательства в дела Армении стали причиной того, что Тиридат III начинает все больше ориентироваться на запад, более того, в самом начале IV в. он провозглашает христианство государственной религией Армении. Сам по себе этот факт, казалось

бы, не мог оказать серьезного влияния на соседей Армении — Рим и Персию. Но через некоторое время христианство становится официальной религией и в империи (начало этому положил знаменитый Медиоланский эдикт императоров Константина и Лициния, изданный в 313 г.), что должно было означать явное сближение Армении, имевшей важнейшее стратегическое положение в регионе, с Римом. Упорное и вполне понятное нежелание Шапура II терять контроль над ситуацией в жизненно важном для Персии районе Передней Азии на фоне укрепления здесь римских позиций создавало взрывоопасную ситуацию, грозившую в конечном счете вылиться в полномасштабную римско-персидскую войну.

Предвестником будущих событий послужили военные столкновения между римскими и персидскими войсками, которые начались уже в 20-х гг. IV в., т. е. еще до истечения сорокалетнего мира, заключенного в 298 г. Армения заняла в них откровенно враждебную Персии позицию. Как сообщает Моисей Хоренский, незадолго до Никейского собора (предположительно, в 323 или, скорее всего, в 324 г., так как Моисей, говоря о римско-персидском конфликте, тут же упоминает и о пленении Константином Великим Лициния, произошедшем, как известно, в 324 г.) большое римское войско вторглось в Северную Месопотамию. Воспользовавшись этим обстоятельством, Тигридат III в течение целого года не прекращал набегов на приграничные с Арменией владения Сасанидов и остановился только после того, как Константин по просьбе Шапура II согласился на прекращение боевых действий.

Примерно тогда же между Константином Великим и Тиридатом III был заключен договор о военном союзе и помощи Армении со стороны Римской империи в случае персидской агрессии. Из самого факта подписания подобного соглашения можно сделать вывод о наличии серьезной угрозы Армянскому царству со стороны сасанидского Ирана, к этому времени уже окрепшего после перенесенных смут и внутренних войн. В то же время заключение римско-армянского военного союза, направленного против Персии, усиливало позиции Рима в Закавказье и Верхней Месопотамии, причем явно в ущерб интересам Сасанидов. Таким образом, события первой четверти IV в., происходившие в Передней Азии, подрывали и без того шаткое положение Персии в данном регионе.

Судя по всему, у Шапура II пока не было возможностей предпринять какие-либо адекватные меры в отношении своих противников, и до некоторых пор он был вынужден действовать против Рима не прямо, а косвенным путем, время от времени вмешиваясь в дела главного римского союзника на Востоке — Армении — и поддерживая здесь антиримски настроенные силы. Причину подобной пассивности политики Шапура в отношении Рима следует искать не только в относительной слабости сасанидского Ирана, занятого в первые десятилетия IV в. восстановлением своего могущества и авторитета, но и в силе Римской империи, объединившейся под властью Константина Великого и вновь сделавшейся за годы его правления действительно одной из самых мощных и великих держав во всем Средиземноморье и на Ближнем Востоке. Кроме того, военные успехи Константина в борьбе

с вторжениями варварских народов и своими внутренними противниками обеспечили ему славу непобедимого полководца, способного уничтожить любого, кто попытается выступить против него с оружием в руках. В результате персы не спешили нарушать установившегося в 298 г. мира, оттягивая начало военных действий на неопределенный срок.

В 338 г. истекал срок действия сорокалетнего Нисибисского мирного договора, и по мере приближения этой даты обе стороны предпринимали все более активные меры по подготовке к будущему конфликту. В начале 330-х гг. император Константин Великий направил Шапуру II письмо, в котором настоятельно рекомендовал ему уважать права и интересы христиан, являющихся подданными «царя царей», ставя в пример свой опыт взаимоотношений с церковью. Отправляя подобное послание, Константин не мог не предвидеть реакции Шапура на предложения, содержащиеся в письме. Это заставляет предположить, что послание Константина было своего рода пробным камнем, с помощью которого император в преддверии начала войны с Персией попытался спровоцировать ответные действия персидской стороны и проследить за их характером.

Если это предположение верно, то своей цели Константин добился. В ответ на письмо императора Шапур II направил в Константинополь посольство с требованием расширения границ Персидской державы за счет римских владений. Скорее всего, речь шла о возвращении персам областей, уступленных ими в 298 г. Константин наотрез отказался выполнить требования персидских послов и, в свою очередь, демон-

стративно начал военные приготовления². Трудно сказать, чем могла закончиться вся эта ситуация, но случилось непредвиденное: в разгар подготовки к войне Константин Великий внезапно умирает, находясь в местечке Ахирона близ Никомедии.

О ходе боевых действий в 330—350-е гг. известно относительно немного. Ясно лишь, что основные события разворачивались, как и прежде, в Верхней Месопотамии и были связаны с обороной и осадой армиями противоборствующих сторон вражеских крепостей.

Для персов наиболее важная задача в этот период — захват самого значительного римского опорного пункта в Междуречье — Нисибиса. С этой целью они предпринимали неоднократные попытки овладеть городом (осады имели место в 338, 346 и 350 гг.), но ни одна из них не увенчалась успехом, что было для персов серьезной неудачей. Своеобразной компенса-

² Историческая традиция сохранила еще один вариант развития событий, ставших поводом к началу римско-персидской войны в конце правления Константина Великого. В хронике Георгия Кедрина, византийского автора (возможно, монаха) конца XI—начала XII в., есть рассказ о некоем Метродоре, который под видом философа приехал в Индию, где получил от индийского царя множество драгоценностей в качестве подарка для Константина Великого; прибыв ко двору императора и передав ему дары, Метродор посетовал на то, что еще более ценные подарки были посланы им вперед, но их захватил персидский царь, что и подтолкнуло Константина к началу войны. О Метродоре также упоминает в своем сочинении и Аммиан Марцеллин (Amm. Marc. XXIV. 4. 23).

цией явился захват в 348 г. (или 344) другой важной римской крепости — Сингары. Ее взятию предшествовало крупное сражение, иногда называемое в источниках «ночным», поскольку битва затянулась и закончилась лишь поздно ночью. Она развивалась с переменным успехом; на первом этапе удача сопутствовала римскому войску, сумевшему обратить персов в бегство и захватить их лагерь. Однако здесь римляне проявили себя не с лучшей стороны, они приступили к грабежу вражеского лагеря, совершенно не позаботившись о соблюдении необходимых мер предосторожности. Тем временем Шапур II смог остановить отступление своей армии, подготовить и организовать контратаку. В результате битва закончилась разгромом римлян, взятием и разорением Сингары с последующим беспрепятственным уходом войск Шапура II за Евфрат.

В середине и второй половине 350-х гг. Шапур II не предпринимал каких-либо активных крупномасштабных военных акций в отношении Римской империи. В это время все усилия царя были сосредоточены на организации обороны северо-восточных границ своего государства. Шапур, как пишет Аммиан Марцеллин, «был занят войной с соседями и отгонял от своих границ дикие народы, которые в своем изменчивом настроении часто наступают на него, а иной раз, когда он идет на нас войной, оказывают ему помощь» (Амм. Марс. XIV. 3. 1). Противниками персов были хиониты и кушаны. Римский император Констанций II (337—361) в свою очередь также не имел возможности организовать в отношении Персии боевые действия, которые могли бы спровоцировать от-

ветные действия со стороны Шапура — он был поглощен борьбой с внутренними (узурпаторами Магненцием и Сильваном) и внешними (сарацинами, алеманнами, франками, сарматами и квадами) врагами империи.

Хотя сложная ситуация на востоке не позволяла Шапуру II вести против Рима полноценную войну, персы, тем не менее, в течение 350-х гг. систематически тревожили римские пограничные гарнизоны в Месопотамии, держа их в постоянном напряжении. Кроме действий, направленных непосредственно против Рима, Шапур организовывал нападения и на союзную Риму Армению. В целом антиримские действия персов были весьма успешны, чему в немалой степени способствовали сами римляне: их военачальники вместо организации обороны своих границ были заняты грабежом местного населения.

Следует отметить, что инициатором всех приграничных конфликтов выступала персидская сторона; римляне же были вынуждены обороняться, не имея возможности перегруппировать свои силы и организовать ответные или, тем более, превентивные действия, а все их попытки достичь компромисса были безрезультатны.

Тем временем у персов полным ходом шла подготовка к большой войне. Шапур II усилил войско отрядами своих недавних противников на востоке — хионитов и ряда других народов — и готовился к нападению на империю с наступлением весны. Еще более усугубляли положение римской стороны отстранение от командования восточными армиями и отзыв в Сирмий магистра конницы Урсицина — одного из

наиболее способных римских военачальников на востоке. Кроме того, большую помощь персам оказал римский перебежчик Антонин, бывший протектор (член императорской гвардии), а на тот момент времени — купец, бежавший в Персию со всей семьей из-за огромных долгов. Антонин предоставил персам полную и точную информацию о расположении и численности римских воинских частей, а также предложил свой план ведения войны, заключавшийся в стремительном продвижении в глубь римской территории, невзирая на то что не взятые римские крепости должны были остаться в тылу персов (как здесь не вспомнить *Алкивиада...*). Шапур II план одобрил.

Весной 359 г. передовые персидские части вторглись в римские владения и стали опустошать приграничные районы империи. Для выяснения ситуации и уточнения численности армии Шапура II римское командование приняло решение отправить на разведку Аммиана Марцеллина, тогда еще молодого протектора, позднее написавшего сочинение под названием «Деяния» (в русском переводе — «Римская история») — наш главный источник по истории римско-персидских отношений в середине и второй половине IV в. Используя свое знакомство с сатрапом Кордуэны Ювинианом, который втайне был на стороне римлян, будущий историк смог лично наблюдать переправу персидских войск через реку Анзабу (совр. Заб). Получив от Аммиана новые сведения, римское военное руководство организовало эвакуацию сельского населения в города и уничтожение посевов зерна. Параллельно с этим осуществлялись мероприятия по укреплению западного берега Евфрата в местах возмож-

ной переправы персидского войска. Примерно в это же время армия Шапура II прошла мимо Нисибиса. Но двинуться дальше ей помешали два обстоятельства: начавшийся в это время разлив Евфрата, преградивший путь персидскому войску, и разоренная Римлянами местность, лежавшая перед ним. В связи с этим персы приняли предложение римского перебежчика Антонина: обогнуть с севера опасный район, что позволило бы, по его мнению, избежать почти 150-километрового перехода по пустыне, и перейти Евфрат через находившиеся выше по течению броды. В результате на пути персов оказалась римская крепость Амида.

Первоначально царь не планировал брать эту мощную крепость, тем более что ее укрепления не так давно были дополнительно усилены³, и собирался по совету перебежчика Антонина вторгнуться в глубь римских владений, оставив Амиду в своем тылу. Тем не менее непредвиденные обстоятельства в корне изменили ситуацию. Шапур лично приблизился к стенам Амиды для ведения переговоров о добровольной сдаче крепости, но, будучи узанным римскими воинами, подвергся обстрелу. Одно из пущенных в него копий задело царские одежды, и, разгневавшись, Шапур решил было осадить крепость, однако по многочисленным просьбам своих приближенных он согласился дать защитникам Амиды еще один шанс и предложил сдать город добровольно.

³ См.: Sellwood, 1986. Vol. 1. Fasc. 9. P. 938; Mango, 1991. Vol. 1. P. 77.

К Амиде вновь были посланы парламентареры с целью ведения переговоров, однако во время этой процедуры случилось еще одно трагическое и на этот раз роковое происшествие: один из римлян метким выстрелом из баллисты нанес смертельную рану сыну царя хионитов Грумбата — главного союзника Шапура в походе 359 г. Это окончательно решило участь Амиды: она была обречена стать жертвой «манам» убитого хионитского царевича.

Осада Амиды персами и их союзниками в лице хионитов, сегестанцев и албанов длилась 73 дня. Положение римлян усугублялось отсутствием поддержки извне, поскольку римский полководец Сабиниан, невзирая на доводы и уговоры опытных советников, не желал отправлять войска на помощь осажденным. Кроме того, в самой Амиде скопилось огромное количество людей, съехавшихся сюда на ежемесячную ярмарку незадолго до подхода персов. Жара и большое число умерших привели к вспышке инфекционных болезней.

В конце концов в результате многочисленных приступов, непрерывного обстрела и разрушения крепостных укреплений персы ворвались в Амиду и учинили кровавую расправу над ее жителями; как пишет Аммиан Марцеллин, они «избивали как скотину всех вооруженных и безоружных без различия пола» (Amm. Marc. XIX. 8. 4).

Взятых в плен руководителя обороны Элиана и трибунов персы распяли на крестах, оставшихся в живых офицеров увели в плен, всех пойманных в Амиде и близ нее римлян безжалостно убили. По данным Аммиана Марцеллина (скорее всего, несколько

преувеличенным), персы потеряли под Амидой около 30 тысяч человек (Amm. Marc. XIX. 9. 9). Вероятно, именно этим во многом объясняется их жестокость, проявленная в отношении жителей крепости и плененных римлян.

Амиду взяли в конце сентября, и Шапур был вынужден возвращаться в Персию в связи с приближением осенней распутицы. Таким образом, героическая оборона Амиды, длившаяся два с половиной месяца, спасла восточные римские провинции от опустошительного персидского нашествия.

Однако стратегическая инициатива по-прежнему находилась в руках персов, и новое вторжение было лишь вопросом времени. Весной следующего, 360 г. армия Шапура вновь вторглась в римские владения. На этот раз первой римской крепостью на пути персов была Сингара. После отказа, полученного в ответ на традиционное предложение о сдаче, персидское войско приступило к ее осаде, длившейся несколько дней. В итоге город был взят штурмом, а его гарнизон частично уничтожен. Большую же часть находившихся в Сингаре римлян персы взяли в плен и вывезли в глубинные районы Персии, продолжая тем самым издревле существовавшую на Ближнем и Среднем Востоке практику переселения жителей захваченных городов.

В это время основное римское войско стояло под Нисибисом (примерно в 100 км от Сингары) и не оказало помощи Сингаре, что было объяснено невозможностью перехода большой армии по безводной пустыне, лежащей между Нисибисом и Сингарой. Однако этот довод вряд ли является убедительным, по-

сколько расстояние в 100 км римская армия могла бы преодолеть за два дня без какого-либо риска даже в условиях пустыни; так, Вегеций отмечал, что римское войско за пять часов даже размеренным шагом способно пройти 20 миль, т. е. почти 30 км (Veget. *ERM.* I. 9).

После взятия Сингары Шапур, как и год назад, миновал Нисибис, опасаясь столкновения с находившимися там главными силами римлян и мощной крепостью, и подошел к Безабде — укреплению на правом берегу Тигра. Гарнизон Безабды состоял из трех легионов и отряда стрелков, набранных из местных жителей. После отказа от добровольной сдачи персы осадили крепость, и через несколько дней ее постигла участь Сингары: ворвавшись в город, они учинили жестокую резню; кроме того, было захвачено и большое количество пленных. Поврежденные укрепления Безабды отремонтировали, а в самой крепости был оставлен гарнизон из отборных персидских воинов.

В оставшийся до наступления осени срок Шапур II намеревался захватить еще одну значительную крепость — Вирту, но времени было слишком мало. Понеся потери, он ушел обратно в Персию — готовиться к новому походу.

К весне 361 г. персидские войска вновь были готовы к вторжению на территорию Римской империи. Шапур сосредоточил свои силы на одном направлении и готовился к форсированию Тигра, однако по неясным причинам медлил с началом кампании. На этот раз император Констанций II сумел организовать оборону своих границ и вышел навстречу персам, но он не знал, в каком месте Шапур намерен перейти

Евфрат, и тоже выжидал. Возможно, именно потому, что римляне на этот раз были готовы к встрече с ним, Шапур не отважился перейти границу и вернулся в свои владения.

Вскоре после этого в империи произошли важные события, ставшие переломными как для Рима, так и для Персии. 5 октября 361 г. умирает Констанций II, и на престол вступает император Юлиан (361—363).

В отличие от своего предшественника, новый император действовал более решительно. Сразу после прихода к власти Юлиан активно готовится к походу против Персии. Весной 363 г. римские боевые части, стоявшие на востоке, получили приказ о начале боевых действий. В соответствии с полученными указаниями они сосредоточились в различных пунктах, ожидая подхода главных сил во главе с Юлианом, который выступил из Антиохии 5 марта 363 г. и в скором времени, соединившись с остальными частями, перешел Евфрат. 27 марта Юлиан был уже в Каллинике. Персидский поход императора Юлиана начался.

Выйдя из Каллиника, армия Юлиана двинулась на юг, вдоль левого берега Евфрата; по пути следования император принял посольство местных арабских вождей, предоставивших ему отряды для выполнения вспомогательных функций. Одновременно прибыл и римский флот, состоявший из 1000 грузовых и 50 военных судов, а также 50 кораблей, приспособленных для наведения переправ, — всего 1100 единиц.

Теперь уже в сопровождении флота Юлиан продолжил движение вдоль Евфрата, пройдя Керкусий, Зайту и Дару. В начале апреля армия римлян пере-

правилась через реку Абору (совр. Хабур), левый приток Евфрата, после чего наведенные мосты по приказу Юлиана сожгли, дабы никто из римлян не помышлял о возвращении назад. Дальше начинались персидские владения, и войска, приняв боевой порядок, стали продвигаться вперед более осторожно. Колонна римлян растянулась на 10 миль, т. е. почти на 15 км; такого огромного войска против Персии Рим не посылал никогда. Флот следовал по реке параллельно армии.

В середине апреля римляне встретили первую вражескую крепость — Анафу, стоявшую на острове посреди Евфрата. Ее гарнизон, поддавшись на уговоры и обещания находившегося в римской армии сасанидского царевича Ормизда, согласился добровольно сдаться. Командиру гарнизона — персу по имени Пузей — было присвоено звание трибуна; население Анафы вывезли в Сирию, а сам город сожгли. После этого армия Юлиана продолжила движение вперед, уничтожая все на своем пути.

Следующими персидскими крепостями на пути Юлиана были Тилута и Ахайяхала. Обе они, подобно Анафе, находились на скалистых островах посреди Евфрата, но, в отличие от Анафы, их защитники не пожелали сдаться немедленно, а заявили, что если римляне, продвигаясь вперед, займут внутренние области Персидского царства, то тогда и они перейдут на сторону победителя. Юлиан, не желая нести напрасные потери, двинулся дальше, пройдя местность под названием Бараксмальха и город Диакиру. Еще через несколько дней произошла первая стычка меж-

ду войсками Юлиана и персидско-арабским отрядом, в результате которой противники римлян отступили.

Вскоре римляне подошли к мощной персидской крепости Пирисаборе. После нескольких дней осады ее гарнизон, в руках которого осталась лишь цитадель, решил начать переговоры о сдаче крепости; в итоге две с половиной тысячи персов во главе с начальником гарнизона Мамерсидом, получив гарантии личной безопасности, сдались, а сама Пирисабора после разграбления была сожжена. Все это время персы непрерывно беспокоили римское войско внезапными нападениями и обстрелами, зачастую заставляя римлян врасплох. Юлиан однажды был вынужден даже применить децимацию, дабы таким путем заставить своих воинов быть более бдительными и осторожными.

Следующим значительным укрепленным пунктом на пути римских войск была Майозамальха. Город был взят в осаду, но ни один из многочисленных штурмов не увенчался успехом. В итоге решили сделать подкоп и через него проникнуть внутрь крепости. Этот план удался, и Майозамальха была взята.

Участник этих событий Аммиан Марцеллин с нескрываемой гордостью и удовлетворением сообщает о жестокости, с которой римляне расправлялись с населением взятой крепости:

Разгневанные победители рубили всех, не различая ни пола, ни возраста; некоторые жители в страхе перед неминуемой гибелью, под угрозой огня с одной стороны и меча — с другой, оплакав свой конец, сами бросались вниз со стен... Так большой и многолюдный город, взятый мощной храбростью римлян, превращен был в прах и развалины. После этого

славного дела мы прошли по непрерывному ряду мостов... (Amm. Marc. XXIV. 4. 25, 30, 31).

Из всего гарнизона при штурме крепости уцелело лишь 80 человек во главе со своим командиром Набдатом; взятым в плен персам была дарована жизнь.

После взятия и уничтожения Майозамальхи римская армия продолжила движение дальше на юг, постоянно подвергаясь неожиданным нападениям персидской кавалерии и неся при этом ощутимые потери. В скором времени римляне уже стояли под стенами Ктесифона. Здесь произошло первое в ходе кампании 363 г. крупное сражение между римской и персидской армиями на открытой местности. Римляне, возглавляемые лично Юлианом, под покровом темноты на нескольких кораблях переправились через Тигр и с боем захватили часть побережья, куда затем высадилось остальное войско. Персы не оказали серьезного сопротивления и после короткого сражения скрылись за стенами Ктесифона, буквально по пятам преследуемые римлянами. Потери персов составили около двух с половиной тысяч человек, римлян — всего 70. Таким образом, под Ктесифоном римляне одержали значительную победу, которая, однако, как показали последующие события, оказалась бесплодной.

В районе Ктесифона римская армия провела несколько дней, восстанавливая силы и пополняя запасы продовольствия. Тем временем на военном совете командование решало вопрос о том, что делать дальше: осадить Ктесифон или же идти во внутренние районы Персии, оставив его в тылу; по инициативе императора выбрали второй вариант, и войско Юлиа-

на двинулось вперед. Однако персы делали все возможное, чтобы не позволить римлянам проникнуть в глубь своей территории, и потому подожгли степь, зерновые посевы и селения в тех местностях, по которым должны были проходить римские войска (к этому следует добавить постоянные нападения персидской кавалерии). В итоге римляне оказались без продовольствия и фуража посреди выжженной страны. На очередном военном совете было принято новое решение: повернуть на север и продвигаться в направлении римской провинции Кордуэны. Поняв, что римляне отказались от своих первоначальных планов и в войне наметился перелом, персы усилили свою активность, и потери среди воинов Юлиана резко увеличились.

Многочисленный персидский отряд встретил римское войско в местности под названием Маранга. Битва закончилась без определенного результата, хотя, вероятно, потери персов были более значительными. После трехдневного перемирия, в котором были заинтересованы обе стороны, римские войска продолжили движение в направлении Кордуэны, а персы, верные своей тактике, непрерывно их тревожили внезапными атаками и засадами. И во время одной из таких атак, произошедшей 26 июня, случилось непредвиденное: Юлиан, поспешив на помощь своим солдатам, не посчитал нужным (или не успел) надеть доспехи, и в короткой стычке один из кавалерийских дротиков поразил его в правый, не защищенный щитом бок. Как выяснилось чуть позже, копье пронзило печень, и рана оказалась смертельной; через несколько часов Юлиан скончался в своей палатке.

На следующий день (27 июня) состоялись выборы нового императора, им стал бывший командир корпуса протекторов Иовиан (363—364). Римляне находились в критической ситуации: они были окружены персидской армией, лишены возможности пополнять запасы продовольствия и деморализованы гибелью Юлиана. В результате персы смогли навязать Иовиану крайне невыгодный для римлян мирный договор, имевший два главных условия: 1) передача Персии пяти римских областей в Верхней Месопотамии (Арзаны, Моксоэны, Забдицены, Регимены, Кордуэны) с находящимися там крепостями, а также городов Нисибиса, Сингары и Лагеря Мавров и 2) отказ Рима от поддержки Армении. Таким образом, империя не только уступила Персии ряд своих территорий, имевших крайне важное стратегическое значение, но и, по сути дела, предала своего самого верного восточного союзника. Договор был подписан на 30 лет и подкреплен знатными заложниками с обеих сторон. После этого отступление изголодавшейся и измотанной непрерывными стычками с неприятелем, но все же сохраненной (хотя и очень дорогой ценой) римской армии превратилось в беспорядочное бегство.

Во исполнение условий договора населению Нисибиса под страхом смерти было приказано в трехдневный срок покинуть город, после чего его заняли персы. По приказу Шапура в Нисибис было переселено 12 тысяч человек из Истахра, Исфахана и других районов Персидской державы. Таким образом, римско-персидская война, длившаяся с 337 г. и нанесшая огромный урон прежде всего городам римского Вос-

тока, закончилась бесславно для Рима и полной победой Персии. Это был колоссальный успех Шапура II, достигнутый ценой не только военных, но и дипломатических усилий.

Безусловно, договор 363 г. не мог положить конец противоборству Римской империи и сасанидского Ирана — слишком многие противоречия еще не были сняты. Эти события знаменовали собой лишь начало нового этапа в борьбе Рима и Персии. Теперь, когда вопрос о Верхней Месопотамии был временно решен, главным яблоком раздора оставалась Армения, традиционно занимавшая проримскую позицию.

Уже через год после подписания Нисибисского договора персы начинают вмешиваться в дела Армении, прилагая все усилия к тому, чтобы подорвать здесь римское влияние. Достаточным основанием для своих действий Шапур считал смерть Иовиана (364) — императора, с которым был заключен договор о мире; это, по мысли царя, освобождало его от необходимости соблюдения условий мирного соглашения. При этом следует отметить, что в отношении непосредственно Рима Шапур вел себя достаточно осторожно и не нарушал каким-либо образом условий мира, подписанного между ним и Иовианом.

В 367 г. антиармянская деятельность Шапура II резко активизируется. Персидские войска начали совершать нападения на приграничные районы Армении, захватывая в плен не только рядовых местных жителей, но также представителей гражданской и военной администрации. Судя по всему, и эти действия не принесли персам желаемого результата, что побу-

дило Шапура пойти на крайние меры. Он приглашает к себе под благовидным предлогом царя Армении Аршака, арестовывает его, ослепляет и заключает в тюрьму Агабану, известную также по другим источникам как Андмиш, Ануш или Аниуш. За всеми этими названиями стоит так называемая «Башня забвения» (Анушбард) в Хузистане. После многочисленных издевательств и мучений Аршака казнили.

Через год после пленения Аршака Шапур сместил с престола сторонника римлян царя Иберии Савромака и водворил на его место своего ставленника Аспакура, причем сын последнего Ультра был взят шаханшахом в заложники.

Стремясь развить свой успех, весной 368 г. Шапур II приказал двум армянам-перебежчикам, Глаку и Айру Мардпету, занимавшим прежде высокие должности при армянском дворе, взять крепость Артогерассу (Артагерс), где после пленения Аршака находились его жена — царица Парандзем, сын и вся царская казна.

В результате всех этих событий Артогерасса после длительной осады была взята войсками Шапура II. Характерно, что персы овладели городом лишь после того, как изможденный длительной осадой гарнизон сам открыл им ворота. Видимо, крепость была настолько мощной, что взять ее штурмом персы были просто не способны; косвенно это подтверждается данными раскопок другой не менее известной армянской твердыни той эпохи — Гарни, которую, по словам обследовавшего ее Б. Н. Аракеляна, «неимоверная мощность сооружений и плотность башен дела-

ли... совершенно неприступной для военной техники того времени»⁴.

После захвата Артогерассы Армения подверглась страшному разорению. Римляне, опасаясь полной утраты своего контроля над Арменией, направили туда крупный отряд во главе с комитом Аринфеем. Между Римом и Персией назревал первый после событий 363 г. кризис, готовый перерасти в новую войну. Однако Шапур, по всей видимости, не желал вступать в открытое столкновение с империей, рассчитывая, как это уже не раз бывало, достичь своих целей дипломатическим путем. Царь направил к римскому императору Валенту (364—378) послов с требованием соблюдать условия договора 363 г., т. е. отказаться от планов по оказанию помощи Армении. Но римское войско уже находилось на территории Иберии, и с одобрения Валента это государство было поделено между Савромаком и Аспакуром. Персы расценили это как основание для обвинений Рима в нарушении мира, запрещавшего оказывать Армении какую-либо помощь; персидские послы были отозваны, и Шапур стал готовиться к войне, стараясь, как обычно, заручиться при этом поддержкой ряда соседних народов.

Боевые действия развернулись весной 371 г. в местности под названием Вагабанта (Багаван). Шапур направил против римской армии объединенное войско, состоявшее из персов и их союзников (в первую очередь албанов во главе с царем Урнайром). Оба войска действовали нерешительно; персы попытались с помощью конницы рассеять римлян, но те выстояли,

⁴ Аракелян, 1951. № 1. С. 267.

и других попыток разгромить римскую армию персы не предпринимали. Войска простояли друг против друга до самой осени, ограничиваясь мелкими стычками; в результате Шапур вернулся в Ктесифон, а римляне ушли в Антиохию.

В ближайшее время открытых враждебных акций, носивших вооруженный характер, ни римляне, ни персы в отношении друг друга не осуществляли, однако вскоре произошли события, оказавшие в перспективе прямое влияние на политику Шапура II в отношении Рима. Сын погибшего в персидском плену армянского царя Аршака Папа вскоре после событий 371 г. вступил в контакт с Шапуром, и тот попытался вовлечь Папу в союз, направленный против Рима. В итоге с целью недопущения возможного армяно-персидского альянса римские власти организовали убийство Папы.

Опасаясь ослабления своих позиций, вскоре после гибели Папы Шапур инициировал переговоры, в которых требовал у Валента отказа от претензий на Армению либо передачи под персидское покровительство всей Иберии, к тому времени поделенной между Римом и Персией. Римское посольство, направленное к Шапуру II, доставило ответ, заключавшийся в отказе выполнить его условия и встречном требовании вывести персидские войска из Иберии. Однако римские послы согласились на предложение Шапура разделить Армению между Римской империей и Персией, причем сделали это, по всей видимости, самовольно, без санкции императора. Когда же посол Шапура прибыл к Валенту для окончательного решения вопроса о разделе Армении, то получил от-

каз и уведомление о начале подготовки римлян к войне, что вызвало недовольство царя и привело к новому обострению отношений Рима и Ирана.

В 378 г. ввиду крайней опасности из-за восстания переселившихся на территорию империи вестготов император Валент был вынужден все же дать согласие на заключение с Шапуrom II соглашения о разделе Армении, официально оформленном позднее, в 387 г., при императоре Феодосии I (379—395) и персидском царе Шапуре III (383—388).

После смерти Шапура II в Иране вновь наступает время политической нестабильности. С 379 по 399 г. здесь сменилось три шаха: брат Шапура II Арташир II (379—383), сын Шапура II Шапур III (383—388) и сын Шапура III Бахрам IV (388—399). В эти годы обострилась борьба между царской властью и светской и духовной знатью Ирана, стремившейся к максимально возможной автономии и получившей (после долгого и самовластного правления Шапура II) возможность вновь открыто заявить о своих претензиях на самостоятельность и независимость от царской администрации и самого царя. В этих условиях у Персии не было возможности активно влиять на международную ситуацию, в том числе — и на западном направлении.

Римская империя тоже переживала не лучшие времена. После разгрома армии Валента под Адрианополем на территорию империи хлынули полчища варваров, и главной задачей Августов стала оборона собственно имперских территорий от вторжений германских и других племен на рейнско-дунайской границе (об осуществлении внешней экспансии в этой

ситуации не могло быть и речи). Единственное важное событие, произошедшее в эти годы в отношениях между двумя державами — это официальное оформление договоренности, достигнутой еще в 378 г. между Валентом и Шапуrom, о разделе Армении. Соглашение было заключено, по всей видимости, в 387 г. после трехлетних переговоров. По этому договору Армянское царство делилось на две сферы влияния — римскую и персидскую, причем окраинные области Армении (около половины ее площади) были прямо включены в состав двух великих держав, а разделу подверглась центральная часть страны (так называемая «Срединная страна»). Под контролем Сасанидов оказалось около 80 % территории Армении.

Первоначально и в римской, и в персидской частях сохранялись местные правящие династии из рода Аршакидов, однако все шло к тому, чтобы ликвидировать последние, пусть даже и чисто формальные, признаки государственной независимости Армянского государства. В результате уже в 391 г. в римской части Армении царская власть была ликвидирована, а земли армянских Аршакидов были поделены между императором, местной знатью (нахарарами) и католикосом. В восточной части Армении, отошедшей к Персии, царская власть просуществовала до 428 г. (или 429), когда последний Аршакид был отстранен от власти, а его владения перешли к Сасанидам и армянским нахарарам. Управление Арменией осуществлялось сасанидской администрацией во главе с наместником — марзпаном (на первом этапе — из числа армянской знати).

После раздела 387 г. территориальная целостность Армении так и не была восстановлена; как известно, и в настоящее время значительные некогда армянские территории принадлежат ряду государств и находятся за пределами Республики Армении.

ГЛАВА 2

ДЕРЖАВА САСАНИДОВ И ВОСТОЧНАЯ РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ В КОНЦЕ IV—КОНЦЕ VI В.

§ 1. Враги-союзники (387—540 гг.)

Для того чтобы понять отношения между двумя этими державами в ходе дальнейших событий, необходимо хотя бы коротко рассмотреть процессы, происходившие внутри персидского общества и подчас не имевшие, казалось бы, прямого отношения к дипломатии и военно-политическому противостоянию Рима и Ирана. Дело в том, что в первые два десятилетия V в. борьба между царской властью и знатью в сасанидском Иране приобрела крайне острый характер. Вступивший в 399 г. на престол шаханшах Ездегерд I (399—420), не имея возможности обуздать иранские знатные роды традиционными средствами, был вынужден искать себе новых союзников. Ими стали христиане, подвергавшиеся жестоким преследованиям буквально пару десятилетий назад, в правле-

ние деда Ездегерда — Шапура II. Христианскому населению Персии был предоставлен ряд привилегий (иногда даже в ущерб зороастрийской религии). Этот поворот во внутренней политике неизбежно вел и к изменениям в отношениях между Ираном и оплотом христиан всего тогдашнего мира — Римской империей. Резкое смягчение отношения Сасанидского государства к христианству и его последователям не могло не вызвать некоторого потепления в отношениях между двумя недавними противниками. Наиболее ярким внешним проявлением наступившей «разрядки» стало объявление царя Ездегерда опекуном малолетнего наследника императора Аркадия (395—408) — Феодосия II (408—450), причем сделано это было по инициативе самого Аркадия, опасавшегося за судьбу своего сына. Как отмечает Прокопий Кесарийский, Ездегерд сразу после смерти Аркадия «отправил послание к римскому сенату, в котором не отказывался быть опекуном басилевса Феодосия и угрожал войной всякому, кто попытается устроить против него заговор» (Proc. *Bell. Pers.* I. 2. 10). Годы правления Ездегерда (прозванного в Иране «Грешником» за более чем терпимое отношение к христианам) были одним из тех редких периодов в истории Рима (Византии) и Персии, когда обе стороны воздерживались от каких-либо враждебных акций и проводили миролюбивую политику в отношении друг друга.

Однако в 420 г. Ездегерд таинственно исчез во время посещения вместе со своими приближенными Гургана (Гиркании). По преданию, навстречу царю из источника выскочил прекрасный жеребец, который никого к себе не подпускал. Когда к нему подошел

Ездегерд, конь ударил его копытом в грудь, от чего царь тут же умер. По всей видимости, эта легенда была создана сопровождавшими шаха представителями знати с целью сокрытия совершенного в отдаленной глухой провинции убийства царя.

Со смертью Ездегерда рухнула вся система добрососедских отношений с Византией, выстраивавшаяся им во время пребывания на троне. Пришедшая при Бахrame V Гуре (421—439) к власти группировка высшей знати во главе с Михр-Нарсе — одним из представителей аристократического рода Спендиат — проводила совсем другую и внутреннюю, и внешнюю политику. Христиане вновь стали подвергаться преследованиям, а христианская церковь Ирана, в годы правления Ездегерда вошедшая в состав византийской церковной организации, была вынуждена заявить об отделении персидских христиан от христиан Византии. Естественным итогом такого политического курса стало резкое обострение отношений с империей, вылившееся в 422 г. в персидско-византийскую войну.

Подробностей этой военной кампании мы не знаем. Однако из кратковременности конфликта и содержания мирного договора можно заключить, что события развивались не в пользу Персии. Согласно условиям мира 422 г., обе стороны брали на себя обязательство проводить терпимую религиозную политику. В Персии христианам гарантировалась свобода вероисповедания и отправления религиозного культа, а в Византии аналогичные права предоставлялись приверженцам зороастризма. По сути дела, для империи никаких реальных обязательств этот договор за собой

не влек, так как зороастрийцы на ее территории практически не проживали, в то время как в державе Сасанидов христианство было одной из самых многочисленных конфессий (второй после зороастризма). Кроме того, Персия обязалась осуществлять охрану Кавказских ворот (совр. Дарьяльское ущелье) — горного прохода, через который кочевники с территории Северного Кавказа вторгались во владения обоих государств. И хотя за это Константинополь был должен выплачивать Сасанидам определенную денежную сумму, тем не менее, данный договор был большим успехом византийской дипломатии, сумевшей на длительный срок решить сложную внешнеполитическую проблему руками своих противников — персов.

В последующие годы серьезных столкновений между Византией и Ираном не происходило. Империю устранивало положение, закрепленное договором 422 г., а Сасаниды были заняты начавшейся вскоре борьбой с эфталитами — кочевниками, вторгшимися на территорию Персии из Средней Азии. Только преемник Бахрама Ездегерд II (439—457) вновь обратил пристальное внимание на запад.

Сразу после прихода к власти Ездегерд начинает подготовку к войне с Византией. Боевые действия развернулись в 441 г. Византийским войском командовал полководец Флавий Анатолий. События складывались в пользу империи, и персы были вынуждены пойти на переговоры о мире, который был заключен в следующем году. По словам Прокопия Кесарийского, царь «согласился на такие мирные условия, каких хотел Анатолий» (*Proc. Bell. Pers.* I. 2. 15). Согласно договору, обе стороны должны были воздер-

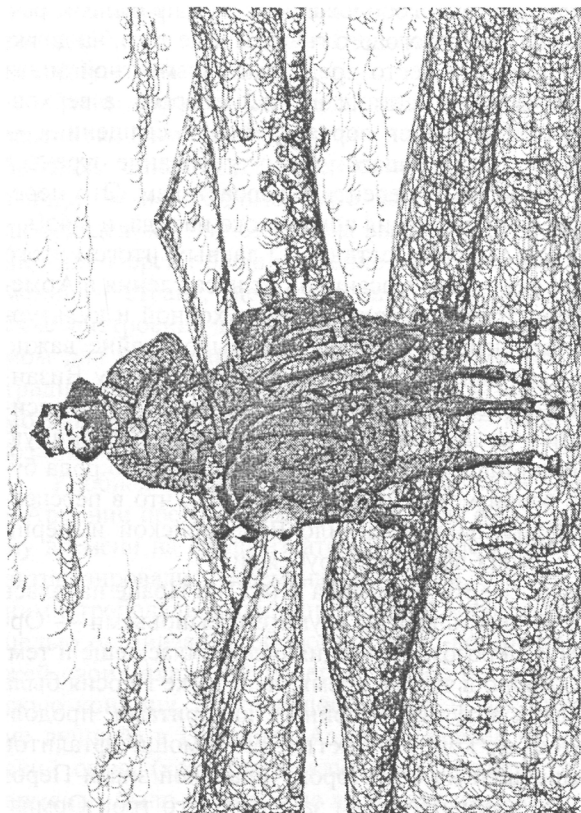
живаться от строительства новых крепостей вдоль византийско-персидской границы. Это положение должно было закрепить преобладание империи, обозначившееся в 422 г., и сохранить в Передней Азии ситуацию, выгодную Византии.

Таким образом, направленные прямо против Византийской империи действия персов не увенчались победой, однако для укрепления своих позиций на западе им необходимо было добиться здесь успеха любой ценой. Единственным выходом из этой ситуации для Персии было усиление своего влияния в Армении — стране, где всегда ощущались антиперсидские настроения и которая была удобным плацдармом для нападения на Византию. Кроме того, Иран традиционно компенсировал неудачи в борьбе с Римом агрессией в отношении Армении — главного союзника империи на востоке.

Удобная возможность для ужесточения политики в Армении представилась уже в начале 440-х гг. К этому времени на среднеазиатской границе Персии вновь активизировались племена эфталитов, для борьбы с ними требовались дополнительные военные силы. С целью организации обороны северо-восточных рубежей своих владений Ездегерд II мобилизовал армянскую конницу, считавшуюся одной из лучших (если не лучшей) в Передней Азии, и перевел ее в Мервский оазис (хотя при заключении договора в 387 г. армянам было обещано не выводить из страны их воинские контингенты), где она находилась в течение семи лет (с 442 по 449 г.). В результате Армения оказалась беззащитной перед Сасанидами.

Вскоре в Армении была проведена перепись населения, в ходе которой были учтены все жители, подлежащие налогообложению. Это привело к резкому усилению налогового гнета. Кроме того, на должность марзпана вместо представителя местной знати был поставлен наместник из числа персов, а верховным судьей назначен зороастрийский священник — мобед. Следующим шагом было требование отречься от христианства и перейти в зороастризм. Это переполнило чашу терпения армянского народа, и в 450—451 гг. вспыхнуло восстание. Главным итогом этого события стал отказ Сасанидов от насаждения в Армении зороастризма и сохранение духовной и культурной независимости страны, что было крайне важно для дальнейшего развития отношений между Византией и Персией. Армения избежала культурной ассимиляции и не превратилась в рядовую периферийную часть сасанидского Ирана, оставшись своего рода буферной зоной между двумя державами, что в перспективе значительно облегчило Византийской империи оборону своих восточных рубежей.

После смерти Ездегерда II (457) в Иране началась борьба за власть между двумя его сыновьями — Ормиздом и Перозом. Ситуация осложнялась еще и тем, что примерно в это же время на востоке Персия была вынуждена вступить в войну с кидаритами, продолжавшуюся до конца 460-х гг. При помощи эфталитов и перешедшей на его сторону иранской знати Пероз нанес поражение войскам захватившего трон Ормизда III (457—459) и стал царем (459—484). Однако эфталиты оказались крайне ненадежными союзниками нового царя. Вскоре во главе с Ахшунваром они вторг-

Сасанидский принц. Реконструкция Е. О. Русаковой
(выполнено по изданию: *Nicolle D. Sassanian Armies*. Stockport, 1996)

лись на территорию Хорасана и нанесли войскам Пероза сокрушительное поражение; сам шаханшах попал в плен и был вынужден заплатить за себя огромный выкуп, а до полной его выплаты царевич Кавад (сын Пероза) оставался у эфталитов в качестве заложника. В дополнение к этому персы уступили эфталитам значительную территорию по левому берегу Амударьи.

Через некоторое время Пероз организовал ответный поход против эфталитов с целью взять реванш за недавнее поражение. Однако вторая кампания закончилась еще более трагично: эфталиты заманили персидское войско в заранее подготовленную ловушку, и оно было уничтожено, причем погиб и сам Пероз. Персия была вынуждена выплачивать эфталитам дань, величина которой, судя по всему, была очень значительна; один из персидских военачальников заявил, что «такое большое и свободное государство отдал он [Пероз. — *В. Д.*] в рабство эфталитам, и из этого жестокого рабства Иранское государство, сколько оно будет существовать, никогда не сможет освободиться». О больших размерах дани говорит и тот факт, что даже после гибели Пероза его сын Кавад (488—531) был вынужден изыскивать средства для выплаты эфталитам необходимой суммы.

Для решения возникшей проблемы Кавад обратился за финансовой помощью к Византии, с которой после договора 442 г. у Персии были в целом добрососедские отношения. Однако именно эта просьба Кавада положила конец мирному сосуществованию двух держав. Император Анастасий (491—518) после обсуждения создавшегося положения со своими при-

ближенными ответил Каваду отказом, справедливо полагая, что империи выгоднее не помогать персам в борьбе с эфталитами, а наблюдать за тем, как противники ослабляют друг друга. Отказ Анастасия Кавад воспринял как личное оскорбление и начал готовиться к новой войне с Византией.

Весной 502 г. Кавад, заключив союз с эфталитами, вторгся из Персоармении в армянские владения Византии. Персидская армия действовала весьма успешно: ею был захвачен крупный приграничный город Феодосиополь и разорена прилегающая к нему обширная территория. Затем, уже осенью, армия Кавада подошла к Амиде. В городе в этот момент не было гарнизона, и все тяготы обороны легли на плечи самих горожан.

Сначала персы попытались разрушить стены Амиды при помощи таранов, но защитники укреплений умело нейтрализовали действие осадных машин с помощью разного рода хитроумных приспособлений. Поняв, что сделать пролом в стене не удастся, Кавад изменил тактику действий: он приказал соорудить напротив одного из участков городской стены искусственную земляную насыпь, которая должна была превосходить по высоте укрепления Амиды, что позволило бы персам успешно поражать амидян, защищавших стены. Однако планам царя вновь не суждено было сбыться: под насыпь с территории города был прорыт подземный ход, через него незаметно удалили большое количество земли из-под возводимой персами насыпи. В итоге, когда воины Кавада взойшли на внешне совершенно обыкновенный холм, он прова-

лился под тяжестью большого количества людей, похоронив под собой множество осаждавших крепость.

Царь оказался в сложном положении; идти дальше, в глубь византийских владений, оставив в тылу такую мощную крепость, как Амида, было слишком рискованно, в то же время надвигалась зима, и войско должно было возвращаться на родину. Нужно было срочно принимать какое-то решение. И в это время судьба преподнесла Каваду неожиданный подарок. Один из воинов совершенно случайно заметил старый, плохо замаскированный подземный ход, который, как выяснилось в ходе разведки, вел внутрь города. Ночью по этому ходу персы скрытно проникли в Амиду и быстро овладели одной из крепостных башен. По их сигналу осаждавшие крепость бросились на штурм. Завязалась ожесточенная схватка, исход ее долго был неясен, но амидяне сумели мобилизовать свои силы, и постепенно наметился перевес в их пользу. Однако в самый критический момент боя Кавад лично бросился к стенам крепости и стал поражать мечом тех из своих воинов, которые в поиске спасения пытались спуститься со стен по осадным лестницам. Движимые страхом, персы с удвоенной энергией ринулись в атаку и, наконец, на восьмидесятый день осады овладели городом. В Амиде началась жестокая резня. Спасти положение попытался старик-священник, обратившийся к царю с просьбой прекратить избиение горожан. Охваченный гневом, Кавад воскликнул: «Почему вы решили воевать со мной?!» Умудренный старец, явно подыгрывая самолюбию царя, ответил: «Божья воля была передать тебе Амиду не по нашему решению, а в силу твоей доблести».

Эти слова понравились Каваду, и он отдал приказ о прекращении убийства жителей Амиды, разрешив, однако, солдатам разграбить город и обратить всех оставшихся в живых в рабство. Оставив в крепости тысячный гарнизон, шаханшах с остальным войском вернулся в Персию. Так, спустя почти полтора столетия (как и в 359 г., во время вторжения Шапура II) жители Амиды ценой собственных жизней вновь спасли восточные провинции империи от опустошительного нашествия персов. Если бы в Византийской империи существовало понятие «город-герой», то одним из первых таких городов, несомненно, должна была бы стать именно Амида.

Все время, пока персы хозяйничали в приграничных районах империи, Анастасий бездействовал. Лишь к весне 503 г. он собрал армию (правда, довольно многочисленную), включавшую отряды готов, бессов и других балканских народов. Однако, помимо того, что эта мера носила явно запоздалый характер, направленное против Кавада войско имело еще и из рук вон плохо организованную систему управления; единое руководство, формально находившееся в руках Ариовинда, командующего войсками империи на востоке, на практике отсутствовало, армия состояла из четырех фактически самостоятельных частей, каждая из которых имела отдельного полководца (стратига), действовавшего по своему усмотрению. Кроме того, боевые части крайне медленно продвигались, система взаимодействия между ними, как и воинская дисциплина, почти отсутствовала, а разведка была поставлена из рук вон плохо. В результате Кавад знал о каждом шаге византийцев, в то время как те пребывали в

полном неведении относительно местонахождения и намерений персов.

Воспользовавшись беспечностью византийского командования, Кавад внезапно атаковал сразу две вражеские армии из четырех. Ромеи были застигнуты врасплох: большинство из них в момент нападения приготавливали пищу или купались в реке. Ни о какой организованной обороне в такой ситуации не могло быть и речи. Византийские войска, бросив большое количество оружия, снаряжения и весь обоз, обратились в беспорядочное бегство; обе атакованные Кавадом армии были практически полностью уничтожены. Неизвестно, как сложилась бы судьба двух других армий, но в это время шаханшах получил донесения с северных границ своей державы, сообщавшие о новом вторжении кочевников, на этот раз — сабир на Кавказе¹. Кроме того, в разных частях Сасанидской державы почти одновременно вспыхнули восстания покоренных народов. Эти известия заставили царя срочно перебрасывать свои войска из Месопотамии в Закавказье и другие регионы. Таким образом, лишь внезапное изменение обстановки в самом Иране спасло византийские войска от полного разгрома.

Казалось бы, сложились крайне благоприятные условия для успешного развития византийцами боевых действий: царь с основными силами покинул Ме-

¹ Судя по всему, это было первое появление сабир (савир) на границах сасанидского Ирана (см.: Джафаров, 1979. № 3. С. 163—172). С этого времени сабир регулярно упоминаются в источниках как союзники либо Персии, либо Византии.

сопотамию, оставшиеся здесь персидские гарнизоны явно уступали по численности императорским войскам. Но даже в столь выгодной ситуации византийские полководцы не смогли добиться какого-либо значительного преимущества, они ограничились лишь мелкими набегами на приграничные районы Персии в Северной Месопотамии.

К решению главной задачи — освобождению Амиды от персидского гарнизона — византийцы смогли приступить лишь в конце 503 г. Однако войска к Амиде стягивались очень медленно, а начавшаяся затем осада шла крайне вяло. Кроме всего прочего, командующие византийскими армиями опасались, что к Амиде в любой момент могут подойти главные силы персов во главе с самим Кавадом.

Персидский же гарнизон Амиды, несмотря на нехватку продовольствия и начавшиеся болезни, активно оборонялся, при этом преднамеренно создавая у неприятеля иллюзию полного благополучия и готовности держать оборону сколь угодно долго. В конце концов противоборствующие стороны решили вступить в переговоры. Их итогом стало соглашение, по которому персидский отряд оставлял крепость, получив выкуп в размере тысячи либр золота. Вступив после ухода персов на территорию города, византийцы были буквально взбешены, так как после недолгого подсчета выяснилось, что продуктов питания у осажденных оставалось самое большее на одну неделю, после чего Амида совершенно бескровно (да и бесплатно) оказалась бы вновь под властью императора. Но дело уже было сделано, и возвращавшиеся домой персы, каждый из которых получил более чем по

фунту золота, радостно обсуждали между собой столь удачную сделку и смеялись над нерадивостью и недальновидностью ромеев.

Как бы там ни было, Амида была возвращена Византии. После этого активных боевых действий против Персии Анастасий, дабы не обострять и без того сложную ситуацию, не предпринимал. В свою очередь и персы, увязшие в войне против кочевников на Кавказе, не имели ни возможности, ни желания продолжать войну с империей. В итоге в 506 г. между Византией и Ираном был заключен мирный договор, восстанавливавший довоенное положение дел.

На достаточно длительный период между Византийской империей и сасанидским Ираном вновь установились мирные отношения. О сближении двух стран в первой четверти VI в. говорит тот факт, что в 521 г. Кавад посчитал для себя возможным просить императора Юстина (518—527) стать приемным отцом для своего сына Хосрова. Это должно было гарантировать последнему личную безопасность и спокойное вступление на престол после смерти отца.

Но ожидания Кавада не оправдались, что стало первым симптомом ухудшения византийско-персидских отношений. Сначала Юстин с большой радостью воспринял обращение Кавада, однако советник императора Прокл, почувствовав в просьбе персидского царя скрытый подвох, убедил своего повелителя не совершать столь опрометчивого поступка, как усыновление царевича, поскольку, по его мнению, Кавад «с самого начала имеет целью этого Хосрова, кто бы он ни был, сделать наследником римского басилевса», ибо «по естественному праву имущество

отцов принадлежит их детям» (*Proc. Bell. Pers. I. 11. 17—18*).

Еще одной причиной похолодания в отношениях между Византией и Персией стали их разногласия по поводу Лазики. Царь лазов по имени Цаф, до того времени сохранявший лояльность по отношению к Ирану, в 523 г. неожиданно обратился к императору Юстину с просьбой крестить его и объявить царем Лазики, т. е. фактически взять лазов под покровительство империи. Юстин не мог не воспользоваться столь удобным поводом для усиления своих позиций в Закавказье и выполнил все просьбы Цафа. Реакция Кавада была вполне предсказуема: в своем послании Юстину он резко обвинил императора во вмешательстве в персидские дела и переманивании на свою сторону исконных союзников Персии — лазов. И хотя Юстин отверг все претензии царя, аргументируя это тем, что Цаф совершенно добровольно обратился за поддержкой к Византии, тем не менее, лазский инцидент серьезно испортил отношения между двумя державами и показал непримиримость их позиций. Очередное обострение военно-политической обстановки в Передней Азии было лишь вопросом времени.

В 527 г. византийская армия под командованием полководцев Ситы и Велисария вторглась в Персоармению. Поход был удачен: значительная часть страны была разорена, большое количество армян попало в плен. Успех придал византийцам уверенности, и в том же году на подвластные Персии армянские земли был совершен повторный набег. Однако на этот раз армянское войско во главе с нахарарами Нарсесом и Аратием было готово к вторжению, и римляне были

вынуждены отступить. Параллельно с вторжением в Армению другая византийская армия вступила на территорию Верхней Месопотамии в районе Нисибиса, однако и эта акция не увенчалась успехом: из-за сильной жары войско было вынуждено повернуть назад.

Византийскому командованию становилось все более ясно, что армии для успешных действий на востоке явно не хватает опорных пунктов вблизи границы с Ираном. Для решения этой проблемы только что вступивший на престол император Юстиниан (527—565) дал Велисария указание построить на границе с Персией новый укрепленный пункт, чтобы оттуда совершать нападения на вражескую территорию. Это решение Юстиниана ярко продемонстрировало стиль проводимой им внешней политики, сохранявшийся весь период правления этого императора и заключавшийся в решительном, целеустремленном и зачастую рискованном характере осуществляемых действий.

Начало возведения мощной крепости под названием Миндуй, с рвением организованного Велисарием, было вполне однозначно воспринято в Ктесифоне: это являлось прямым нарушением условий мирного договора 442 г., запрещавшего Византии и Ирану строительство новых укреплений вблизи общей границы. Реакция персидской стороны последовала незамедлительно: в 528 г. под Миндуй было направлено большое войско. Туда же двинулась и византийская армия. Под стенами строившегося города состоялось кровопролитное сражение, в котором императорская армия была наголову разбита и почти полностью уничтожена. Укрепления Миндуя победители срыли до основания.

Для восстановления нарушенного равновесия сил Юстиниан назначил стратигом Востока Велисария и поручил ему подготовить новое войско для нападения на Персию. Кроме того, Византия заключила соглашение о совместных действиях против Персии с одним из северо-кавказских племен — сабирами, во главе которых стояла царица Боарикс. Договор с сабирами очень скоро оправдал себя: войска Боарикс нанесли сокрушительное поражение объединенным силам двух других местных вождей — Стиракса и Глониса, союзников Персии. При этом Глонис погиб, а Стиракс в оковах был доставлен в Константинополь. Справедливости ради следует, однако, отметить, что сабиры были не очень верными союзниками Византии и неоднократно выступали в римско-персидских войнах то на одной, то на другой стороне.

К 530 г. армия Велисария вновь была готова к боевым действиям, и вторжение началось. Решающие события произошли вблизи византийского города Дары — важного опорного пункта империи на востоке. Персидскими войсками командовал полководец Пероз, представитель знатного рода Михран. Накануне битвы Пероз направил Велисария письмо, в котором велел стратигу приготовить баню, поскольку на следующий день ему, Перозу, угодно будет в ней помыться (*Proc. Bell. Pers.* I. 11. 17—18). Однако намерению Пероза не суждено было сбыться: в произошедшем при Даре сражении персидское войско потерпело поражение. Факт тем более примечательный, что это было первое крупное поражение персов за довольно длительный период. Такого, как отмечал современник описываемых событий Прокопий Кесарий-

ский, «уже давно не случалось» (*Proc. Bell. Pers.* I. 13. 17).

Именно после этой битвы, сохранившей для Византии Дару как один из важнейших опорных пунктов на границе с Персией, резко возрастают авторитет и влияние Велисария как талантливого полководца, и он становится главным действующим лицом едва ли не во всех военных конфликтах, происходивших в период правления императора Юстиниана. Что же касается военно-политического равновесия на Востоке, то оно на какое-то время было восстановлено.

Весной 531 г. войско персов под командованием полководца Азарета при поддержке вождя арабского племени Лахмидов ал-Мундира ибн ан-Нумана вновь вторглось на византийскую территорию. Путь продвижения персидской армии на этот раз отличался от традиционного: она двигалась не через Месопотамию, как это обычно бывало, а через Евфратисию (ранее называвшуюся Коммагеной). Целью вторжения был захват Антиохии и всей Сирии. Для византийского военного командования это было полной неожиданностью, и Велисарий некоторое время находился в растерянности, не зная, как лучше поступить в создавшейся ситуации. Главная проблема заключалась в том, что на пути продвижения персидско-арабского войска практически отсутствовали какие-либо значительные византийские гарнизоны, и для отражения нападения стратегию необходимо было направить свои основные силы наперерез Азарету, обнажив тем самым границу в Месопотамии. В этом заключался определенный риск, поскольку у Велисария не было уверенности в том, что акция Азарета не является отвле-

кающим маневром, имеющим своей целью ослабить внимание византийцев к границе по Евфрату. В конце концов, Велисарий все же принял решение оставить в Месопотамии небольшую часть армии для охраны пограничных укреплений в случае неожиданного вторжения персов, а основные силы отправить в Евфратисию наперекрест вражескому войску.

Азарет и ал-Мундир были настигнуты Велисарием близ Халкиды. Персы, поняв, что фактор внезапности ими уже утрачен, решили, находясь вдали от своей территории перед лицом многочисленной византийской армии, не рисковать и начали отступление по правому берегу Евфрата. Войско Велисария шло вслед за противником не вступая в сражение — полководец рассчитывал ограничиться вытеснением персов за пределы имперских владений. Однако в войске мало-помалу росло недовольство трусливой, как казалось солдатам, тактикой командующего. Воины уже считали себя чуть ли не победителями и сетовали на то, что Велисарий по сути дела отбирает у них добычу и славу. Под давлением солдатской массы стратег был вынужден отказаться от своих первоначальных планов и дать персам бой.

Сражение произошло на правом берегу Евфрата, напротив Каллиника. Исход битвы показал правильность осторожной тактики Велисария: византийцам был нанесен серьезный урон, они были прижаты к реке, и лишь наступление темноты спасло византийскую армию от полного истребления. Под покровом ночи остатки войска Велисария на судах, присланных из Каллиника, переправились на левый берег Евфрата

и укрылись в городе. Персы же, захватив большую добычу, спокойно вернулись домой.

После нанесенного его войскам поражения Юстиниан попытался заключить с Кавадом мирный договор, однако царь ответил императору отказом и укрепил свой ответ отправкой в Месопотамию нового войска, осадившего город Мартирополь. Стоявшие неподалеку византийцы под руководством Ситы, назначенного командующим восточной армией вместо отозванного из-за недавнего поражения под Каллиником Велисария, не решались нанести удар по осаждавшим Мартирополь персам.

Положение было крайне сложным; выполнявший функции командующего Сита явно не отличался решительностью и умением верно оценить создавшуюся обстановку, в то же время менять в столь острой ситуации командующего было тоже рискованно. Сменить Ситу в принципе мог Велисарий, но по указанным причинам в тот момент это было невозможно.

И здесь на помощь военной стратегии пришла дипломатия. Византийская разведка донесла, что кавказские кочевники («гунны», как отмечается в источниках; по всей видимости, соплеменники Стиракса и Глониса) планируют вступить на территорию Персии и, пройдя через персидские владения, вторгнуться в византийскую Месопотамию для совместных с персами действий против империи; персы же, судя по всему (а как покажет дальнейшее развитие событий, так оно и было), об этом ничего не знали. Было решено под видом перебежчиков отправить в персидский лагерь под Мартирополь лазутчиков с целью дезинформировать персов, а именно — сообщить им о том,

что гунны якобы собираются напасть на пограничные персидские территории и подвергнуть их разорению.

Кроме того, произошли важные события и в самой Персии, значительно облегчившие положение византийцев. Еще в сентябре 531 г. здесь скончался шаханшах Кавад, и на престол, согласно его завещанию, вступил его сын Хосров (531—579), первое время вынужденный бороться с противниками своего воцарения в лице ряда знатных персидских родов и их сторонников.

В итоге опасение мнимого вторжения кочевников и начало внутренних смут в Персидском государстве заставили персидскую армию снять осаду с Мартирополя и вернуться домой. Вторгшиеся же на территорию Византии «гунны», не застав здесь персидского войска, вскоре были вынуждены оставить владения империи, не причинив им практически никакого урона.

Вновь возникла ситуация, когда обе стороны были готовы к переговорам о мире. Византия и раньше изъявляла подобное желание, но сталкивалась с непреклонной и воинственно-агрессивной позицией сасанидских царей. Теперь же обстановка для заключения мирного соглашения была более благоприятной: Хосрова заботили в первую очередь внутривосточные проблемы, и он был готов к мирной передышке.

После весьма длительных и зачастую, казалось, заходивших в тупик переговоров Юстиниан и Хосров все же пришли к согласию относительно мирного решения конфликта. По условиям достигнутого в 532 г. соглашения Византия и Иран должны были вернуть друг другу захваченные во время боевых дейст-

вий территории и города. Кроме того, по настоянию Хосрова ставка византийского командования на востоке должна была быть перенесена из Дары в другой город. В результате византийцы вернули Персии город Фарангий, крепость Вол и заплатили 110 кентинариев золота за отказ Хосрова от требования скрыть Дару и в качестве компенсации за охрану персами Каспийских Ворот. Персы же возвратили Византии укрепления, захваченные ими в Лазике.

Полученная передышка была эффективно использована Византией. В ближайшие годы византийские войска нанесли ряд поражений остготам в Италии и окончательно утвердили господство империи в Северной Африке, где полностью захватили королевство вандалов. Все это привело к значительному усилению международного авторитета и влияния Константинополя, увеличению людских и материальных ресурсов Византии.

Происходившие события не могли не беспокоить Персию. Как пишет Прокопий Кесарийский, «они [Хосров и персы. — В. Д.] сильно горевали и уже сожалели о том, что заключили мир с римлянами, так как понимали, что силы римлян благодаря этому заметно возросли» (Proc. *Bell. Pers.* I. 26. 2). Внешним проявлением растущего раздражения и недовольства Хосрова стало посольство, направленное царем в Константинополь и передавшее Юстиниану послание, в котором содержалось поданное в шутливой форме требование Хосрова передать ему часть добычи, захваченной византийскими войсками в Африке, поскольку они никогда не смогли бы победить вандалов, если бы персы не заключили с Византией мир-

ный договор. Юстиниан, несмотря на шутливый тон, в котором было выдержано письмо шаханшаха, на всякий случай выполнил требование последнего, отправив его послов обратно с богатыми дарами.

А недовольство Хосрова тем временем продолжало усиливаться. Единственным средством, способным помешать Византии и дальше расширять сферу своего влияния на западе, могла стать только новая война на востоке, и Хосров усиленно искал повод для ее начала. Таким поводом стал инспирированный самим царем конфликт между двумя сарацинскими племенами: Лахмидами во главе с ал-Мундиром ибн ан-Нуманом — старым союзником персов — и Гассанидами под предводительством Халида ибн-Джабалы (Прокопий Кесарийский (*Proc. Bell. Pers.* I. 17. 47—48; II. 1. 3—7) называет его Арефой, сыном Габалы), находившегося в союзных отношениях с Византией. Камнем преткновения стала местность под названием «Страта», располагавшаяся южнее древней Пальмиры и не представлявшая собой никакой ценности, кроме того, что она использовалась проживавшими в этом районе сарацинами Халида в качестве пастбища для скота. Ал-Мундир заявил, что эта территория по праву должна принадлежать его племени, а Халид, если уж его соплеменники пользуются пастбищами Страты, должен выплатить ему, аль-Мундиду, дань.

Внешне этот конфликт никак не являлся нарушением заключенного в 532 г. мирного договора, поскольку в документе сарацины отдельно не фигурировали. Однако всем было понятно, что фактически за действиями ал-Мундира стояло желание Хосрова

развязать против Византии новую войну, так как империя не могла не вступить за своих союзников, а это уже означало бы фактический отказ от соблюдения мирного соглашения с Персией и начало военных действий.

Понимая несвоевременность и нежелательность нарушения на востоке установившегося равновесия, император попытался решить инцидент мирным путем, однако переговоры с Лахмидами ни к чему не привели. Более того, Хосров обвинил Юстиниана в нарушении условий «вечного мира» 532 г., поскольку якобы во время переговоров тот пытался привлечь ал-Мундира на свою сторону путем подкупа. Кроме того, шаханшах утверждал, что император пытался заключить соглашение с гуннами, в соответствии с которым те должны были совершать набеги на персидские владения.

Масла в огонь подлили и заинтересованные в обострении отношений между двумя державами остготы и армяне. Цель готов была очевидна — в опасной для них ситуации, когда войска Византии захватили Южную Италию и продвигались на север, они крайне нуждались в открытии на восточных границах империи нового театра военных действий. В этом случае туда неизбежно должны были быть переброшены византийские войска из Италии, что облегчило бы борьбу остготов с византийцами. Что касается армян, то у них тоже были основания подталкивать Персию к войне с Византией. В 530-е гг. усилились притеснения армян, проживавших на территории империи, со стороны византийской администрации, что вызывало недовольство местного населения. В 538 г. в Армении

вспыхнуло антивизантийские восстание, против которого были направлены войска во главе с полководцем Ситой, которого вскоре, после его гибели в одном из сражений, сменил Вуза. Противостоять императорской армии армяне были не в состоянии, и за помощью было решено обратиться к Персии.

Ситуация для развязывания персами войны с Византией была как нельзя более удобной. Внимание императора было сосредоточено на западе, восточную границу защищали малочисленные пограничные части, разбросанные по находившимся здесь укреплениям. Кроме того, из войск, находившихся на востоке, значительная часть увязла в Армении, подавляя вспыхнувшее там восстание. Повод у Хосрова уже имелся. После совета царя с приближенными было принято решение об открытии боевых действий.

Так началась новая эпоха в истории борьбы Запада и Востока за гегемонию в Передней Азии, и олицетворением всех зол, постигших Византию в ближайшие десятилетия, ее злым гением являлся один человек — Хосров Великий.

§ 2. ХОСРОВ ВЕЛИКИЙ: НАТИСК НА ЗАПАД (540 — 579 гг.)

Весной 540 г. войска Хосрова перешли границу империи. Объектами вторжения были Сирия и Киликия. Оставив в тылу хорошо укрепленный Киркесий и небольшую крепость Зенобию, Хосров подошел к городу Суруну. Неизвестно, входило ли в планы царя взятие Суруна, но неподалеку от города конь Хосрова

громко заржал и ударил о землю копытом. Находившиеся при царе маги истолковали это событие как доброе предзнаменование, говорившее о том, что Сурон обречен стать добычей персов. По совету магов была начата осада города.

Во время первого штурма успех сопутствовал защитникам Сурона, однако было ясно, что силы не равны, и на второй день осады суронцы отправили к Хосрову послов с предложением заплатить выкуп в обмен на снятие осады. Выслушав представителей горожан, царь решил пойти на хитрость. На словах он согласился с предложением жителей Сурона и вместе с их посольством отправил в город несколько воинов в качестве сопровождения с секретным заданием: после открытия ворот они должны были положить между порогом и створом ворот какой-либо предмет, чтобы их нельзя было закрыть на засов, что и было сделано. Впустив возвращавшихся от Хосрова людей в город, стражники не могли, как ни пытались, прочно закрыть ворота; отворить же их вновь, чтобы освободить от помехи, они боялись из-за опасения, что в город беспрепятственно войдут персы. В результате возникшей у ворот заминки персидское войско, стремительно подойдя к Суруну, ворвалось в город. Он был сожжен и разрушен, а жители перебиты либо обращены в рабство. Впрочем, пленные суронцы были вскоре освобождены Хосровом за выкуп в 2 кентинария, который согласился выплатить епископ соседнего с Суроном города Сергиополя Кандид. Поскольку необходимой суммы у священника на тот момент не было, он пообещал царю выплатить деньги в течение года, дав в этом расписку и поклявшись самыми страш-

ными клятвами выполнить обещание. Чем закончилась эта история с выкупом за пленных суронцев, мы увидим чуть ниже.

Поскольку основной целью Хосрова был захват Сирии и ее столицы Антиохии, антиохийцы делали все возможное, чтобы подготовить город к осаде. Однако времени для проведения всех необходимых работ было явно недостаточно. По этой причине было принято решение откупиться от Хосрова. Прибывшая к царю делегация антиохийцев во главе с епископом Мегасом убеждала Хосрова взять деньги и, не осаждая город, возвратиться в Персию. В конце концов царь согласился покинуть владения Византии при условии, что антиохийцы выплатят ему сумму в размере 10 кентинариев золота. Посольство Мегаса, вернувшись в Антиохию, изложило горожанам требования Хосрова. Несмотря на все аргументы, приводившиеся Мегасом в пользу принятия условий царя, горожане упорно отказывались от уплаты слишком большого, как им казалось, выкупа.

Параллельно с этим войско Хосрова осадило Гиераполь, однако, несмотря на все старания, не могло его взять. Не желая напрасно тратить время и силы, царь потребовал от гиерапольцев выкуп, пообещав в обмен на это прекратить осаду. Горожане приняли условия Хосрова и выплатили персам 2 тысячи либр серебра.

От Гиераполя войско Хосрова двинулось к Верое. Укрепления Верои были не такими мощными, как в Гиераполе, и, кроме того, они давно не ремонтировались. Зная это, Хосров, вновь стремясь избежать потерь, запросил у веройцев выкуп в размере 4 тысяч либр

серебра, угрожая в противном случае начать штурм города. Сначала веройцы согласились с требованием царя, однако затем выяснилось, что они могут уплатить лишь половину необходимой суммы; остальные деньги они обещали передать Хосрову чуть позже. Поскольку царь был непреклонен, жители города укрылись в цитадели и приготовились к осаде.

Войдя в Вeroю, персы сожгли город и попытались штурмом овладеть его акрополем, но потерпели неудачу. Тем не менее участь осажденных была бы плачевной (у них кончались запасы воды), если бы не усилия того же Мегаса, возвратившегося к этому времени из Антиохии. Епископ слезно умолял Хосрова отпустить веройцев, и в конце концов тот уступил его просьбам: всем укrywшимся в городской цитадели было дозволено покинуть ее и удалиться в безопасное место. Однако лишь немногие из воинов, защищавших Вeroю, согласились уйти вместе с ее жителями — основная часть веройского гарнизона перешла на сторону персов, ссылаясь при этом на длительную невыплату жалованья.

В связи с тем, что жители Антиохии отказали Хосрову в выплате требуемой им суммы, следующей жертвой персов стала столица Сирии. После штурма, длившегося несколько дней, воинам Хосрова удалось овладеть городом. Располагавшиеся здесь боевые части успели почти в полном составе покинуть Антиохию, и оставшееся без всякой защиты мирное население оказалось всецело во власти победителей. Много жителей города погибло, но основная их часть была взята в плен. Сам же город персы разграбили и выжгли дотла.

Овладение Антиохией было большим успехом Хосрова. Столица Сирии являлась, по сути, ключом ко всему византийскому Востоку, и теперь, после ее падения, персидская армия выходила на оперативный простор. Кроме того, в результате взятия города в руки персов попали находившиеся здесь колоссальные богатства, что нанесло огромный материальный урон экономике восточных областей империи. Не меньший ущерб хозяйству причинил и угон в плен жителей Антиохи; в большинстве своем это были опытные ремесленники, их переселение в Персию сильно ударило по византийскому ремесленному производству, крупнейшим центром которого на востоке как раз и являлась Антиохия.

В ходе последовавших после падения Антиохии переговоров Хосров все же согласился пойти на перемирие и покинуть византийскую территорию, но при условии, что ему будет выплачена сумма в 50 кентинариев золота, а затем он будет ежегодно получать по 5 кентинариев в качестве компенсации за охрану персами Каспийских Ворот, поскольку это было нужно не только Персии, но и Византии. Окончательный вариант мирного договора должен был быть согласован позже, на встрече послов обеих сторон.

От Антиохии Хосров со свитой направился к Селевкии — городу, расположенному на побережье Средиземного моря в 130 стадиях от столицы Сирии. Совершив здесь ряд религиозных обрядов, царь вновь вернулся под Антиохию. Войску был объявлен сбор, и вся персидская армия, покинув лагерь, двинулась на юг, к Апамее. Хосров обещал не трогать город, взяв с горожан тысячу либр серебра, однако, войдя в

него в сопровождении двухсот отборных воинов, тут же нарушил обещание и потребовал отдать ему все сокровища, находящиеся в Апамее. Понимая, что сопротивляться армии персов они не смогут, апамейцы были вынуждены передать царю все имевшиеся у них золотые и серебряные запасы. Получив то, что хотел, Хосров повернул на восток и продолжил движение в направлении Персии. Оказавшуюся на его пути Халкиду ждала участь Апамеи: от халкидян царь потребовал уплатить выкуп и выдать ему всех находившихся в городе воинов. Отдав Хосрову собранные общими усилиями 2 кентинария золота и убедив его, что воинов в Халкиде нет (хотя на самом деле они были тщательно укрыты горожанами), жители города сумели избежать осады и неминуемого взятия города вражеской армией.

Оставив Халкиду, персидская армия направилась к Евфрату, форсировала его и подошла к Эдессе. Первоначально Хосров собирался взять город штурмом, однако затем отказался от своего намерения и, взяв с Эдессы 2 кентинария золота, подступил к Даре.

Дара являлась одним из основных опорных пунктов империи на территории Месопотамии. Поэтому, в отличие от других городов, оказавшихся на пути Хосрова, здесь имелся многочисленный гарнизон под командованием талантливого военачальника Мартина, способный оказать противнику серьезное сопротивление. Кроме того, мощные крепостные укрепления Дары делали ее почти неприступной. В результате все попытки персов овладеть городом закончились неудачей, что заставило Хосрова вступить с Мартином в переговоры. Получив от византийского полко-

водца тысячу либр серебра, царь покинул территорию империи и ушел в Персию.

Известие об осаде Дары заставило Юстиниана отказаться от намерения продолжить с персами переговоры о мире, поскольку, попытавшись взять эту крепость, Хосров нарушил выдвинутое чуть раньше им же самим условие о прекращении Византией и Персией враждебных в отношении друг друга действий.

По возвращении в Персию Хосров приказал построить для пленных антиохийцев недалеко от Ктесифона новый город, названный Антиохией Хосрова (местные жители называли его «Румаган», т. е. «Римский город»). Он был спроектирован как точная копия Антиохии на Оронте, со всеми имевшимися в ней общественными зданиями и сооружениями, с полным соблюдением антиохийской планировки улиц, расположения жилых кварталов и т. д. Население Антиохии Хосрова имело привилегированный статус, во главе городской общины был поставлен христианин, а сам город находился в прямом подчинении царю.

Планируя свои боевые действия на следующий, 541 год, византийцы постарались учесть ошибки, допущенные ими в период кампании 540 г. Именно этим следует объяснить тот факт, что весной 541 г. византийские войска готовились первыми, не дожидаясь вторжения персов на территорию империи, перейти границу Персии. Судя по всему, на эту экспедицию Юстинианом возлагались большие надежды — командующим готовившейся к вторжению в Персию армии был назначен специально отозванный сюда из Италии Велисарий, сопровождаемый к тому же опытными офицерами, воевавшими вместе с ним против

готов. Кроме того, много сил и средств потратил Велисарий на приведение вверенных ему войск в состояние полной боевой готовности, поскольку находившаяся здесь армия страдала от нехватки обмундирования и вооружения, а ее боевой дух был крайне низок.

Одновременно с Велисарием готовился к продолжению боевых действий и Хосров. Для него главной задачей на предстоящую кампанию (а как покажут дальнейшие события, и на много лет вперед) являлось овладение Лазикой, часто, согласно древней традиции, называемой в источниках Колхидой, что было обусловлено целым рядом причин. Прежде всего, захват Лазики означал бы для Персии получение выхода в Черное море и потенциальную возможность прямого вторжения на Балканский полуостров. Кроме того, территория Лазики являлась своего рода буферной зоной между кочевыми народами Северного Кавказа и Византией, и потому перѐход этих областей под власть Персии создавал для персов и кочевников предпосылки для организации совместных действий против империи.

Непосредственным же поводом для вторжения персидских войск именно в Лазику стала адресованная Хосрову просьба послов лазского царя Губаза помочь им избавиться от византийцев, чье хозяйничанье в стране все сильнее раздражало местных жителей. Окончательно переполнило чашу терпения Губаза возведение Юстинианом в Лазике приморской крепости Петры, где расположился византийский гарнизон, контролировавший ситуацию в стране и являвшийся центром византийского владычества в Лазике.

Для введения противника в заблуждение Хосров и его ближайшее окружение держали информацию о планах персов в отношении Лазики в глубокой тайне, а официально распространялись сведения о том, что царь планирует провести лето 541 г. в Иберии с целью организации обороны ее северных границ от вторжений кочевников.

Византийские лазутчики, получив, таким образом, неверные данные, произвольно дезинформировали Велисария, создав у него иллюзию неготовности персов к войне.

Выступив из Дары, армия Велисария двинулась в направлении Нисибиса. Подойдя к городу, византийцы расположились лагерем в 42 стадиях от него. Это было связано с опасением Велисария, что в случае сражения в непосредственной близости от Нисибиса персы (в случае своей неудачи) легко смогут укрыться внутри городских укреплений. Однако воины одного из отрядов расположились всего в 10 стадиях от Нисибиса и, невзирая на предупреждения Велисария, «сняли с себя доспехи и, не обращая никакого внимания на неприятелей, начали бродить безо всякого порядка, поедая растущие там огурцы» (Proc. *Bell. Pers.* II. 18. 18). Заметив оплошность византийцев, командир нисибисского гарнизона Навед тут же предпринял вылазку и атаковал их. Ромеи были рассеяны и обращены в бегство, а в руки персов попало их боевое знамя. Спасла положение своевременная помощь Велисария, заметившего клубы пыли, вздымавшиеся над атакованным лагерем, и быстро направившего туда подмогу. Атака персов была, таким образом, отбита, и они были вынуждены укрыться за крепост-

ными стенами. А захваченное знамя было выставлено на стене Нисибиса и в насмешку над византийцами «украшено» связками колбасы.

Простояв под Нисибисом еще некоторое время, Велисарий так и не решился начать осаду столь мощной крепости и двинулся к расположенному примерно в 20 км восточнее городу Сисавранону, который охранялся отрядом из 800 человек. Несмотря на свою малочисленность, гарнизон Сисавранона оказал упорное сопротивление. Первый штурм закончился тем, что воины Велисария были отброшены от стен города и понесли значительные потери. Поскольку захватить крепость с ходу не удалось, на военном совете было принято решение взять город в осаду. Однако все закончилось быстрее, чем ожидали сами византийцы; от пленных персов стало известно, что в Сисавраноне очень мало продовольствия, и по этой причине продержаться долго гарнизон крепости не сможет. С целью избежать напрасного кровопролития Велисарий направил в Сисавранон парламентаров, сумевших убедить жителей и воинов города добровольно сдать-ся в обмен на сохранение им жизни и имущества в полной неприкосновенности. Крепостные укрепления Сисавранона были разрушены. Взятых в плен персов отправили в Константинополь, а позднее — в Италию, где они приняли участие в войне против готов.

Пока Велисарий находился в Месопотамии, персидские войска подошли к Петре и начали ее осаду. Им удалось, несмотря на мощные крепостные укрепления, сделать подкоп под одну из городских башен и разрушить ее. Тогда же был смертельно ранен организатор обороны — один из местных торговцев по

имени Иоанн, который успешно руководил действиями оборонявшихся, пресекая попытки Хосрова овладеть городом. Оказавшись в критическом положении (персы были готовы устремиться в пролом и ворваться в крепость, защитники которой пали духом после смерти Иоанна и не могли оказать серьезного сопротивления), находившиеся в Петре люди вступили в переговоры с Хосровом и, получив у него гарантии личной и имущественной неприкосновенности, открыли ворота.

Тем временем приближалась осень. Овладев Сисавраноном, византийская армия поспешила вернуться на свою территорию. Так же поступил и Хосров: оставив в захваченной Петре гарнизон, он с остальной армией отправился на зиму домой.

Весной 542 г. Хосров во главе многочисленного войска вновь перешел границу империи и подступил к Сергиополю. Вероятно, главной целью Хосрова было получение от местного епископа Кандида денежного выкупа, который тот в 540 г. пообещал Хосрову за отпущенных на свободу пленных суронцев. Епископ, согласно данным им клятвам, должен был уплатить царю 2 кентинария золота в течение одного года; однако минуло уже около двух лет, а обещанных денег Хосров так и не получил, что и побудило его двинуть войска к Сергиополю.

Сначала царь попытался хитростью овладеть городом, направив в Сергиополь группу воинов якобы с целью произвести учет имевшихся там богатств, однако сарацин по имени Амвр (христианин по вероисповеданию), служивший в войске персов, тайно предупредил сергиопольцев о готовящейся ловушке. Узнав,

что горожане отказались отворить ворота перед посланными им людьми, Хосров направил на штурм Сергиополя, гарнизон которого насчитывал всего около двухсот солдат, 6 тысяч воинов. Силы были явно неравны, и жители города, едва отбив первый штурм, были готовы сдаться на милость победителя, но тот же Амвр вновь пришел на помощь, он сообщил оборонявшимся, что в лагере персов заканчиваются запасы воды и осада не продлится долго. Так и вышло: уже на следующий день персидский отряд оставил свой лагерь под Сергиополем и вернулся к Хосрову. Потерпев неудачу у стен города, Хосров, однако, не имел возможности довести начатое дело до конца — и без того было потрачено слишком много времени. Поэтому он вместе с войском продолжил рейд по византийским владениям и вступил на территорию Евфратисии, намереваясь отсюда вторгнуться в Палестину. Поскольку ситуация на восточной границе накалялась, Юстиниан был вынужден вновь отправить туда Велисария.

Центром сбора византийских войск стал город Европ на Евфрате. Узнав о сосредоточении здесь крупных сил, Хосров направил к Велисарии посольство, главной целью которого было разведать обстановку и, по возможности, выяснить планы византийцев.

Во время переговоров обе стороны пытались взвалить вину за продолжение боевых действий и неудачу при попытке заключить мирный договор друг на друга. Реального результата переговоры, конечно же, не принесли, однако персидский посол сообщил царю много ценной информации, которая сводилась в основном к тому, что войско Велисария прекрасно под-

готовлено и вступать с ним в сражение очень рискованно. Кроме того, до Хосрова стали доходить сведения о том, что в Палестине, куда он намеревался вторгнуться, началась эпидемия чумы. Таким образом, обстановка для продолжения боевых действий персам не благоприятствовала. Пообещав Велисария, что он и его войско мирно покинут пределы Византии, Хосров двинулся назад. Правда, о своем обещании шаханшах тут же забыл, едва увидел неподалеку от маршрута продвижения своей армии город Каллиник, совершенно беззащитный по причине ремонта крепостных сооружений и отсутствия здесь какого-либо войска. Беспрепятственно проникнув в Каллиник, персы обратили в рабство всех жителей города (за исключением успевших скрыться представителей местной знати), полностью разрушили его крепостные укрепления и лишь после этого вернулись домой. Поскольку опасность на востоке миновала, Велисарий тут же был вновь отозван в Италию для продолжения войны с готами.

В 544 г. Хосров двинул свою армию против Эдессы, рассчитывая взять реванш за неудачную осаду этого города четыре года назад. Расположившись неподалеку от Эдессы, гарнизоном которой командовал Мартин, Хосров начал с того, что приказал находившимся в его войске гуннам подойти к городским стенам и захватить пасшиеся там стада овец. Казалось бы, задача была нетрудной: кроме пастухов, никто не мог препятствовать гуннам в выполнении поручения царя. Однако на помощь отбивавшимся от противника пастухам из Эдессы выступили отряд воинов и вооруженные горожане. Заметив это, Хосров нап्रा-

вил на помощь своим союзникам дополнительные силы. В результате совершенно незначительный на первый взгляд инцидент перерос в настоящее сражение, начавшееся рано утром и завершившееся лишь после полудня. Решительного успеха не добились ни одна из сторон; и персы, и византийцы считали себя победителями в этом бою.

На следующий день горожане попытались вновь, как и четыре года назад, договориться с Хосровом о выкупе, однако это предприятие закончилась неудачей; царь потребовал у представителей города выдать ему все имевшиеся в Эдессе богатства, на что те ответили отказом. Разгневанный шаханшах отпустил послов и отдал приказ о начале осады.

Теперь персы сделали ставку на сооружение напротив городских укреплений искусственного холма, с которого можно было бы беспрепятственно обстреливать стены и сам город из осадных орудий. Защитники Эдессы пытались разными способами помешать реализации этого плана: под насыпь делался подкоп, против строивших ее солдат совершались вылазки, их обстреливали из луков и пращей, — но все было безрезультатно. Неоднократные попытки горожан возобновить переговоры и прийти с Хосровом к соглашению о размере необходимого выкупа также не увенчались успехом.

В конце концов византийцы сумели-таки расстроить планы персов; под строившуюся насыпь был сделан еще один подкоп, куда воины поместили стволы сухих деревьев, облили их кедровым маслом, серой и асфальтом, а затем подожгли. Таким образом, сделанное из толстых бревен основание холма начало по-

степенно выгорать. Чтобы скрыть от персов источник появившегося из-под земли дыма, византийцы начали метать в сторону насыпи сосуды с горящим углем и зажигательные стрелы. Тушившие огонь персы полагали, что дым идет именно от этих предметов, и до определенного времени не придавали значения клубам дыма, поднимавшимся над насыпью. Когда же, наконец, нападавшим открылась истинная причина появления над возводимым сооружением дыма, было уже поздно: бревенчатый каркас прогорел, и насыпь стала совершенно бесполезной.

Потерпев неудачу в этом начинании, Хосров все же не собирался отказываться от своих планов и предпринял против Эдессы еще несколько штурмов, которые, однако, не принесли персам желаемого результата. Становилось ясно, что до наступления осени город взят не будет. Это заставило царя пойти на переговоры с командующим эдесским гарнизоном. По соглашению, заключенному между Мартином и персидскими военачальниками, Хосров, взяв с жителей Эдессы 5 кентинариев золота, дал им взамен грамоту, гарантировавшую городу неприкосновенность. После этого персидское войско во главе с царем отправилось домой.

Между тем Юстиниан не оставлял надежд достичь мирного соглашения с персами. На всем протяжении войны 540-х гг. базилиевс, несмотря на непримиримость, а зачастую и вероломность Хосрова, искал пути к прекращению военных действий, разорявших хозяйство восточных областей Византии и приносивших казне неисчислимые убытки. Достаточно вспомнить, что буквально в самом начале войны, когда Хос-

ров еще осаждал Антиохию, императором уже предпринимались попытки перевести вооруженный конфликт в мирное русло.

Воюя на два фронта (и с готами, и с персами), империя не могла добиться прочных успехов ни в Италии, ни в Азии — этого не позволяли сделать ни материальные, ни людские ресурсы Византии. Кроме того, Юстиниану явно не хватало талантливых полководцев. Велисарий был вынужден буквально разрываться между Апенниннами и Месопотамией, стараясь успеть и там, и здесь, а сменивший его на посту командующего войсками на Востоке Мартин явно уступал своему предшественнику, не имея, кроме всего прочего, того авторитета в армии, которым пользовался Велисарий.

Продолжение войны было чревато для империи и внутренними потрясениями. Ярким индикатором обострения социально-политической обстановки в стране стало случившееся в 532 г. так называемое восстание Ника, во время которого судьба власти Юстиниана висела чуть ли не на волоске, и немалую роль в усилении недовольства жителями империи своим правителем сыграли непрекращавшиеся все его царствование войны, в том числе и на востоке. Осознание опасности народного возмущения, стремление к сохранению своей власти и недопущению повторения произошедших в 532 г. событий, безусловно, подталкивали императора к скорейшему заключению мира с персами.

В свою очередь и Хосров, вероятно, понимал, что дальнейшее продолжение войны с Византией в данный момент теряло смысл. Многие восточные города

империи (Антиохия, Эдесса, Каллиник, Дара, Халкида и др.) были либо разорены выплатой Хосрову огромных денежных сумм в качестве выкупа за отказ царя от осады, либо захвачены и разграблены персидской армией. Поживиться здесь какой-либо богатой добычей в ближайшее время было просто негде, и война была бы для персов бесполезной тратой времени и сил. Кроме того, к середине 540-х гг. Хосров, судя по всему, окончательно определил приоритетные задачи своей внешней политики в западном направлении на ближайшую перспективу. Главной заботой Персии становится выход к Черному морю, и первой успешной акцией, явно направленной на достижение этой цели, стало описанное выше взятие Петры — центра византийского влияния в Лазике.

В конце концов, после многочисленных уловок и демаршей, сопровождавших отказы Хосрова I от рассмотрения мирных инициатив Юстиниана, в 545 г., во время приема очередного посольства от императора, правитель Персии согласился пойти на переговоры о мире. Однако предложение послов Константиана и Сергия заключить между Византией и Ираном длительный и прочный мир не вызвало у царя положительной реакции. Заявив, что по-настоящему крепкий мир не может быть установлен без предварительного перемирия, во время которого стороны смогут спокойно обмениваться посольствами и обсуждать окончательные условия мирного соглашения, Хосров изъявил согласие заключить с Византией перемирие на пять лет при условии, что Юстиниан выплатит ему значительную сумму денег. О том, чтобы возвратить империи захваченные в Лазике территории (имелась

в виду, прежде всего, Петра), о чем поначалу просили царя Константиан и Сергий, не могло быть и речи.

Получив известие о том, что Хосров не прочь заключить (а по сути дела — купить) перемирие, Юстиниан тут же принял условия персидской стороны, ко двору шаханшаха было доставлено 20 кентинариев золота, а затем был подписан договор о прекращении на пятилетний срок боевых действий.

Основным препятствием к завоеванию персами Лазики являлся лазский царь Губаз, в лояльности которого персы имели все основания сомневаться. Хотя в 541 г. он и просил Хосрова о помощи в борьбе против усилившегося византийского влияния, однако было понятно, что при благоприятных обстоятельствах и в случае чрезмерной опеки со стороны персов царь лазов точно так же обратится за поддержкой к Византии. Решить эту проблему можно было только одним способом — устранить Губаза.

Вторая часть плана Хосрова состояла в том, чтобы переселить лазов за пределы их страны, разместив вместо них новых жителей из числа персов или иных, проживавших на территории Сасанидской державы, народов. Это, безусловно, была задача-максимум, однако в случае успешного исхода операции по устранению Губаза не исключено, что Хосров попытался бы решить и ее.

В начале 549 г. шаханшах приступил к реализации своих намерений в отношении Лазики и ее правителя. В Петру, находившуюся в то время в руках персов, был направлен отряд из 300 отборных воинов во главе с Фабризом — персом, принадлежавшим к одному из знатных иранских родов — роду Зикхов.

Именно Фабризу была поручена секретная миссия во что бы то ни стало уничтожить лазского царя, предупредив саму возможность вступления лазов в сношения с византийцами. Сделать это было решено обманным путем, вызвав Губаза в Петру под предлогом необходимости ознакомления его с планами Хосрова в отношении Лазики. Над царем лазов нависла смертельная опасность. Помощь пришла совершенно неожиданно и оттуда, откуда ее никто не мог ждать.

Один знатный лаз по имени Фарсан, незадолго до того повздоровивший с Губазом и после появления в Петре Фабриза являвшийся советником последнего, забыв старые обиды, тайно предупредил царя о готовящемся против него вероломном заговоре. В результате план Фабриза рухнул как карточный домик: Губаз, предупрежденный Фарсаном о коварном замысле персов, в Петру, само собой разумеется, не явился. Более того, осознав, в какую беду он чуть было не вверг (или уже почти вверг) свою страну, призвав в нее персов, Губаз окончательно порывает с Персией и открыто обращается за помощью к Юстиниану, прося у него прощения за прошлые прегрешения и помощи в борьбе против персов. Фабриз же, не добившись поставленной цели, вместе со своим отрядом был вынужден оставить Лазику и вернуться в Персию.

Обращение Губаза к Юстиниану с просьбой об оказании помощи дало императору удобный повод для восстановления сильно пошатнувшегося византийского влияния в Лазике. В первую очередь Юстиниан рассчитывал вернуть Петру и таким образом вновь установить контроль над царством лазов. Кроме того, скорейшее установление византийского кон-

троля над морским побережьем Лазики было необходимо еще и потому, что персидский царь уже предпринимал попытки доставить в Петру крупные партии корабельного леса для строительства флота, предназначенного для совершения нападений на причерноморские владения Византии (а возможно, и для осуществления десантов на балканском побережье). Лишь чистая случайность (пожар, возникший в результате удара молнии и уничтоживший находившиеся в Петре запасы древесины) помешала персам приступить к строительству своего военного флота на Черном море. Медлить дальше было опасно.

Ответом императора на просьбу Губаза стала отправка в Лазику восьмитысячного (семь тысяч византийцев и одна тысяча цанов) войска во главе с командующим восточной армией империи Дагисфеем, который был молодым военачальником и лишь недавно получил свое новое назначение, сменив вновь отбывшего в Италию Валериана.

После того как войско Дагисфея вступило на территорию Лазики, к нему присоединились отряды лазов под командованием самого Губаза. Объединенная византийско-лазская армия подошла к Петре и осадила ее, поставив тем самым под удар все достижения персов в Лазике. Понимая, что положение Петры и ее гарнизона критическое, Хосров направил в Лазику Мермероя — пожалуй, самого талантливого на тот период персидского полководца, — предоставив под его командование 30-тысячную армию.

Появление Мермероя резко изменило расстановку сил в Лазике и осложнило положение осаждавшего Петру византийско-лазского войска. В такой ситуа-

ции Дагисфей и Губаз приняли новый план: одну часть войск оставить под Петрой и продолжить ее осаду, а другую часть перебросить восточнее, на охрану горных проходов, через которые шла дорога, ведущая из Иберии, откуда должен был появиться Мермерой, в Петру. Сам Губаз, поскольку персы продвигались по левому берегу Фасиса, должен был охранять правый (северный) берег реки, отделявшей северную густо населенную и более развитую часть Лазики от южной, с редким населением и весьма отсталым хозяйством.

Разработанный Дагисфеем и Губазом план был на первый взгляд достаточно хорош. Действительно, хотя у персов и был явный численный перевес, в бою в горных теснинах это не имело такого значения, как на открытом пространстве, и византийцы, невзирая на свою малочисленность, были способны оказать Мермерой достаточно эффективное сопротивление, не прерывая при этом осаду Петры, успешный исход которой сделал бы дальнейшее пребывание персидской армии в Лазике весьма проблематичным. Охрана же Губазом более развитого в экономическом отношении правобережья Фасиса не давала Мермерой возможности, с одной стороны, разорять хозяйство Лазики, а с другой — обеспечивать свое войско всем необходимым, поскольку путь персов лежал по безлюдным и пустынным районам, тянувшимся вдоль южного берега реки.

Однако реализовывалась эта, в общем-то, вполне продуманная программа действий из рук вон плохо, в чем была «заслуга» исключительно Дагисфея. Вместо того чтобы поставить на пути персов прочный заслон

(ибо именно от него зависела судьба не только осады Петры, но и всей кампании 549 г.), византийский военачальник направил на охрану ведущих к Петре горных проходов всего сотню (!) воинов. Несмотря на все свои усилия, эта горстка храбрецов не смогла сдерживать напор 30-тысячной армии Мермероя. Уничтожив около тысячи персов, византийский отряд был в конце концов буквально сметен напором противника; оставшиеся в живых укрылись на близлежащих горных склонах, наблюдая, как солдаты Мермероя проходят мимо них в направлении Петры.

Тем временем Дагисфей со всем своим войском осаждал Петру, действуя при этом крайне неумело и нерешительно. Первый подкоп, сделанный византийскими солдатами под крепостную стену, разрушил ее часть, но оказалось, что сразу за ней находится пристроенное вплотную к стене каменное здание, и потому ворваться в город через образовавшийся пролом не удалось. Если учесть, что Петра долгое время находилась в руках византийцев и они должны были знать точный план крепости, то подобная оплошность выглядит весьма странно. Тем не менее по чьей-то (в конечном же счете — самого Дагисфея, не спланировавшего осаду со всей необходимой тщательностью) халатности усилия осаждавших Петру воинов не увенчались успехом.

Вскоре, в результате устройства второго подкопа, подведенного уже под другой участок стены, образовался еще один пролом, через который отряд воинов из 50 человек во главе с армянином Иоанном проникли в крепость. Вошедшие в город солдаты с громким боевым кличем ринулись в бой в надежде на то,

что остальное войско последует за ними и Петра будет взята. Однако, не имея соответствующего приказа, люди Дагисфея остались на своих местах, и воины Иоанна, многие из которых получили ранения, были вынуждены отступить.

Чтобы выиграть время и дожидаться подхода армии Мермероя, командир персидского гарнизона, происходивший из знатного иранского рода Михран, вступил с Дагисфеем в переговоры, обещая в скором времени (после согласования ряда деталей) сдать Петру без боя. После этого осада города вообще была прекращена.

Пока шла безуспешная осада Петры, войско Мермероя успешно преодолело свой путь и находилось на подступах к городу. Узнав об этом, Дагисфей тут же снял осаду и отступил на север, стремясь, по всей видимости, укрыться на правом берегу Фасиса; в арьергарде византийского войска шел отряд цанов. Увидев, что византийцы уходят от Петры, персы попытались совершить вылазку с целью грабежа брошенного со всем имуществом лагеря, однако цаны заметили это. Они заставили противника отступить и, видимо, будучи сильно обозленными на Дагисфея и всех византийцев вместе взятых из-за неудачной осады, лишившей их богатой добычи, разграбили и сожгли византийский лагерь. Забрав с собой все, что было можно, цаны ушли домой.

Так непростительное бездействие Дагисфея спасло Петру от взятия византийцами. Ярким подтверждением полководческой бездарности этого военачальника служит и тот факт, что, войдя в Петру, Мермерой обнаружил здесь всего 500 оставшихся в

живых воинов, причем около 350 из них имели различные ранения, в том числе и тяжелые; иначе говоря, менее пяти сотен персов сумели выдержать осаду восьмитысячного византийского войска. Мермерой имел все основания сказать, что «государство ромеев достойно слез и стенаний, ибо они дошли до такого бессилия, что никак не могли одолеть полторы сотни персов, даже не защищенных стенами» (Proc. *Bell. Pers.* II. 30. 17).

Персы отремонтировали поврежденные при штурме укрепления Петры и оставили в ней новый трехтысячный гарнизон. После этого персидская армия двинулась обратно, но во время прохождения по горным районам Лазики она постоянно подвергалась внезапным нападениям со стороны ромеев и лазов. Кроме того, многочисленному войску Мермероя крайне не хватало продовольствия, и о том, чтобы снабдить им еще и гарнизон Петры, в сложившейся ситуации не могло быть и речи. По этим причинам Мермерой решил покинуть пределы Лазики, оставив здесь только пятитысячное войско во главе с Фабризом.

Воины Фабриза расположились лагерем на южном берегу Фасиса и занялись грабежом близлежащих лазских селений с целью пополнения продовольственных запасов Петры, однако место для лагеря Фабриз выбрал крайне неудачно: как раз здесь Фасис можно было легко перейти вброд, о чем персы не подозревали. Этой оплошностью и воспользовались их противники: внезапно перейдя реку, лазы одновременно с ромеями ударили по персидскому лагерю.

Воины Фабриза спали, когда ранним утром на них обрушились войска Дагисфея и Губаза общей чис-

ленностью 14 тысяч человек. Персидское войско было почти полностью уничтожено. В руки победителей попали весь обоз, боевые знамена, большое количество оружия, денег, лошадей, мулов. В результате успешно проведенной операции позиции персов в Лазике были временно ослаблены.

В 550 г. в Лазику вторглось большое персидское войско во главе с Хорианом — полководцем, «очень опытным во всех военных делах» (Proc. *Bell. Goth.* VIII. 1). Под его началом находился и многочисленный отряд союзных персам алан. Против персов выступило объединенное византийско-лазское войско под командованием Дагисфея и царя лазов Губаза. Обе армии расположились в районе Мухирисиса, на противоположных берегах реки Гиппис. Ромеи и лазы решили перейти Гиппис и атаковать первыми.

В произошедшем сражении ромеи, осознавая превосходство персидской конницы, спешили и действовали, выстроившись глубокой фалангой. Не имея возможности прорвать вражеский строй с помощью тяжелой кавалерии, персы и аланы начали обстреливать противника из луков. Тем же отвечали ромеи и лазы. Событием, решившим судьбу сражения, стала гибель от одной из стрел персидского военачальника. После этого персы и аланы бежали с поля боя и были вынуждены возвратиться в свои пределы.

Однако этот успех не смог спасти Дагисфея от императорской опалы, вскоре из-за неудачной осады Петры годом раньше он был обвинен в сговоре с персами и заключен в тюрьму. Место Дагисфея занял полководец Бесс.

Новый командующий попытался исправить ошибку своего предшественника и с шеститысячным войском осадил Петру, гарнизон которой насчитывал 2300 воинов. Ромеи находились в трудном положении: подвести к крепости тараны было невозможно из-за того, что ее стены находились на крутых склонах, а сделанный подкоп не привел к обрушению участка укреплений. Выручили Бесса находившиеся в византийском войске сабиры, соорудив тараны особой конструкции (они имели небольшой вес, и потому их можно было вручную подтащить к стене, невзирая на неровность рельефа). Однако даже такой ход ромеев не поставил персов в тупик: они стали забрасывать рушивших стены врагов сосудами с зажигательной смесью, и дело византийцев оказалось на грани краха.

Бесс был вынужден лично повести своих воинов на штурм. На другом участке стены, который персы считали неприступным, отряд армян незаметно взобрался на укрепления и начал теснить противника. В итоге город был взят. Оставшиеся в живых персы засели в цитадели; после отклонения предложения сдаться они подверглись обстрелу зажигательными снарядами и сгорели заживо. Укрепления Петры были разрушены, а немногочисленные пленные отправлены в Константинополь.

Весной 551 г. персы во главе с Мермероем направились было к Петре, но, узнав о произошедших там событиях, подступили к Археополю и осадили его. Находившиеся в войске персов сабиры соорудили переносные тараны того же типа, что и год назад под Петрой. Осаждающие подвергли ромеев ураганному обстрелу из луков, забрасывали их дротиками. Как

пишет Прокопий Кесарийский, «со всех сторон дела римлян были плохи, везде грозили им опасности, и они испытывали самые тяжелые бедствия» (Прос. *Bell. Goth.* VIII. 14). Но в критический момент боя византийцы совершили вылазку, застав противника врасплох; к тому же взбесились находившиеся в персидском войске слоны. Следствием этого стало всеобщее отступление персов, завершившееся их отходом в Мухирисис.

Тем временем в Константинополе шли переговоры между Юстинианом и послом Хосрова Исдигусной о заключении мира. В результате к 552 г. стороны договорились о пятилетнем перемирии с тем, чтобы за это время урегулировать свои отношения по поводу Лазики и сарацин. Кроме того, империя обязывалась выплатить персам 26 кентинариев золота.

Перемирие было весьма негативно оценено византийской элитой, считавшей, что за эти пять лет персы так укрепятся в Лазике, что изгнать их оттуда впоследствии будет невозможно. Усилили эти настроения и произошедшие вскоре события: персы обманым путем овладели крепостью Уфимерей, взяв, таким образом, под свой контроль большую часть Лазики. Многие лазы, видя происходящее, поддавались на увещевания персов, подкрепляемые к тому же задачами продовольствия, и переходили на их сторону. В результате в течение 552—553 гг. положение персов в Лазике стало более прочным, нежели в предшествующие годы.

Показательно, что обе стороны не спешили соблюдать достигнутое перемирие. Инициатива в возобновлении боевых действий принадлежала персам,

поскольку Юстиниан был занят обороной границы на Дунае и отнюдь не горел желанием ввязываться в конфликт на востоке.

В 554 г. в Лазику вновь вступила персидская армия во главе с Мермером. Против него действовало византийское войско под командованием Мартина и его полководцев — Бесса, Бузы и Юстина. Опорным пунктом византийцев являлся город Телефис, где находился гарнизон под руководством Мартина. Все горные проходы, ведущие к Телефису, были взяты под усиленную охрану; опасные участки, где наладить охрану было трудно или невозможно, заблокировали завалами, засеками и т. п. Таким образом, Телефис превратился в неприступную крепость с развитой системой оборонительных сооружений. Взять город обычным путем было невозможно.

И тогда Мермерой пошел на хитрость. Публично было объявлено, что персидский полководец тяжело болен, а чуть позже возникли все усиливавшиеся слухи о его смерти, причем умершим Мермероя считали даже многие из приближенных к нему людей. Находившиеся в персидском лагере византийские шпионы, естественно, сообщили об этом командирам телефисского гарнизона. Эффект был именно тот, на который и рассчитывал Мермерой: византийские воины, узнав о его «смерти» и считая, что персы, оказавшись без полководца, не отважатся на какие-либо активные действия против Телефиса, стали терять бдительность, все меньше и меньше обращая внимание на противника, деморализованного, как им казалось, смертью своего командира.

Внезапно Мермерой, скрывавшийся в почти никому неизвестном месте, «ожил». Воодушевленные его появлением персидские войска стремительным марш-броском преодолели оставленные византийцами без присмотра укрепления на подступах к Телефису и осадили сам город.

Теперь ситуация резко изменилась, и в безвыходном положении оказался византийский гарнизон в Телефисе. Долго сопротивляться войску Мермероя город не мог, в связи с чем Мартин принял решение оставить Телефис и отступать к Олларии (Хитрополии), где стояли войска Бесса и Юстина. Но стремительность и неожиданность действий Мермероя нарушили все планы византийских военачальников. Арьергард, прикрывавший отход армии Мартина из Телефиса к Олларии, не смог сдержать натиск персов и ворвался в византийский лагерь под Олларией вместе с преследовавшими их персидскими всадниками. Началась паника, которой поддались не только отступавшие из Телефиса, но также воины Бесса и Юстина. Очень быстро отступление переросло во всеобщее бегство. Бежавшие от Мермероя византийские части остановились лишь у Острова — города, построенного на искусственном острове в междуречье рек Фасис и Докон в 150 стадиях от Телефиса. Как с нескрываемым сарказмом пишет об этом Агафий, «такой дневной переход совершили эти благородные воины в своем поспешном бегстве» (Agath. II. 21).

Достигнув значительного тактического успеха, Мермерой решил не осаждать Остров: слишком мощными были укрепления города, да и содержание достаточно многочисленного войска под его стенами дли-

тельное время (а осада Острова явно заняла бы не одну неделю) явилось бы трудно выполнимой задачей — персы были не готовы к столь быстрому продвижению и, оказавшись в глубине вражеской территории, слишком растянули свои коммуникации. Однако для сохранения контроля над прилегающим к Острову районом в крепости Оногурис (севернее Острова, неподалеку от Археополя) Мермерой разместил большой гарнизон; остальное войско отошло на контролируемую персами территорию в Иберии. Сам Мермерой со своей свитой и частью армии прибыл в Котайский, где, к радости византийцев и великой скорби соотечественников, вскоре скончался.

Современник описываемых событий, византийский историк Агафий из Миринеи, высоко оценивал Мермерю как военного деятеля:

Это был человек величайшего ума, сделавшийся виднейшим среди персов, мужественный духом. Будучи уже престарелым и издавна хромая на обе ноги, он не мог ездить верхом, но лишения переносил, как сильнейший юноша, и не отказывался ни от каких подвигов, появлялся часто в строю, носимый на носилках, и этим внушал страх врагам и поднимал дух своих. Распоряжаясь всем должным образом, он одержал много побед (Agath. II. 22).

Вместо Мермерю в Лазику для командования войсками был послан полководец Нахогаран.

А тем временем византийское войско, основной лагерь которого был разбит неподалеку от Археополя, готовилось к осаде Оногуриса. Взятие этой крепости было крайне важным для империи, поскольку

Оногурис после успешного рейда Мермероя превратился в удобный плацдарм для дальнейшего расширения персидской сферы влияния в Западном Закавказье. Сведения о появлении в Иберии Нахогарана ускорили приготовления византийцев. Осада Оногуриса началась.

На помощь осажденным из Котаисия двинулся конный отряд, насчитывавший 3 тысячи всадников, во главе с самим Нахогараном. Об этом быстро стало известно византийской разведке, и для предупреждения появления под Оногурисом персов против них был выслан отряд под командованием варваров Дабрагеца и Усигарда.

Воины Дабрагеца и Усигарда несмотря на свою малочисленность (всего 600 всадников), внезапным ударом сумели обратить отряд Нахогарана в бегство, и штурм Оногуриса едва не увенчался успехом; воодушевленные известием об успехах своих товарищей, византийцы в ряде мест уже вошли на стены и начали проникать внутрь города. Однако вскоре ситуация резко изменилась; солдаты Нахогарана пришли в себя, сориентировались в обстановке и, поняв, что неожиданно ударивший по ним отряд насчитывает всего несколько сотен всадников, перешли в контратаку и заставили Дабрагеца и Усигарда отступать, преследуя их по пятам. Вскоре оба отряда — и преследуемые воины Дабрагеца—Усигарда, и преследовавшие их всадники Нахогарана — практически одновременно ворвались в лагерь византийцев. Находившиеся здесь войска вместе со своими командирами в панике бросились бежать, ни о какой осаде никто из них уже не помышлял. В довершение всех

бед на помощь атакующим византийцев всадникам выступил отряд из Оногури-са и ударил по отступавшим, усугубив их и без того сложное положение. Бегство византийцев было настолько беспорядочным и поспешным, что они пронесли-сь через свой прежний лагерь под Археополем, бросив весь находившийся здесь обоз.

Победа персов была полной. Еще более блестящей делал ее тот факт, что в потерпевшей поражение византийской армии насчитывалось не менее 50 тысяч воинов, т. е. в 16 (!) раз больше, чем в отряде Нахогарана.

Тем временем приближалась зима, а потому противоборствующие стороны были вынуждены оставить театр военных действий и рассредоточиться по своим крепостям до следующей летней кампании.

В начале весны 555 г. Нахогаран вновь начал активную подготовку к продолжению боевых действий в Лазике. Персидское войско стягивалось в Мухирис, куда прибыл и сам Нахогаран. На сей раз его силы насчитывали 60 тысяч человек. Византийцы под командованием Мартина сконцентрировали свои части в районе Острова.

Первое столкновение произошло между двухтысячной дружиной сабир, находившейся на византийской службе, и персидским отрядом дейлемитов, состоявшим из трех тысяч воинов. Дейлемиты были специально направлены Нахогараном для уничтожения находившихся в засаде сабир. Однако внезапно атаковать противника им не удалось: проводник из местных лазов завел отряд дейлемитов в непроходимую лесную чащу и под покровом ночи скрылся,

чтобы предупредить ничего не подозревавших гуннов о грозящей им опасности. Когда дейлемиты, наконец, сумели все же выбраться из лесных дебрей и приблизились к лагерю сабир, то были неожиданно атакованы. Спаслись лишь около тысячи воинов, которые беспорядочно бежали в свой лагерь.

Тем временем персидская армия подошла к Острову. Здесь полководцы враждующих сторон — Нахогаран и Мартин — вступили в переговоры. Перс потребовал у Мартина очистить Колхиду от византийских войск и вывести их в район Трапезунда, т. е. за пределы Лазики. В ответ Мартин заявил, что более целесообразным был бы уход персов в Иберию и дальнейшее решение конфликта путем переговоров. Командующие были непреклонны, и ни о каких взаимных уступках в такой ситуации не могло быть и речи. Переговоры закончились ничем, и обе армии стали готовиться к сражению.

Теперь целью персов стал город Фасис (совр. Потти), стоявший в устье одноименной реки при ее впадении в Черное море. Нахогаран рассчитывал на быструю и легкую победу, поскольку деревянные стены Фасиса были довольно ветхими, да и в количественном отношении персидская армия превосходила византийскую. Узнав о планах персидского командования, Мартин отошел в Фасис и приготовился к обороне города. Вскоре к Фасису прибыла и армия Нахогарана.

Положение оборонявшихся было очень сложным. Уже в первый день осады многие защитники Фасиса были ранены, а предпринятая ими под руководством Феодора (командира отряда тяжеловооруженных ца-

нов) вылазка едва не закончилась гибелью совершавшего ее отряда. Персы же успешно пресекали все попытки защитников Фасиса оказать какое-либо сопротивление и готовились к решающему штурму, засыпая камнями и бревнами окружавший город ров, готовя осадные машины и другие необходимые приспособления.

Для укрепления боевого духа своих воинов Мартин прибег к хитрости. Он собрал все войско на городской площади и вслух прочел якобы только что полученное послание Юстиниана. Для пущей убедительности письмо Мартину «от императора» у всех на виду передал из рук в руки никому не известный человек, выглядевший очень усталым и покрытый толстым слоем пыли, и, естественно, все присутствовавшие приняли его за гонца. В письме говорилось о том, что на помощь осажденным идет большое войско, равное по численности гарнизону Фасиса. По словам «гонца», оно находилось на расстоянии четырех парсангов (или 120 стадий), т. е. одного дневного перехода.

Перспектива разделить возможную победу над персами и, следовательно, богатую добычу с подошедшим в последний момент войском не обрадовала воинов Мартина. Уловка полководца удалась: византийцы, воспрянув духом, загорелись желанием расстроить планы персов и нанести им поражение до подхода направленной, как они считали, на помощь Фасису армии.

Последствия хитрости Мартина оказались еще более далеко идущими, чем предполагал он сам. Известие о якобы находившемся поблизости крупном

византийском войске благодаря шпионам проникло и в лагерь персов. Для предупреждения возможной атаки Нахогаран направил против мифической армии значительный по численности отряд.

Заняв наиболее выгодные места и устроив засады, они ожидали тех, которые вовсе не должны были прийти... Таким образом, понапрасну трудился небольшой отряд персов, оторванный от остального войска (Agath. III. 24).

Кроме того, один из византийских военачальников — Юстин — с пятью тысячами всадников в полном вооружении незаметно для персов (в чем, скорее, была не заслуга Юстина, а вина персидской разведки) покинул Фасис и отправился в находившийся неподалеку от города храм для богослужения. Таким образом, отряд Юстина стал своего рода скрытым от персов резервом, способным появиться в тылу осаждающих Фасис войск в самый неожиданный момент.

Тем временем персы приступили к штурму. Воины Мартина и жители Фасиса проявляли чудеса храбрости, успешно обороняя город от персов. И тут в самый разгар боя к городу приблизился возвращавшийся с молебна отряд Юстина. Быстро разобравшись в обстановке, Юстин выстроил воинов в боевой порядок и с тыла обрушился на осаждавших город персов. Удар был мощным и неожиданным. В пылу боя, не имея никаких сведений об атаковавшем их отряде, персы подумали, что на них напало именно то большое войско, которое было послано Юстинианом на помощь гарнизону Фасиса.

Начался отход персидского войска от города. Постепенно отступавшие приблизились к своему главному лагерю, где разыгралось сражение между выступившей из Фасиса византийской армией и войском Нахогарана. Левый фланг персов дрогнул под натиском византийцев и уже готов был начать отступление, открыв противнику путь в тыл всему персидскому войску. Но находившиеся на правом фланге отряды боевых слонов наносили византийцам большой урон, и те начали медленно отходить.

Это был критический момент сражения. Для обеих сторон все могла решить простая случайность. И ею стал поступок византийского воина Огнариса — оруженосца Мартина. Находясь в окружении персидских всадников и атакуемый одним из слонов, Огнарис в отчаянии метнул в животное дротик. Удар пришелся слону в голову, нанеся при этом глубокую и болезненную рану. Обезумевший от боли зверь стал носиться по рядам персов, приведя в смятение весь их правый фланг. Испуганные лошади не слушались своих седоков и яростно металась, усиливая начавшийся после удачного броска Огнариса беспорядок, который буквально на глазах перерос в настоящий хаос. Вслед за правым флангом паника охватила остальную часть персидского войска, постепенно оно начало пятиться назад, а затем отступление перешло в бегство. Римская кавалерия преследовала и безжалостно уничтожала бегущих персов, утративших всякую способность обороняться, усталых и растерянных. Потери армии Нахогарана были очень велики: на поле боя осталось лежать не менее 10 тысяч павших персид-

ских воинов. Византийцы же потеряли убитыми всего лишь немногим более 200 человек.

После поражения Нахогаран отступил к Котайсию и Мухирису, оставив в тылу заслон из дейлемитской пехоты во избежание преследования со стороны византийских войск, находившихся в Фасисе. Назначив командующим персидскими частями, расположенными в Лазике, знатного перса по имени Вафриз, сам Нахогаран со свитой вернулся на зимний период в Иберию.

Кампания 555 г. не принесла персам желаемых результатов; в то же время византийцы сумели отразить их вторжение и не допустить захвата персами Лазики и (в случае взятия Фасиса) выхода в Черное море. В стратегическом отношении успех оказался на стороне Византии.

Весной 556 г. четырехтысячное византийское войско под командованием армянина Бораза и лаза Фарсанта отправилось в поход против мисимиян — народа, проживавшего в северной части Лазики, на границе с аланами. Причина этой акции заключалась в том, что незадолго до того мисимияне заключили союз с персами и уничтожили византийское посольство, направленное к ним для решения вопроса о передаче одного из пограничных укреплений мисимиян аланам. Предполагалось, что чуть позже направленное против мисимиян войско возглавит Мартин.

По пути к назначенной цели византийцы встретили направленный (в соответствии с одним из условий недавно заключенного договора) на помощь мисимиянам отряд персов, включавший и подразделения самих мисимиян. Бораз и Фарсанта решили не рисковать

и рассредоточили свои боевые части в ряде крепостей на границе владений мисимиян. Обе стороны заняли выжидательную позицию и делали ставку на успешные ответные действия в случае ошибки противника.

Первыми свой шанс получили византийцы. Их разведка сообщила о том, что находящийся на службе у персов отряд сабир в количестве примерно 500 человек занял позицию вдаль от основного войска, не соблюдая при этом каких-либо мер предосторожности. Этим и решили воспользоваться византийские командиры Максенций и Феодор. Возглавляемый ими отряд из 300 всадников незаметно приблизился к окруженному невысокой (примерно в рост человека) стеной вражескому лагерю и начал метать в противника копья, стрелы, камни и другие снаряды. Застигнутые врасплох, сабиры не смогли оказать почти никакого сопротивления. В результате их отряд был почти полностью уничтожен; спастись удалось лишь нескольким десяткам человек, сумевшим перелезть через стены и скрыться в находящихся неподалеку лесных зарослях. Направленный на помощь союзникам двухтысячный конный отряд персов опоздал — византийцы уже вернулись в свой лагерь.

Отличились и воины полководца Юстина, стоявшего со своей армией под Островом. Юстин направил 2 тысячи всадников во главе с гунном Эльминзуром к Родополю, захваченному еще Мермероем. Подойдя к городу, Эльминзур обнаружил, что персы находятся вне городских стен и совершенно не готовы к обороне: занимаются хозяйственными и другими делами в окрестностях Родополя. Воины Эльминзура беспрепятственно вошли в город, а затем занялись

поиском и уничтожением рассредоточившихся вокруг Родополя персов. В результате сам город был возвращен империи, а находившийся в нем персидский гарнизон почти полностью уничтожен.

С наступлением осени персы оставили занятые ими пункты и отошли на зимнее время в Котаисий и Иберию. Таким образом, военные события 556 г. ограничивались незначительными столкновениями локального значения, исход которых был в пользу Византии.

Тем временем произошли важные изменения в командовании обеих армий. Мартин был смещен Юстинианом со своего поста за причастность к убийству царя лазов Губаза, поддерживавшего византийцев в их борьбе с персами, и на его место был назначен Юстин. У персов же был казнен Нахогаран за неудачу при попытке овладеть Фасисом и последовавшее затем позорное отступление.

Кроме того, обе державы были сильно истощены длившейся уже несколько десятилетий войной, в которой решительного успеха, несмотря на все усилия, не добилась ни одна из сторон. Хотя персы сумели захватить целый ряд территорий в Закавказье и Передней Азии, это далось им дорогой ценой. Как справедливо отмечал Агафий, византийцы, «владея морем, легко посылают туда [т. е. в Закавказье. — *В. Д.*] все, в чем нуждаются, он же [*Хосров. — В. Д.*] вынужден с величайшим трудом длинными и пустынными путями посылать в свои лагерь даже небольшое количество продовольствия при помощи носильщиков и вьючных животных» (Agath. IV. 31).

Инициатором переговоров стал Хосров. В 557 г. он направил в Константинополь посольство во главе

со знатным персом по имени Зих. Во время встречи последнего с Юстинианом была достигнута договоренность об установлении перемирия. Обе стороны сохраняли за собой в Лазике все то, «что получили по праву войны, будь то города или укрепления» (Agath. IV. 31). Византия и Персия были также обязаны соблюдать мир и воздерживаться от враждебных действий в отношении друг друга до тех пор, пока между державами не будет заключен окончательный, «более прочный и совершенный» (Agath. IV. 31) мир. Мирный договор сроком на семь лет, подведший итоги войне 540—557 гг., был подписан в 563 г. Он сохранял основные условия соглашения 557 г. и, таким образом, закреплял положение, сложившееся к тому времени в Лазике и Передней Азии. Кроме того, Персия брала на себя обязательство охранять горные проходы на Кавказе от нападений северных кочевников, за что Юстиниан согласился выплачивать Сасанидам ежегодно 500 фунтов золота и при подписании договора передал представителям Хосрова сумму в 3,5 тысячи фунтов золота за семь лет вперед.

Установившийся мир обе державы использовали традиционным способом: укреплением своих позиций и плетением интриг с целью ослабить положение противника перед лицом неизбежных грядущих столкновений. В середине 560-х—начале 570-х гг. Хосров смог укрепиться на Кавказе, возведя в Дербенте новые мощные укрепления для защиты своей территории от вторжений кочевников с севера, захватить Йемен на Аравийском полуострове с целью установления контроля над морской торговлей с Индией, разгромить эфталитов и расширить среднеазиатские владения Пер-

сии до Амударьи, за которой начинались владения тюрков, создавших здесь мощную державу.

Византия также проводила подготовку (правда, не столь успешную) к будущей войне, в скором начале которой никто не сомневался. Вступивший в 565 г. на престол племянник и преемник Юстиниана император Юстин II (565—578) пытался вступить в союз с тюрками и использовать их орды против Персии, однако из его затеи ничего не вышло: к концу 560-х гг. Тюркский каганат ослабел и уже не мог оправдать ожиданий Византии. Кроме того, вскоре после смерти Юстиниана были утрачены почти все владения империи на Апеннинском полуострове; большую их часть захватили лангобарды, и под контролем Константинополя осталась лишь южная часть Италии, что было симптомом начинавшегося развала созданной Юстинианом державы.

Большого успеха византийская дипломатия добилась на южном направлении; здесь был заключен союзный договор с царем южно-аравийского племени химьяритов Арефой, по которому последние обязывались совершать набеги на Персию и не вступать с ней в какие-либо мирные отношения. В дополнение к этому Юстин отказался выплачивать персам ежегодную сумму в 500 фунтов золота за охрану ими от вторжений кочевников кавказских проходов.

Каплей же, переполнившей чашу терпения Хосрова, стала попытка Юстина вмешаться в персидско-армянские отношения, император явно не рассчитал своих сил и недооценил решимости Хосрова к возобновлению военных действий. Дело в том, что в 571 г. в Персоармении вспыхнуло антисасанидское восста-

ние, поводом к которому стала попытка персидских властей возвести в Двине (административном центре Персоармении) зороастрийский храм огня. Восставшие, будучи не в состоянии сопротивляться персам, обратились за помощью к Юстину, и тот без тщательного анализа ситуации и какой бы то ни было подготовки объявил о принятии всех армян, проживающих на контролируемой Ираном части Армении, в византийское подданство. Протесты персидских послов Юстин высокомерно отверг, более того, он открыто заявил, что империя не считает для себя необходимым соблюдать условия заключенного восемь лет назад мирного договора. Так между Ираном и Византией началась новая война.

Летом 572 г. в Месопотамию в качестве командующего восточной армией был отправлен племянник Юстиниана Маркиан. Прибыв в Осроену, он набрал небольшой отряд из трех тысяч воинов и неожиданно для персов вторгся в Арзанену. Эффект внезапности византийцы использовали с максимальной пользой: Арзанена была разорена и разграблена, а войско Маркиана вернулось домой с богатой добычей.

Весной 573 г. Маркиан вновь совершил вторжение в пределы Персидской державы. На этот раз плацдарм для нападения находился севернее — им стала Дара. Выйдя из Дары, армия Маркиана углубилась в персидские владения, однако на ее пути оказалось войско персов, подошедшее сюда из-под Нисибиса. В произошедшем сражении византийцы одержали победу и, преследуя противника, подошли к крепости Фебофон, взять которую с ходу, однако, не удалось, что заставило их покинуть пределы Персии.

После возвращения в Дару и кратковременного отдыха Маркиан получил от императора письмо с приказом о немедленном начале нового наступления с целью захвата Нисибиса. При этом отправить на Восток какие-либо подкрепления Юстин не считал нужным. Тем не менее нарушить волю императора Маркиан не мог и дал войску приказ готовиться к очередному походу.

Подойдя к городу, ромеи оказались в сложном положении; взять Нисибис в сплошное кольцо блокады они не могли по причине своей малочисленности, гарнизон же персов (к тому же укрывшийся за неприступными стенами) был, напротив, достаточно значительным. Прекрасно понимая, что для взятия Нисибиса Маркиану явно не хватает людей, персы в насмешку над противником даже не потрудились запереть городские ворота, демонстрируя тем самым полное пренебрежение ко всем попыткам византийцев овладеть городом.

Узнав о том, что византийская армия увязла под Нисибисом, Хосров не стал терять времени и, используя ошибку Юстина, поставившего перед Маркианом заведомо невыполнимую задачу, предпринял ответные меры. Согласно разработанному персами плану, их армия, перейдя границу империи в районе Киркессия, разделилась: одна ее часть в количестве шести тысяч воинов во главе с полководцем Адорманом, уничтожая все на своем пути, двинулась в направлении Антиохии; вторая же под командованием самого царя подступила к Даре и осадила ее.

Подойдя к столице Сирии, персы, не имея возможности столь незначительными в данной ситуации

силами взять город, разграбили и сожгли антиохийские предместья. Двинувшись затем от Антиохии на юг, Адорман подошел к Апамее. Жители города, опасаясь за свою судьбу, попытались решить дело мирным путем, пообещав персам большой выкуп. Выслушав представителей горожан и приняв от них дары, Адорман пообещал выполнить их просьбу и за хороший выкуп отвести от города свое войско. Однако через три дня, когда горожане были заняты сбором средств для Адормана, персы внезапно ворвались в Апамею и учинили в ней страшный погром. После разграбления города войско Адормана с большим количеством пленников и богатой добычей беспрепятственно двинулось на соединение с армией Хосрова.

Неизвестно, знал ли Маркиан о действиях противника, но он не оставил Нисибис и продолжал его безуспешную осаду. Трудно сказать, сколько еще времени византийская армия находилась бы под стенами Нисибиса, однако ход событий был ускорен внешними обстоятельствами. И без того деморализованное неудачной осадой войско ждал новый удар. Юстин, раздраженный неумелым, по его мнению, командованием Маркиана, направил к нему своего представителя с приказом немедленно оставить занимаемый пост и отбыть из-под Нисибиса. Маркиан безоговорочно выполнил предъявленные ему предписания и покинул расположение своей армии. Однако популярность его среди воинов была столь велика, что в ближайшие дни почти все командиры среднего и высшего уровня осаждавшей Нисибис армии в знак протеста против решения Юстина и не желая служить под командованием какого-либо другого военачальника оставили

войско. В результате армия просто развалилась, так и не сумев добиться сколько-нибудь серьезного успеха в этой «смешной осаде» (Euaag. V. 9). Из-за непродуманной и безответственной политики Юстина империя лишилась единственного боеспособного войска на своей восточной границе.

Пока происходили описанные выше события, армия Хосрова осаждала Дару. Дело шло полным ходом, когда у стен крепости появился вернувшийся из Сирии Адорман. Прибытие его войска еще более воодушевило атакующих, боевой же дух осажденных оставлял желать лучшего: помощи ждать было неоткуда, а своих сил недостаточно. Объединившееся персидское войско полностью блокировало Дару: были возведены осадные сооружения (валы, рвы, стены), отведена вода из крепостного рва, на созданные персами искусственные возвышения установлены осадные машины для обстрела оборонявших стены воинов. И, несмотря на то что Дара представляла собой мощную крепость, сопротивление ее защитников вскоре было сломлено (хотя поговаривали и об измене); город был взят штурмом, его жители частью перебиты, частью захвачены в плен. Поскольку стратегическое положение Дары было исключительно выгодным, Хосров решил не разрушать крепость. Отремонтировав пострадавшие при осаде укрепления, персы оставили в Даре крупный гарнизон.

Таким образом, итоги летней кампании 573 г. для Византии были весьма удручающими: она не только не одержала ни одной более или менее значительной победы, но и сама понесла серьезный урон, лишившись Дары — ключевого пункта византийской оборонительной системы в Месопотамии.

Падение Дары стало для Юстина страшным ударом. Император был настолько убит горем, что добровольно назначил своим соправителем Тиберия, командира императорской гвардии, поскольку не чувствовал в себе сил для управления государством.

Пока в Константинополе происходили эти события, Хосров, несмотря на свой уже весьма преклонный возраст, продолжал энергично руководить боевыми действиями. В 574 г. персидская армия, пройдя Армению, вторглась в Каппадокию и направилась к ее центру — Кесарии. Трудно сказать, чем могла закончиться осада города и вся кампания, если бы не активные действия византийского военачальника Юстиниана (племянника покойного императора Юстиниана), преградившего своим войском путь рвущейся к Кесарии армии Хосрова. Это было полной неожиданностью для персов, и в течение нескольких дней Хосров размышлял, как ему поступить: вступить в бой с византийской армией или же, поскольку сражение перед осадой такого крупного города, как Кесария, не входило в его планы, отступить. Размышления царя были прерваны решительными шагами Юстиниана, по его приказу воины ринулись в атаку и опрокинули левый фланг противника, захватив почти весь обоз с находившимися там царскими сокровищами и другими ценностями. Остальное войско персов, чтобы избежать удара с тыла, было вынуждено оставить свои позиции. Однако византийцы, вместо того чтобы преследовать и окружить врага, занялись грабежом брошенного им имущества, позволив тем самым персидским войскам перегруппироваться и организованно отступить.

Дождавшись наступления сумерек, Хосров попытался переломить ситуацию и с этой целью пошел на хитрость. Персы зажгли в своем лагере яркие костры, создавая у византийцев иллюзию, что готовятся к ночлегу. Сами же тем временем под покровом темноты незаметно подобрались к одному из двух византийских лагерей и внезапно его атаковали. Ошеломленные неожиданным нападением, не понимая, что происходит, и не зная, откуда в следующий миг их настигнет смертельный выстрел из лука или удар меча, воины Юстиниана бросились искать спасения бегством.

Захватив лагерь, персы так же стремительно подошли к находившемуся неподалеку городу Мелитене и овладели им почти без боя. Разграбив город, войска Хосрова двинулись обратно, надеясь беспрепятственно переправиться через Евфрат и спокойно вернуться домой (как это уже было примерно в такой же ситуации при Шапуре II, во время ночного сражения под Сингарой в 348 г.). Царь полагал, что после жестокого поражения византийцы оправятся не скоро и не смогут помешать его намерениям. Но решительность и военный талант Юстиниана вновь спутали планы Хосрова: византийское войско перешло в контратаку и начало преследование отступавших к Евфрату персов. Вынужденные форсировать Евфрат под градом стрел при постоянных атаках византийской пехоты, персидские войска понесли большие потери. Хосров сумел переправиться на левый берег реки на слоне, однако далеко не всем его воинам удалось последовать за своим царем: многие из них остались лежать на берегу Евфрата или были поглощены его водами. Исполненный решимости продолжать насту-

пление, Юстиниан вслед за персами пересек Евфрат и вступил на персидскую территорию. Опустошив приграничные районы Персии, византийцы закрепились в одном из захваченных городов и провели на вражеской территории всю зиму 574/75 г.

Результатом военных событий 574—575 гг. стало стремление обеих держав к заключению перемирия, поскольку каждая из сторон нуждалась в передышке для наведения порядка в системе пограничной обороны. В итоге в 575 г. между Византийской империей и Персией было заключено соглашение о перемирии сроком на один год. Все это время прошло в подготовке к возобновлению войны: Тиберий стягивал к персидской границе войска из восточных провинций империи, выплачивая воинам хорошее жалование и обещая платить еще больше в случае победы над противником, а Хосров наращивал численность своей армии и планировал свои шаги на ближайшую перспективу.

Возобновившиеся в 576 г. боевые действия развивались не очень успешно для Византии. Персы нарушили мир первыми и перешли византийскую границу в районе Дары, предполагая продвигаться в глубь владений империи. Командовавший восточной армией Юстиниан не смог ни препятствовать вступлению противника на защищаемую им территорию, ни разгромить вторгшееся войско. В то же время, как показал опыт первых же столкновений, и персы не обладали достаточным для разгрома армии Юстиниана количеством сил. Это подвигло обе стороны к новым переговорам. Их результатом стало заключение нового перемирия, но уже сроком на три года и имевшего к тому же весьма своеобразный характер: противо-

борствующие стороны отказывались от ведения боевых действий в Месопотамии, однако осуществление военных операций на территории Армении не возбранялось. Иначе говоря, соглашение 576 г. означало лишь перенесение театра военных действий из Междуречья в Закавказье. Многострадальная армянская земля вновь стала местом выяснения отношений двух могущественных соседей, предпочитавших не подвергать опасностям военного времени свои собственные владения.

Война в Армении шла с переменным успехом, однако удача все чаще и чаще оказывалась на стороне Персии. Фортуна явно отвернулась от Юстиниана, несмотря на все усилия, он не только не мог добиться решительной победы, но и, более того, сам терпел неоднократные поражения. В итоге Тиберий был вынужден в 578 г. сместить Юстиниана с должности стратига и поставить на его место полководца Маврикия. Однако время было упущено, и пока Тиберий решал кадровые вопросы, персы, нарушив перемирие, внезапно перебросили свои войска из Армении в Месопотамию. Оказать им сопротивление было некому, и персидская армия почти беспрепятственно разоряла византийские владения в районе городов Константины, Феодосиополя и Амиды.

Узнав о вторжении персов, новый стратиг ринулся было вслед за противником в надежде застать его в Месопотамии и предотвратить дальнейшие бесчинства на территории империи. Но было уже поздно: персидское войско, узнав о приближении Маврикия, заблаговременно покинуло опустошенную территорию и ушло за Евфрат. Единственное, что оставалось сде-

лать византийцам, — совершить ответный набег, поскольку вероломное вторжение армии Хосрова вызывало возмущение не только у командования, но и у рядовых воинов, да и сам Маврикий не хотел начинать свою военную карьеру на востоке с неудачи.

Летом 578 г. его армия вторглась на территорию Арзанены. Было взято и разрушено несколько крепостей, захвачено более 10 тысяч пленных, переселенных впоследствии на Кипр. Из Арзанены Маврикий двинулся обратно, но по окружному пути, пройдя мимо Нисибиса и взяв Сингару. Поздней осенью 578 г. войско вернулось домой.

Конец 578 и начало 579 гг. для обеих держав (и особенно для Персии) стали временем серьезных перемен. Осенью 578 г., когда армия Маврикия еще совершала свой рейд по персидской территории, тяжело больной Юстин назначил Тиберия императором, и тот стал полновластным правителем империи (578—582). Спустя несколько месяцев, в феврале 579 г., в Ктесифоне скончался Хосров I Ануширван, полувекковое правление которого стало целой эпохой в истории византийско-персидских отношений и обернулось для империи тяжкими испытаниями. Преемником умершего царя стал его сын Ормизд IV (579—590).

ГЛАВА 3

САСАНИДСКИЙ ИРАН И ВИЗАНТИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ В КОНЦЕ VI—ПЕРВОЙ ТРЕТИ VII В.

§ 1. НЕУСТОЙЧИВОЕ РАВНОВЕСИЕ (579—591 гг.)

Появление на престоле Сасанидской державы нового правителя поначалу породило у ромеев надежды на возможность мирного завершения длящейся войны. В 579 г. Тиберий попыталась вступить с Ормиздом в переговоры, однако новый шаханшах показал себя непримиримым противником империи и отказался от подписания каких-либо соглашений. Стало очевидно, что боевые действия не только не прекратятся, но, возможно, будут даже активизированы.

Летом 579 г. византийское войско под командованием трех полководцев Маврикия (Романа, Теодориха и Мартина) перешло Тигр. Разорению подверглась территория Мидии, все лето ромеи провели «в избиениях персов... жестоко разоряли посевы и насаждения мидийских областей» (Theophyl. III. 17. 4).

В 580 г. последовала новая экспедиция византийцев против Персии. Армия Маврикия сосредоточилась в районе Киркесия, а затем (для достижения эффекта внезапности) попыталась вторгнуться в Месопотамию через Аравийскую пустыню. Однако вождь арабского племени Гассанидов ал-Мундир, выступивший на стороне Маврикия, оказался ненадежным союзником: он предупредил персидское командование о готовящемся ударе и маршруте продвижения ромеев. В результате персы для предотвращения проникновения византийцев в глубь владений Сасанидов уничтожили мосты через Тигр, а их войско тем временем осадило Каллиник. Византийская армия, совершив трудный переход через пустынные районы Северной Аравии, была вынуждена сжечь находившиеся на Евфрате груженные продовольствием транспортные суда и спешно возвращаться обратно, чтобы не допустить взятия Каллиника персами.

Более удачной была кампания 581 г. Боевые действия инициировали персы: военачальник Ормизда Тамхосров двинулся к Константине, расположенной в верховьях Аборы. Здесь произошла «более сильная, чем какая-либо другая известная битва между ромеями и парфянами» (Theophyl. III. 18. 1). В разыгравшемся сражении Тамхосров погиб от удара копья, нанесенного ему византийским военачальником Константином, а армия персов была разгромлена.

После победы под Константиной осень 581 г. и зиму 581/82 г. Маврикий провел на востоке, занимаясь обустройством пограничных крепостей. По возвращении в Константинополь весной 582 г. его ждал пышный триумф, а вскоре в карьере Маврикия по-

следовал очередной взлет: в августе 582 г. умер Тиберий, успевший незадолго до смерти передать свою власть командующему восточными силами империи. Маврикий (582—602) стал басилевсом.

Вместо Маврикия командиром восточной армии был назначен Иоанн Мистакон¹, до этого возглавлявший войско, находившееся в Армении. Буквально сразу после назначения Иоанн попытался активизировать боевые действия, стремясь, судя по всему, развить успех, достигнутый византийцами год назад в битве при Константине. Его армия двинулась к устью Нимфия, где он впадает в Тигр. Сюда же подошло и персидское войско.

Противники выстроились традиционным способом — центром и двумя крыльями. Основные силы византийцев под командованием самого Иоанна и их левый фланг во главе с Ариульфом действовали успешно и уже начали теснить неприятеля, однако командовавший правым флангом Курс не поддержал наступления остальной армии (скорее всего, из-за боязни усиления позиций Иоанна при дворе в случае победы). В итоге побежденные были персы, воспользовавшись несогласованностью в действиях противника, перешли в контрнаступление и отбросили ромеев, причинив им значительный ущерб и заставив отступить в подготовленный заранее укрепленный лагерь.

Во время отступления особенно пострадала византийская конница, поскольку отход осуществлялся

¹ Мистакон (букв.: «усатый») — прозвище, данное Иоанну из-за его длинных усов (от греч. *μύσταξ* — «усы»).

по пересеченной местности, неудобной для одновременного прохождения большой массы кавалерии. В возникшей сумятице многие всадники Иоанна погибли или были ранены. Таким образом, попытка нового командующего форсировать события закончилась неудачей.

Весной 583 г. персы подступили к византийской крепости Афумон и начали ее осаду. Византийское командование посчитало более разумным не атаковать вражеское войско, а предпринять отвлекающий маневр с тем, чтобы вынудить персов уйти из-под Афумона. С этой целью отряд византийцев подошел к персидской крепости Акбас, стоявшей на берегу Нимфия юго-восточнее Афумона. Однако действия византийского войска были явно непродуманны. Акбас был чрезвычайно мощной твердыней, расположенной на неприступной скале. Подойти к крепости можно было только с одной стороны, но и здесь персы возвели дополнительные укрепления, что крайне затрудняло не только саму осаду, но даже подготовку к ней, и отряду в несколько тысяч воинов, который подошел к Акбасу, было не под силу одолеть столь мощную крепость. В результате византийцам не удалось предпринять ничего, что могло бы представлять опасность для защитников Акбаса. Более того, пока ромеи безрезультатно пытались начать осаду, персы зажгли на стенах крепости сигнальные костры, сообщив тем самым стоявшей под Афумоном армии о подходе к Акбасу византийского войска.

Уже на рассвете следующего дня персы были под Акбасом. Их появление застало византийцев врасплох. Они даже не успели выстроиться в боевые порядки

для отражения неожиданной атаки. Спешившись, персы начали массированный обстрел противника из луков. Стрелы летели так плотно, что византийцы даже не попытались перейти в контрнаступление. Многие из них были убиты или взяты в плен. Остатки разбитого войска спаслись бегством, бросившись по почти отвесному спуску к берегу Нимфия. Переправившись через реку, они соединились со стоявшим здесь лагерь другим византийским отрядом.

Неудачные действия византийцев под Акбасом переполнили чашу терпения Маврикия. Если поражение в прошлогодней битве на Нимфии еще можно было списать на счет предательского поведения командовавшего правым флангом Курса, то бездарная и абсолютно неподготовленная попытка взять Акбас не могла быть объяснена иначе, как неспособностью Иоанна Мистакона к военному командованию. В результате в августе 583 г. Иоанн был смещен с поста командующего восточной армией империи, а на его место назначен муж сестры императора Филиппик.

Новый стратиг Востока действовал более решительно. Сразу после назначения он отправился на восток. Остановившись в Монокарте (на территории Осроены), Филиппик начал с того, что увеличил численность своей армии и навел в ней порядок. Через некоторое время войско выступило из Монокарта и быстро двинулось в направлении Нисибиса. Став на некоторое время лагерем неподалеку от города и проведя здесь необходимые приготовления, Филиппик вторгся на территорию Персии, разоряя находившиеся в приграничной зоне поселения. Персы не ожидали столь дерзкого шага со стороны противника, и дейст-

вия византийцев не встретили никакого организованного сопротивления. Захваченная добыча была доставлена в византийский лагерь, после чего Филиппик совершил повторный набег на территорию Персии. Однако до персидского командования уже дошли сведения о том, что ромеи безнаказанно хозяйничают в месопотамских владениях Сасанидов, и на этот раз против Филиппика было направлено войско, состоявшее в основном из катафрактов.

Теперь настал черед византийцев удивляться стремительности персов. Армия Филиппика, разделившись на две части (поскольку времени на соединение рассредоточившегося по вражеской территории войска не было), стала отступать на запад, уходя от преследования. Отряды, возглавляемые главнокомандующим, успешно добрались до границы и вернулись домой. Второй же группировке, шедшей к Феодосополю, повезло меньше; войско заблудилось в безводной пустыне, и для экономии воды византийцам даже пришлось предпринять на первый взгляд бесчеловечно жестокую, но в данных обстоятельствах вполне объяснимую акцию: все шедшие с армией пленники были убиты (за исключением детей, которые, правда, впоследствии все равно погибли от жажды). В конце концов, с большими трудностями и лишениями и эта часть армии дошла до пункта назначения.

Весной 584 г. Филиппик вторгся в Арзанену. Действия византийцев вновь были неожиданными для персов, а потому, как и во время предыдущей кампании, очень успешными: была разорена значительная территория, захвачена большая добыча.

Успехи Филиппика впечатляли. Два года подряд его войска первыми вторгались на вражескую территорию, причиняли противнику серьезный ущерб и практически беспрепятственно возвращались обратно еще до подхода основных сил персов. Феофилакт Симокатта сообщает даже, что у Филиппика, судя по всему, зрел план организации крупномасштабной экспедиции в глубь персидской территории, задумывавшийся по примеру похода армии Публия Корнелия Сципиона в Северную Африку во время Второй Пунической войны (Theophyl. II. 14. 2—4).

Однако этим планам Филиппика, если даже они и существовали, не суждено было воплотиться в жизнь. Еще во время нападения на Арзанену стратиг внезапно тяжело заболел, это вынудило его покинуть театр боевых действий и отправиться в Мартирополь. Вместо себя для руководства войсками Филиппик оставил тагматарха Стефана, некогда являвшегося одним из телохранителей императора Тиберия, и ипостратига Апсиха, гунна по происхождению, поручив им завершение кампании. Но преемники Филиппика не смогли достойно закончить начатое им дело. Их нерасторопность и отсутствие необходимого опыта позволили персам выровнять ситуацию: персидские войска подошли к Монокарту и осадили его. Стефану и Апсиху пришлось срочно сворачивать боевые действия в Арзанене и продвигаться в направлении Монокарта с тем, чтобы предотвратить захват города противником.

Тем временем персидские войска уже много дней осаждали Монокарт. Однако, даже будучи больным и не присутствуя лично на театре боевых действий, Филиппик, по сути дела, продолжал помогать своей ар-

мии. Дело в том, что еще за год до описываемых событий укрепления Монокарта были по приказу Филиппика отремонтированы. В результате все усилия персов, направленные на взятие Монокарта, оказались безуспешны: город выстоял, даже несмотря на то что армия Стефана и Апсиха не успела прийти на помощь. Разорив на обратном пути предместья Мартирополя, персы оставили территорию Византии и ушли домой. Поскольку наступила осень, было распущено и византийское войско. Его командующий на зимние месяцы отправился в Константинополь.

С наступлением весны 585 г. Филиппик возвратился на восток и расположился в Амиде, планируя новое вторжение в Персию. Наученные горьким опытом последних кампаний, персы, упреждая противника, направили к Филиппику посольство с одним из зороастрийских магов. Выступая на созванном по такому случаю Филиппиком военном совете, тот предложил византийцам заключить с персами мирный договор. Однако это на первый взгляд благоразумное предложение было высказано в крайне резкой форме и при вызывающе надменном поведении послов: глава персидской делегации объявил византийцев зачинщиками длившейся уже много лет войны и потребовал — в обмен на согласие Ормизда IV заключить с империей мирный договор — крупную денежную сумму.

На фоне явных успехов войск империи на востоке в течение ряда последних лет и не менее явной неспособности персов организовать противнику достойный отпор подобные высказывания не могли быть восприняты византийцами иначе как с негодованием. Магу даже не дали закончить выступление, угрожая

смертью, оскорбляя и освистывая, его выпроводили из зала.

Обо всем произошедшем Филиппик сообщил императору, направив ему письмо с подробным описанием так и не успевших начаться переговоров с посланцами Ормизда. Реакция Тиберия была примерно такой же, как и у всех присутствовавших при выступлении мага: басилевс приказал прекратить всякие контакты с персами по вопросам мирного урегулирования затянувшегося конфликта и возобновить военные действия против Ирана.

Армия Филиппика перешла границу Персии и стала лагерем в районе города Мардиса, ожидая здесь появления противника. По мнению стратига, занятая им позиция была выгодна: на пути персов лежала пустыня, и в случае принятия ими решения о выступлении навстречу византийцам персидское войско неизбежно было бы ослаблено длительным переходом по безжизненной местности.

Однако расчеты Филиппика на этот раз не оправдались. Вместе с войском персов через пустыню двинулось огромное множество верблюдов, нагруженных мехами с водой. В итоге через несколько дней персидская армия, не испытав серьезных препятствий, оказалась неподалеку от византийского лагеря под Мардисом.

Сражение начали персы, но их атака вскоре захлебнулась, а затем византийцы перешли в контрнаступление, и персидское войско было наголову разгромлено.

Одержав крупную победу и щедро вознаградив своих воинов, Филиппик двинулся в Арзанену. Про-

тивопоставить византийцам персы ничего не смогли — их основная западная армия была разбита, а перебросить в Месопотамию отряды из других частей Персии они еще не успели. В итоге все лето 585 г. византийское войско хозяйничало в Арзанене. Местные жители, не имея возможности спасти имущество, пытались сохранить хотя бы свою свободу и укрывались в многочисленных подземных пещерах, однако и это им не часто удавалось: византийцы их выслеживали и захватывали в плен.

Разорив Арзанену, армия Филиппика сосредоточилась под Хломароном — одной из персидских крепостей на территории Арзанены, гарнизоном которой командовал знатный перс Заберта, — и осадила его, параллельно продолжая грабить прилегающие к Хломарону земли.

Тем временем персы, оправившись от поражения, смогли собрать новое войско, состоявшее, как пишет Феофан, из «поселян с подъяремными животными», неискушенных в военном деле и представлявших собой скорее наспех вооруженную толпу крестьян, чем настоящую армию. В то же время, как покажут ближайшие события, даже это неподготовленное на первый взгляд ополчение оказалось в состоянии причинить византийцам немало неприятностей.

Узнав о приближении персидского войска, Филиппик приказал рассредоточившимся по всей Арзанене византийским отрядам прибыть к Хломарону. Собрав здесь свое войско, стратиг стал дожидаться подхода персов. Однако место, выбранное Филиппиком для расположения своей армии, оказалось крайне неудачным: вдоль занятой ромеями равнины, в тылу

их войска, шел длинный и глубокий овраг. Возможно, Филиппик сделал это целенаправленно, опасаясь неожиданного удара с тыла и стремясь использовать овраг как естественную преграду на пути персов. Но и для самих византийцев при необходимости атаковать противника этот овраг мог стать не меньшим препятствием. Оценить же всю невыгодность занятой его войском позиции Филиппик смог лишь тогда, когда менять что-либо было уже поздно. Заберта в сопровождении нескольких воинов незаметно для византийцев покинул Хломарон, добрался до шедшей ему на помощь армии и неизвестными византийцам путями вывел персидское войско в тыл противника. Персы выстроились вдоль края оврага, превратившегося, таким образом, в естественное оборонительное укрепление. Старания византийцев преодолеть преграду и организовать атаку успеха не имели: персы легко пресекали все подобные попытки, сбрасывая ромеев вниз и заставляя отступить.

Впервые за все время, проведенное на востоке в качестве стратига, Филиппик оказался в столь затруднительном положении и пребывал в нерешительности, не зная, что предпринять. Воспользовавшись возникшей у византийцев заминкой, войско персов ночью бесшумно обошло овраг и вновь оказалось позади вражеской армии, но на этот раз — между ней и Хломароном, имея за своей спиной, таким образом, прочный тыл и надежное убежище на случай поражения и вынужденного отступления. Это был тактический проигрыш Филиппика. Сложившаяся ситуация может показаться тем более странной, поскольку персидское войско явно уступало византийской ар-

мии по своей боеспособности. Однако если учесть, насколько традиционно плохо работала византийская разведка, все становится ясным и понятным: с самого начала противостояния под Хломароном Филиппик попросту ничего не знал о планах противника.

Маневр персов изменил ситуацию, теперь уже византийцы были заинтересованы в укреплении своих позиций и защите от возможного нападения персов. С этой целью солдаты Филиппика вырыли ров, отделивший их от персидского войска. Оба войска продолжали стоять друг против друга, не рискуя начать сражение в столь необычной обстановке. Положение византийцев, несмотря на бездействие Филиппика и явное ухудшение их положения, было все же далеко не безнадежным. В такой ситуации многое (если не все) зависело от полководца, и Филиппик имел возможность завершить кампанию в свою пользу или хотя бы избежать поражения и с наименьшими потерями покинуть район Хломарона. Однако события неожиданно приняли драматический и почти сюрреалистический характер, похоронив все надежды византийцев на благополучный исход дела. В одну из ночей Филиппик, не сообщив ничего ни войску, ни своему ближайшему окружению, внезапно покинул свой лагерь и в сопровождении небольшой группы телохранителей двинулся в направлении византийской границы, явно намереваясь как можно быстрее вернуться домой.

Когда известие о бегстве военачальника распространилось среди его воинов, в армии началась паника. Византийцы в полном беспорядке спешно покидали свой лагерь; никто не понимал, что происходит, сол-

даты метались в темноте, срывались в вырытый ими же самими ров, давили друг друга.

Персы изумленно прислушивались к происходившему на другой стороне рва и пристально вглядывались в темноту, пытаясь понять, что за хитрость приготовил для них стратиг. Вскоре им стало ясно, что ромеи по какой-то причине очень быстро покидают свой лагерь и движутся вдоль рва, не собираясь, судя по всему, вступать в сражение с противником. Воздерживались от боя и персы — настолько необычной была возникшая ситуация; они лишь двигались параллельно византийцам по противоположной стороне рва, а затем следом за отходившим от Хломарона византийским войском, ожидая дальнейшего развития событий.

С наступлением утра византийские отряды смогли наконец найти дорогу, ведущую в расположенную неподалеку византийскую крепость Афумон, и придать своему отступлению более или менее организованный характер. Однако к этому времени персы окончательно поняли суть происходящего, они начали осыпать византийцев стрелами, нанося им ощутимый урон. Стремясь оторваться от преследования, ромеи бросили весь свой обоз вместе с захваченной в Арзанене добычей, что было очень кстати для персов, у которых заканчивалась провизия и уже начинался голод. В конце концов, потеряв весь арьергард, фактически так и не вступивший в сражение с противником, под непрерывным обстрелом персидских лучников армия Филиппика переправилась через Нимфий и, как пишет Феофилакт, «с полным позором» (Theophyl. II. 9. 16) покинула территорию Персии.

События 585 г. показали всю шаткость и непрочность византийских успехов на востоке. Профессиональная византийская армия едва избежала разгрома со стороны персидского ополчения, состоявшего из необученных военному делу крестьян, и, казалось бы, окончательно перешедшая в руки империи инициатива была ею так внезапно и легко упущена.

586 г. стал периодом некоторого выравнивания соотношения сил на Востоке. Войска под командованием Ираклия, сохранившего присутствие духа, несмотря на перенесенные невзгоды, совершили успешный поход в Персию; перейдя Тигр, византийская армия вторглась на территорию Южной Мидии и подвергла опустошению ее приграничные районы. Показательна, однако, следующая деталь: говоря об этих событиях, Феофилакт добавляет, что «они закончились успешно, вопреки предположениям». Судя по всему, в Византии поход Ираклия воспринимался как в значительной мере авантюрное предприятие, обреченное, скорее всего, на неудачу.

С наступлением весны 587 г. Филиппик, пока еще сохранявший за собой пост стратига Востока, приказал Ираклию вновь вторгнуться в персидские владения, передав ему около двух третей своей армии. Оставшаяся треть войска под командованием Феодора и Андрея получила тот же приказ.

Вторгшись в Персию, Ираклий осадил одну из крепостей на территории Мидии, расположенную в труднодоступном месте — на скалистой возвышенности. Для ее штурма воины Ираклия возвели гелеполы, другие осадные сооружения и начали обстрел города из осадных машин. Персы в противовес действиям

ромеев предприняли ответные шаги, для смягчения ударов византийских снарядов на крепостные стены они вывесили, как пишет Феофилакт, «длинные хитоны», набитые соломой (Theophyl. II. 18. 3). Этот прием несколько снизил эффективность действий осаждавших, но, несмотря на предпринимаемые защитниками крепости меры, их положение становилось все хуже; солдаты Ираклия вели непрерывный обстрел укреплений, сменяя друг друга у осадных машин и не делая передышки даже ночью. В результате измотанный непрерывной осадой гарнизон во время решающего приступа не смог оказать серьезного сопротивления, и крепость была взята. Восстановив поврежденные во время взятия города укрепления, Ираклий оставил здесь византийский гарнизон и возвратился домой.

Воины под командованием Феодора и Андрея действовали не менее успешно. Они захватили крепость Матзарон, обветшавшие стены которой не стали для них серьезной преградой. После этого войско подошло к крепости Беиудаес. Первоначальный замысел — взять укрепление внезапным ночным штурмом — не удался, так как не знавшее дороги византийское войско заблудилось и подошло к Беиудаесу лишь под утро. Началась осада.

Положение византийцев было осложнено тем, что крепость располагалась на неприступной скале, и подойти к ней можно было только в одном месте — через узкий горный проход. Однако и он был перекрыт выдвинутой вперед мощной башней, соединенной с главной крепостью системой переходов. Под прикрытием лучников, не дававших защитникам башни сво-

бодно отражать атаки штурмующих, византийские воины все же овладели этим передовым укреплением и приступили к осаде самого Беиудаеса.

Штурм был кратковременным, но от этого еще более ожесточенным. Византийцы вели ураганный обстрел крепостных стен из луков и осадных машин, персы же, как могли, отбивали их атаки. Перелом в сражении наступил благодаря героическому поступку одного из византийских воинов по имени Сапир. Он дважды пытался взобраться на стену, используя как опору вставляемые им же самим в пазы между камнями деревянные колья, но оба раза был сброшен вниз. Несмотря на полученные при падении ранения, Сапир в третий раз полез на стену, и ему, наконец, удалось достичь цели. Он убил дважды сбросившего его со стены воина, а отрубленную голову поверженного противника бросил товарищам погибшего в знак устрашения. В рядах персов началось замешательство. Византийцы же, напротив, воспряли духом; сначала группа самых отчаянных воинов взошла на стены тем же способом, что и Сапир, затем они, спустившись по веревкам по ту сторону стен, изнутри отворили ворота, и все византийское войско ворвалось в Беиудаес. Уцелевшие персы сдались в плен, а в крепости был оставлен византийский гарнизон.

Восточная армия империи вновь перехватила инициативу, и, казалось бы, ситуация на границе с Персией должна была стабилизироваться. Однако позиции Филиппика как главнокомандующего восточной армией сильно пошатнулись. Одной из причин, бесспорно, стала неудача под Хломароном. Однако, как показали последующие события, это не была катаст-

рофа, и армия Филиппика сумела взять реванш за свое поражение. Значит, существовали какие-то другие факторы, игравшие не в пользу стратига. Скорее всего, они были связаны с близким окружением императора, нашедшим повод приструнить не в меру удачливого и чересчур ретивого полководца. Косвенно об этом говорит тот факт, что вместо руководства подготовкой армии к новым сражениям ранней весной 588 г. Филиппик отправился не куда-нибудь, а в Константинополь. Стратигу явно стало известно о каких-то интригах при дворе, направленных против него, и поездку в столицу он предпринял с целью вернуть расположение императора. Но уже через несколько дней пути Филиппик получил сообщение, круто изменившее его судьбу: не дожидаясь прибытия военачальника в Константинополь (а возможно, и предупредив это событие), Маврикий сместил его с поста главнокомандующего восточной армией и назначил на эту должность Приска.

Будучи опытным царедворцем и понимая, что на данный момент кардинально изменить ситуацию ему не удастся, Филиппик решил сделать все возможное, чтобы осложнить судьбу своему преемнику. С этой целью он отправил Ираклию письмо с указанием обнародовать изданный недавно императорский эдикт о сокращении на четверть жалованья воинам и содержания войска. Сам Филиппик знал об указе раньше, но считал невыгодным для себя доводить содержание документа до своих солдат. Отдав эти последние распоряжения, смещенный стратиг направился в Константинополь и стал выжидать.

Еще по пути к месту назначения Приск приказал ожидавшему его войску собраться в Монокарте. Вскоре туда прибыл и он сам. Вышедшая из города армия встречала нового командующего в трех милях от Монокарта, но первое знакомство воинов со своим новым командиром было омрачено возникшим по вине самого стратига инцидентом. Дело в том, что, согласно старинной традиции, новый командующий при первой встрече с вверенным ему войском должен был спешиться и, проходя вдоль выстроившихся солдатских шеренг, радушно приветствовать воинов. Однако Приск (то ли по незнанию, то ли из-за своего высокомерия) не сделал этого, чем вызвал сильную, но пока еще глухую неприязнь у подчиненных.

Через несколько дней недовольство из тайного стало явным. Среди воинов распространилась новость о сокращении довольствия, и в войске вспыхнул открытый мятеж. Солдаты с кольями и камнями в руках двинулись к палатке Приска и окружили ее. Со всех сторон в адрес стратига неслись крики и угрозы. Поняв наконец, что происходит, Приск попытался успокоить разбушевавшихся воинов путем уговоров, но этим разъярил толпу еще больше. С огромным трудом и риском для жизни Приску удалось избежать опасности. Выручило полководца то, что у одного из сопровождавших его императорских телохранителей оказался оседланный конь. Вскочив в седло и едва успевая уворачиваться (не всегда, впрочем, успешно) от летевших в него камней, Приск бросился вон из лагеря. Прискавав в Константину, стратиг тут же подготовил письменное распоряжение о выдаче своим

воинам довольствия в полном объеме без всяких сокращений.

Однако приказ командующего не возымел ровно никакого эффекта: бунт в войске продолжался. Вскоре известия о мятеже в восточной армии достигли столицы. Маврикий, узнав о событиях в Месопотамии, попытался исправить положение возвращением на должность стратига Филиппика (благодаря интриге которого в значительной мере и возникла сложившаяся ситуация), однако и это решение не было встречено воинами с энтузиазмом: они поклялись, что не примут Филиппика в качестве командующего. Оставалось последнее, многократно испытанное и самое надежное средство — задобрить взбунтовавшихся солдат щедрыми денежными раздачами. С этой целью на восток с большой суммой денег император направил Аристобула — «куратора царских домов».

Тем временем военная обстановка на границе резко обострилась. Используя создавшееся положение, персы практически безнаказанно совершали нападения на византийскую территорию, подвергая грабежу пограничные районы. Местное население в результате страдало и от вражеских, и от своих солдат: и те и другие одинаково беззастенчиво разоряли хозяйство приграничных провинций. Однако даже среди всеобщего хаоса в византийском войске нашлись командиры, способные своим авторитетом оказать влияние на ход событий. Одним из них оказался Герман, дукс Дамаска, которого сами восставшие солдаты избрали своим командиром. Сумев собрать под своим началом примерно тысячу боеспособных воинов, Герман

быстрым маршем подошел к Константине, отбросил от города осаждавших его персов, а затем, пополнив свой отряд новыми силами и доведя его численность до четырех тысяч человек, сам вторгся во владения Сасанидов и подверг грабежу находившиеся вблизи границы селения персов. К этому времени в Монокарт прибыл и Аристобул. Успех Германа и захваченная добыча в сочетании с денежными раздачами Аристобула смягчили настроение солдат. Умиротворенное войско вновь было готово к боевым действиям.

Армия разделилась на две части: одна из них двинулась к Мартирополю с целью предотвращения его возможного захвата персами, другая же перешла границу и собиралась вторгнуться в персидские владения в Месопотамии. Однако персам стало известно о планах Германа, и оказавшаяся на вражеской территории византийская армия была встречена персидскими войсками под командованием Марузаса. Поняв, что внезапного вторжения не получилось и дальнейшее продолжение боевых действий чревато как минимум серьезными потерями, византийцы двинулись обратно, рассчитывая соединиться со стоявшей под Мартирополем армией для организации совместной обороны. Персы преследовали отступающих по пятам, стремясь не допустить объединения двух армий, однако это им не удалось, и под Мартирополем Марузас был вынужден вступить в сражение с объединенным византийским войском. Об ожесточенности битвы говорит тот факт, что в ней погиб сам командующий персидской армией. Она была разбита, более трех тысяч персов (включая командиров обоих флангов сражавшегося войска) оказалось в плену. Спа-

слось лишь около тысячи воинов, которым с огромным трудом удалось прорваться к Нисибису.

Воодушевленное одержанной победой, а еще больше — размерами захваченной добычи, византийское войско решило вернуть расположение басилевса. Маврикию была послана значительная часть добытых во время похода ценностей, попавшие в руки византийцев боевые знамена противника и, в качестве особо ценного трофея, голова Марузаса. Естественно, не был заинтересован в продолжении противостояния и сам император. Итогом стало окончательное примирение войска и Маврикия, весной 589 г. в городке Литабры при посредничестве архиепископа Антиохии Григория командиры стоявшей на востоке армии признали Филиппика своим командующим.

В то время, когда византийцы решали проблемы, связанные с преодолением последствий возникшего в армии мятежа, персам удалось добиться крупного успеха: ими был взят Мартирополь. Это случилось благодаря измене одного из авторитетных жителей города по имени Ситтас. Он вступил в тайные переговоры с персами и предложил им следующий план: под видом перебежчиков направить в Мартирополь 400 хорошо вооруженных воинов с тем, чтобы, оказавшись внутри города, они захватили его и отворили ворота остальному персидскому войску. При появлении под стенами Мартирополя мнимых перебежчиков Ситтас в свою очередь начал горячо убеждать горожан впустить персов. Предложение Ситтаса было, безусловно, заманчиво: гарнизон города получал хорошее подкрепление. Влияние Ситтаса и его доводы оказались сильнее соображений безопасности. В результате Мар-

тирополь был внезапно и практически бескровно захвачен персами.

Узнав о захвате Мартирополя, Филиппик подступил к городу, намереваясь отбить его у персов. Сюда же подошло и персидское войско во главе с одним из представителей знатного рода Суренов, члены которого традиционно являлись военачальниками в Иране, начиная еще с парфянской эпохи (достаточно вспомнить, что парфянская армия во главе с одним из Суренов еще в 53 г. до н. э. уничтожила римское войско Марка Лициния Красса, а в последующие столетия парфянские, а затем и персидские войска под командованием Суренов неоднократно воевали с империей). Кроме того, к Мартирополю в срочном порядке была переброшена еще одна армия персов, возглавляемая Афраабом.

Разыгравшаяся под стенами Мартирополя битва носила ожесточенный характер. Ярким показателем драматизма сражения стала гибель командующего персидской армией. И хотя обе стороны понесли тяжелые потери, победа все же оказалась на стороне персов. Византийцы потерпели сокрушительное поражение.

Разгром под Мартирополем окончательно решил судьбу Филиппика. По приказу императора он был смещен с поста стратига и замещен Коментиолом. Новый командующий попытался было одним быстрым ударом расквитаться с персами за недавнее поражение, однако его поступок был явно опрометчив: в битве под Сисавраном войска Коментиола были обращены в бегство, продолжавшееся до самого Фео-досиополя. К счастью для ромеев, здесь со своим вой-

ском находился Ираклий, успешно проявивший себя еще во время службы под началом Филиппика. Усилиями Ираклия бегство византийцев было остановлено, а затем, перейдя в контрнаступление, они нанесли жестокое поражение подошедшей к Феоносиополю персидской армии. В этой битве погиб и второй командир персов — Афрахб.

Победа под Феоносиополем имела большое значение с точки зрения развития оперативной обстановки. Благодаря успешным действиям Ираклия было предотвращено продвижение крупной армии персов в глубь византийской территории и не допущен захват ряда опорных пунктов Византии на границе с Персией. Понимали это и в Константинополе. По поводу одержанной Ираклием победы в столице империи были организованы конные состязания и другие праздничные мероприятия, что в последние годы случилось нечасто.

Ормизд IV должен был принимать срочные меры для исправления ситуации на своих западных рубежах. Ответный удар было решено нанести в Закавказье. В мае 589 г. персидская армия во главе с полководцем Бахрамом Чубином (уже прославленным к тому времени успешными действиями против тюрок) вступила в Сванию. Противостоять персам было некому; как отмечает Феофилакт Симокатта, «Свания была жестоко опустошена, и зло было невыносимым; не было никого, кто стал бы ее предводителем, так как вся Колхида была лишена военного командования, как сирота своего попечителя» (Theophyl. III. 6. 8). Сложилась ситуация, грозившая Византии утратой всех своих закавказских владений. Было необходимо

спешно перебросить сюда войско для отражения нападения персов. На Кавказ была двинута армия, командующим которой указом Маврикия был назначен полководец Роман.

Прибыв в Албанию и ознакомившись с обстановкой, Роман предпочел действовать как можно более осторожно. Бахрам неоднократно пытался притворным отступлением заманить византийцев в ловушку и окружить, однако Роман, несмотря на давление со стороны войска, стремившегося к быстрой победе, не поддавался на уловки противника. В конце концов, оба войска все же встретились на берегах Аракса. Первоначально армии Романа и Бахрама располагались на разных берегах реки, но после недолгих переговоров византийцы позволили персам переправиться через Аракс и занять позицию для сражения.

После пяти дней напряженного ожидания битва все-таки состоялась. Оба войска построились традиционным способом, разделившись на два фланга и центр. Первыми в бой вступили византийцы, их центральный отряд ударил по противнику и начал его теснить. Опасаясь за судьбу сражения, Бахрам перебросил в центр часть войск со своего левого фланга, что стало роковой ошибкой персидского полководца: ослабленное левое крыло его армии было опрокинуто ромеями, а вскоре началось бегство всей армии.

Поражение Бахрама привело самовластного шаханшаха Ормизда в ярость. Он давно испытывал неприязнь к Бахраму Чубину и не доверял ему, подозревая его в утаивании львиной доли добычи, захваченной во время войны с тюрками, и, что еще хуже, в стремлении к захвату царской власти. В знак презре-

ния Ормизд послал Бахраму женскую одежду и прялку, а также письмо с приказом оставить действующую армию и прибыть в Ктесифон.

Неизвестно, насколько обоснованными были опасения Ормизда по поводу царских амбиций своего полководца, однако резкий и оскорбительный для Бахрама — представителя одного из знатнейших в Иране рода Михран — поступок (не суливший ничего хорошего по прибытии в столицу) подтолкнул его к окончательному разрыву с шаханшахом. Бахрам направил царю ответное послание с оскорблениями в адрес монарха (в письме Ормизд был назван не сыном, а дочерью Хосрова). Фактически это было равносильно объявлению войны.

Армия Бахрама единодушно поддержала своего полководца. Популярность его среди воинов была и так велика; в дополнение же к этому Ормизд своим стремлением унизить Бахрама и отстранить его от командования безгранично преданным войском лишь усилил авторитет опального военачальника. Намереваясь использовать сложившуюся ситуацию в собственных интересах и разжигая с этой целью ненависть своих воинов по отношению к царю, Бахрам в публичных выступлениях обвинял Ормизда в пренебрежении собственным войском, желании наказать воинов за поражение в Албании и сократить им жалованье.

События в Закавказье стали своего рода сигналом для всех в Персии, кто был недоволен правлением Ормизда. На сторону Бахрама перешел персидский гарнизон, стоявший под Нисибисом. Прибывшие сюда представители Бахрама без особых усилий склонили солдат к мятежу. Направленное против Бахрама

правительственное войско также вышло из повиновения. Убив командующего, воины признали своим предводителем Бахрама Чубина. Кроме того, ряды мятежной армии пополнялись множеством случайных людей, недовольных царем.

Для Ормизда IV обстановка приобретала драматический, если не сказать катастрофический, характер. Стремясь оказаться подальше от опасности, царь покинул Мидию, где пребывал во время всех последних событий, и перебрался в Ктесифон, рассчитывая, находясь в столице, подготовить ответные меры в отношении Бахрама и его сторонников. Однако, как показало ближайшее будущее, прибытие в Ктесифон стало последней (хотя, видимо, и вынужденной) ошибкой царя. Усилиями столичной знати из тюрьмы был освобожден противник царя, дядя одного из его сыновей (Хосрова) по материнской линии и сын одного из спяхбедов Биндой. Под его руководством толпа вооруженных заговорщиков 6 февраля 590 г. ворвалась в царский дворец и сместила Ормизда с престола. Шаханшах попытался было уговорить Биндоя и его приверженцев одуматься и не совершать страшного преступления, но это лишь усилило накал страстей. В тронный зал были приведены жена и сын Ормизда, которых тут же, в присутствии царя, предали жестокой казни. Сам Ормизд был ослеплен, заключен в тюрьму и впоследствии убит. На трон заговорщики возвели уцелевшего (вероятно, из-за родственных связей с Биндоем) сына Ормизда — Хосрова, находившегося в это время в Азербайджане, который, как полагали Биндой и его сторонники, должен был стать послушной игрушкой в их руках.

Придя таким неожиданным для себя образом к власти, Хосров II, тем не менее, попытался восстановить контроль над ситуацией и решить главную на тот момент для себя и всей Персии проблему, а именно — урегулировать отношения с Бахрамом Чубином. После прибытия Хосрова в Ктесифон и вступления его на престол (15 февраля 590 г.) Бахраму было направлено письмо с заверениями в дружбе и обещанием сделать его в случае добровольного перехода на сторону царя вторым лицом в государстве. Однако Бахрам был непреклонен; в ответном послании он, осыпав Хосрова оскорблениями, предложил царю самому перейти на сторону восставших и получить за это высокий пост. Было ясно, что мирным путем конфликт между Бахрамом Чубином и династией Сасанидов не разрешится. Дело явно шло к гражданской войне.

Войска Бахрама и Хосрова встретились на берегах Большого Заба в верхнем его течении (как пишет Феофилакт, «на какой-то равнине, по которой протекала река, разделяя два войска» (Theophyl. IV. 9. 3)). Возобновившиеся здесь переговоры вновь ни к чему не привели, Бахрам, обуреваемый жаждой царской власти и уже считавший себя фактически полновластным правителем, и слушать не хотел о подчинении Хосрову. Обе стороны приготовились к сражению. Воины Бахрама были преисполнены решимости одержать победу, тем более что их противники — солдаты Хосрова — из-за длительного бездействия и нерешительности своего предводителя впали в уныние и явно были не в восторге от предстоящего боя. В связи с этим исход состоявшейся вскоре битвы был вполне предсказуем: во время внезапного ночного нападения

армия Хосрова была наголову разбита. Часть воинов была уничтожена, большинство же из них перешло на сторону Бахрама Чубина. Царь бежал с поля битвы с немногочисленным (около 30 человек) отрядом телохранителей, со своими женами и детьми.

Проведя несколько дней в блужданиях по пустынным местностям Верхней Месопотамии и раздумьях о превратностях судьбы, Хосров оказался неподалеку от византийской крепости Киркесия. Феофилакт объясняет появление здесь царя тем, что он обратился к христианской вере, после чего лошадь сама привезла его (по воле христианского Бога, конечно) к городу ромеев (Theophyl. IV. 10. 1—4). Однако более правдоподобной причиной прибытия Хосрова под Киркесий представляется отчаянное положение проигравшего решающую битву и едва избежавшего гибели Сасанида. Просить о помощи кого-либо еще из могущественных соседей, кроме византийцев, Хосров не мог (единственные подходившие на эту роль соседи — тюрки — не так давно были разгромлены Бахрамом, поэтому пойти по пути Кавада, вернувшего себе трон с помощью эфталитов, у царя не было возможности). Кроме того, и раньше в критических ситуациях, подобных сложившейся, императоры и шаханшахи неоднократно поддерживали друг друга (можно вспомнить в этой связи опекунов Ездигерда над сыном императора Аркадия Феодосием). Таким образом, появление Хосрова на территории империи было не случайным.

Прибыв в Киркесий, Хосров первым делом установил контакты с Маврикием. После непродолжительной переписки в Константинополь было направлено

посольство с целью заручиться поддержкой ромеев в борьбе за возвращение Хосрову узурпированной Бахрамом царской власти. В обмен на помощь персидские представители обещали вернуть империи взятый персами Мартирополь, безвозмездно уступить Дару, отказаться от Армении и других областей в Закавказье и заключить мир с империей на любых предложенных Маврикием условиях.

В свою очередь Бахрам Чубин, узнав об установлении связей между Хосровом и Маврикием и возможности заключения между ними соглашения, попытался повлиять на ситуацию и через послов предложил императору отказаться от поддержки изгнанного царя в обмен на значительные территориальные уступки (Нисибис и всю территорию Верхней Месопотамии «вплоть до реки Тигра»). По сути дела, между Маврикием и двумя претендентами на персидский трон шел почти неприкрытый торг. Вопрос заключался только в том, кто из двух «покупателей» предложит бóльшую цену за византийскую помощь.

Условия Хосрова были для императора явно более выгодны по целому ряду причин. Во-первых, Хосров находился в совершенно безвыходном положении, а потому был готов на любые жертвы, в отличие от Бахрама, которому после захвата власти в Персии уже было что терять. Во-вторых, предложение Бахрама было в значительной мере блефом (или, по меньшей мере, лукавством): Нисибис в это время он не контролировал — в городе находился гарнизон, поддерживавший Хосрова. В-третьих, Хосров был готов пойти и на бóльшие уступки, помимо тех, что были обозначены его послами (обращаясь к Маврикию, они

специально оговаривали, что император, если сочтет условия Хосрова недостаточно выгодными, может «в своей мудрости» сам их дополнить), и это открывало для Маврикия дополнительные возможности в выстраивании будущих отношений с царем. Наконец, в-четвертых, к этому времени стала меняться ситуация в самой Персии. К Хосрову начали стекаться недовольные захватом власти Бахрамом Чубином, и число их постепенно увеличивалось, поскольку, оказавшись на троне, Бахрам вел себя крайне надменно и самовластно, вызывая тем самым ненависть со стороны не только иранской знати, но и других слоев персидского общества.

Таким образом, озвученные послами предложения Хосрова были слишком заманчивы, чтобы от них отказаться, и дело здесь было не только (и не столько) в том, что Бахрам, как пишет Феофилакт (IV. 14. 9), «не мог развратить чистую душу императора» — поддержка Хосрова означала для Маврикия новые и широкие внешнеполитические перспективы. Империя встала на сторону Хосрова, отвергнув все предложения узурпатора.

К концу 590 г. между Хосровом и Маврикием были окончательно улажены все вопросы и разногласия. Царь выдал императору Ситтаса, который чуть больше года назад сдал персам Константину, и уступил ромеям Мартирополь, давно и безуспешно осаждавшийся персидской армией, начав, таким образом, выполнение своих обещаний. Бахраму не оставалось ничего иного, как готовиться к открытой борьбе с объединенными силами противников.

Совместный поход византийско-персидских сил против Бахрама начался весной 591 г. Население и гарнизоны приграничных персидских городов добровольно переходили на сторону Хосрова, признавая его своим законным правителем. Пребывая в победной эйфории, Хосров без всяких условий передал Маврикию ключи от Дары — одного из важнейших опорных пунктов на византийско-персидской границе, чему император, естественно, был несказанно рад.

В преддверии предстоящего вторжения в глубь персидской территории Хосров перевез свою семью в Сингару, поручив охрану города двухтысячному войску. Кроме защиты Сингары, этот отряд получил также указание совершить рейд в направлении Ктесифона и попытаться взять столицу под свой контроль.

С наступлением лета союзное войско выступило из Дары, форсировало Тигр и, беспрепятственно преодолев Большой Заб, стало продвигаться в южном направлении вдоль восточного берега Тигра.

Тем временем базировавшиеся в Сингаре персы, исполняя указания Хосрова, внезапно появились под стенами Селевкии — крупнейшего пригорода Ктесифона. Напуганное руководство города, назначенное Бахрамом, добровольно сдало Селевкию, сочтя для себя за благо укрыться в самом Ктесифоне, находившемся на противоположном (левом) берегу Тигра. Однако по столице тут же поползли слухи, что Селевкию заняло войско ромеев и в ближайшее время оно овладеет самим Ктесифоном. На собрании горожан было принято решение сдаться на милость победителей. Последним оплотом власти Бахрама, таким образом, теперь оставалась лишь Антиохия Хосрова,

однако лояльность ее населения по отношению к узурпатору в сложившейся ситуации не могла быть сколько-нибудь значительной: жители города были почти поголовно христианами, и появление византийских войск вблизи Антиохии не могло быть воспринято ими иначе, как с воодушевлением и надеждой на скорое освобождение от власти персов. В связи с этим антиохийцы постановили сдать город приближавшейся византийской (как они полагали) армии и выдать всех тех, кто каким-либо образом зарекомендовал себя как сторонник Бахрама Чубина. Таким образом, за короткий промежуток времени столичный комплекс оказался под контролем сил Хосрова.

Одновременно с успешными действиями персов под Ктесифоном войско Нарсеса, командовавшего византийскими частями, и Хосрова продолжало свое движение вдоль Тигра, ожидая соединения с шедшими из Армении частями Иоанна Мистакона. Бахрам, осознавая грозящую ему опасность, делал все возможное для недопущения реализации планов византийско-персидского командования. По его приказу верные ему войска попытались взять под свой контроль переправы через Малый Заб, последнюю крупную естественную преграду на пути к столице, однако эти действия не увенчались успехом — византийцы овладели переправами раньше персов, и теперь путь на Ктесифон был открыт.

В это же время стало известно и о приближении войска Иоанна. Бахраму не удалось помешать соединению византийских армий, что стало его роковой ошибкой. Теперь 40-тысячному войску Бахрама Чубина противостояла византийско-персидская армия чис-

ленностью до 60 тысяч воинов, боевой дух которой и уверенность в победе еще более возросли после получения известий о том, что столица и ее пригороды перешли на сторону Хосрова.

После ряда маневров, предпринятых Бахрамом с целью избежать крупномасштабной битвы, обе армии все же встретились в решающем сражении. Левым флангом союзного войска командовал Иоанн Мистакон, правым (где расположились персидские отряды) — полководец Хосрова Сарам, центром — предводители армии Нарсес и Хосров. Точно так же (два крыла и центр) выстроились воины Бахрама. Ожесточенная битва длилась целый день, и лишь к заходу солнца ее итог окончательно определился: войско Бахрама Чубина было наголову разбито. Около шести тысяч пленных персов было казнено, как говорит Феофилакт Симокатта, «некоторых из них персидский царь отдал на суд мечей, других же дал растоптать слонам» (Theophyl. V. 10. 13). Для узурпатора все было кончено². Вскоре Хосров II Парвез («Победитель») (590—628) торжественно вступил в Ктесифон. С помощью византийской армии персидский престол был возвращен Сасанидам. С предельной ясностью суть произошедших событий выразил командующий византийским войском. Покидая Ктесифон, Нарсес произнес, обращаясь к шаханшаху:

² После поражения Бахрам бежал к тюркам, у которых сумел завоевать авторитет и приобрести большое влияние. Однако впоследствии в результате интриг Хосрова II Бахрам погиб (подосланные Хосровом люди подкупили жену тюркского правителя, и по ее приказу Бахрам был убит).

— Помни, Хосров, этот день. Римляне дарят тебе царство.

Осенью 591 г. между Персией и Византией был заключен договор, зафиксировавший новое соотношение сил между двумя державами. За империей закреплялись города Дара и Мартирополь, а также значительная часть Персоармении. Кроме того, Персия отказывалась от взимания с Византии денежных выплат за охрану кавказских горных проходов (что в предшествующие десятилетия не раз становилось поводом для взаимных претензий и конфликтов). Своеобразным дополнением к договору стало щедрое денежное вознаграждение, предоставленное Хосровом императору за помощь, оказанную в борьбе с Бахрамом Чубином.

§ 2. «До Ионии и Кари» и ОБРАТНО (591—628 гг.)

С 591 г. более чем на десятилетие на границе Византии и Ирана воцарился мир, лишь изредка нарушаемый мелкими приграничными инцидентами. Пока византийский престол находился в руках Маврикия, которому Хосров был обязан своим воцарением и с которым его связывали узы дружбы, персы не имели оснований предпринимать против империи какие-либо решительные действия (хотя, по всей видимости, поводы для недовольства у них имелись, поскольку договор 591 г. закреплял византийское преобладание в Передней Азии). В то же время и Византия не была заинтересована в возобновлении военных

действий — она получила лакомый кусок в виде верхнемесопотамских и армянских владений Сасанидов, а потому пересмотр сложившегося положения был бы ей невыгоден. Кроме того, империя была занята обороной своей дунайской границы от вторжений авар и их союзников — славян и болгар, в связи с чем значительная часть византийских войск была переброшена с Востока в Европу.

Ситуация изменилась в 602 г. В результате военного мятежа и последовавшего за ним дворцового переворота Маврикий был смещен с престола, а затем казнен узурпатором Фокой — представителем дунайской армии, до этого служившим в чине сотника. Вступление на престол Фоки (602—610) стало поворотным пунктом в византийско-персидских отношениях. Хосров, отвергнув верительные грамоты и подарки Фоки и «выставив в качестве предлога для войны этот насильственный захват власти, велел трубить в трубу войны, губящую мир» (Theophyl. VIII. 15. 7). Захватив власть, Фока дал Хосрову Парвезу более чем удобный повод для разрыва с Византией мирных отношений. Так началась новая — и последняя — большая война между Персией и Византией (602—628).

Империя оказалась не готова к таким испытаниям. Успехи персов были стремительны, вот лишь краткая хронология основных событий:

604 г. — взятие Дары;

606 г. — взятие Эдессы и крепости Хесна-де-Кефа;

607 г. — взятие Марде и Амиды; захват всей Месопотамии;

608—609 гг. — захват Феодосиополя, Константины, Мартирополя;

610 г. — захват Армении и большей части Малой Азии.

Все попытки Фоки организовать сопротивление натиску персов были тщетны. Талантливые полководцы Хосрова — Росмиозан, получивший от самого царя имя «Шахрбараз» («Веprь государства»), и Шахин, паткоспан Запада, — совершали стремительные рейды в глубь византийских владений, не оставляя своим противникам шансов на успех.

Очередной дворцовый переворот в Константинополе и приход к власти императора Ираклия (610—641) мало что изменил: в ответ на мирные предложения нового басилевса Хосров «не только не заключил перемирия с ромеями, но отобрал от них другие области»³. В 611 г. пала столица византийского Востока — Антиохия Сирийская, а вместе с ней и другие города Сирии; в 612 г. судьба Антиохии постигла Дамаск; еще через два года Шахрбаразом был взят Иерусалим; в 616 г. (или 618) персидские войска оккупировали Египет, хитростью овладев его столицей — Александрией (персидские воины проникли в александрийскую гавань на лодках под видом рыбаков). В Малой Азии к концу 610-х гг. персидские войска вышли на побережье Эгейского моря и черноморских проливов; ими был захвачен ряд островов Эгейды, остров Родос и город Халкедон — главный опорный пункт Византии на Босфоре. Более того, имели место попытки персов высадиться на Балканах, по-

³ Пигулевская, 1946. С. 198.

терпевшие, однако, неудачу благодаря успешным действиям византийского флота.

Таким образом, к началу 620-х гг. внешнеполитическая доктрина Сасанидов, провозглашенная еще Арташиром I, была практически реализована — персы дошли «до Ионии и Карии». Византия, атакуемая со всех сторон варварами (вестготами, лангобардами, аварами, славянами и т. д.), лишенная своих самых богатых — азиатских и египетских — владений, казалось, вот-вот рухнет, повторив судьбу Западной Римской империи.

Перелом наступил в 620 г. Ираклий смог, наконец, заключить мир с аварами, пойдя на огромные жертвы и уступки (помимо значительных денежных выплат кагану были отправлены заложники из числа родственников императора). Это был первый — пока еще дипломатический — серьезный успех Византии, развязавший ей руки в Европе и позволивший сосредоточиться на организации отпора хозяйничавшим на Востоке персам. С 622 г. византийские войска постепенно начинают переходить в наступление, вытесняя противника с захваченных территорий. После ряда успешных операций в Малой Азии и Закавказье Ираклий двинулся в Месопотамию, направляя свой главный удар на Ктесифон. Весной 628 г. византийское войско, преодолев сопротивление персов, находилось уже на подступах к сасанидской столице, однако продвигаться дальше Ираклий был не в состоянии: его измотанному непрерывными боями войску преградили путь отборные отряды личной гвардии Хосрова II. Византийская армия двинулась обратно в Закавказье, где чуть позже Ираклий узнал о совершившемся в

Персии перевороте: Хосров Парвез был убит, а на престол придворной знатью был возведен его сын Кавад II (628), впрочем, переживший отца всего на полгода и также павший жертвой заговора.

Обе державы были обескровлены. Хозяйство переднеазиатских областей и Византии, и Персии было разорено. Сил для продолжения войны не было ни у одной из сторон. В итоге между Византийской империей и сасанидским Ираном в апреле 628 г. был подписан мирный договор, согласно которому восстанавливалось довоенное положение границ. Таким образом, завоевания персов на западе оказались непрочными, и Персидская держава (уже в который раз) не смогла реализовать свои претензии на гегемонию в Передней Азии. Византия же вновь продемонстрировала свою жизнестойкость и способность с успехом выходить из самых, казалось бы, критических ситуаций.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В то время как обе империи пытались уничтожить друг друга, а их армии состязались во взаимном истреблении, южнее, на Аравийском полуострове, уже зрела новая сила, появление которой оказалось незамеченным противоборствующими сторонами. Речь идет об арабах. В их среде к началу VII в. полным ходом шел процесс консолидации отдельных племен в единое государство, завершившийся чуть позднее окончательным объединением аравийских арабов под знаменем новой религии — ислама. Еще в ходе войны 602—628 гг. они начали предпринимать походы против своего ближайшего соседа — сасанидского Ирана. Первое сражение такого рода произошло в 611 г. (?) близ урочища Зу-Кар, однако какое дело было Сасанидам, войска которых захватывали города византийского Востока один за другим и которым казалось, что еще немного, и их вековая мечта — восстановление границ империи Ахеменидов «до Пропонтиды и Фракии» — будет воплощена в жизнь, — какое им было дело до каких-то бедуинов, пусть и одержавших незначительную победу над одним из персидских отрядов. Логика войны заставляла иранских владык сосредоточить все свое внимание на западном направ-

лении; остальное в тогдашней обстановке казалось несущественным.

Иначе расценили ситуацию на Аравийском полуострове. Для лидеров зарождавшегося исламского мира столкновение при Зу-Каре стало лишь успешной «пробой пера». Выждав, пока Византия и Иран истощат друг друга в самой кровопролитной и разрушительной войне за всю историю их военно-политического противостояния, арабы-мусульмане в начале 630-х гг. вторглись на территорию обоих недавних противников. В течение менее чем двух десятилетий (с 633 по 651 г.) держава Сасанидов была полностью завоевана. В том же году, когда исламское воинство окончательно покорило Иран, погиб от руки алчного крестьянина-мельника и покинутый всеми последний царь из династии Сасанидов — Ездегерд III (632—651).

Более успешно шли дела у Византии. Ценой утраты всех своих африканских и большей части азиатских владений империя сумела-таки остановить арабские войска на границе Малой Азии. Однако об установлении контроля над всем переднеазиатским регионом византийским басилевсам теперь можно было забыть.

Гибель Сасанидской державы стала закономерным итогом непрерывных войн, сопровождавших всю историю этого государства с момента его возникновения в первой половине III в. н. э. Материальные и людские ресурсы Персии были не беспредельны. Сотни тысяч человеческих жизней стали платой за имперские амбиции шаханшахов. Население Ирана страдало от налогов и прямого хозяйственного ущерба, причинявшегося внешними врагами на западных, се-

верных и восточных рубежах страны. Не выдержала проверку временем и социально-политическая система Сасанидского государства. Ставка Сасанидов на духовную и светскую знать в сочетании с предоставлением ей различных льгот и привилегий способствовала обострению социальных противоречий, усилению зороастрийского духовенства и аристократических родов в ущерб центральной власти и, как следствие, ослаблению военно-административной мощи Персии. Нельзя забывать и о том, что, постоянно привлекая арабские контингенты на военную службу, персы объективно способствовали совершенствованию военного дела жителей Аравии, знакомили их с тактикой и стратегией сасанидской армии, с ее как сильными, так и слабыми сторонами.

Сочетание этих и ряда других факторов завершилось для Сасанидской державы катастрофой. Арабы огнем и мечом прошли по всему Ирану, уничтожив как многочисленные достижения среднеперсидской цивилизации, так и ее носителей — светскую и духовную аристократию. После этого дни сасанидской культуры были сочтены: обезглавленное общество, забывая свои традиции, было обречено на обращение в ислам, в основном завершившееся к концу VIII в. Почти тысячу лет (с походов Александра Македонского) Иран не подвергался таким испытаниям.

На этом история римско-персидских войн закончилась. Начиналась новая эпоха в истории противостояния Запада и Востока — эпоха борьбы Креста и Полумесяца...

БИБЛИОГРАФИЯ

1. ИСТОЧНИКИ

Agath. — Agathiae Mirinaei Historiarum libri quinque cum versione latina. Accedunt Agathiae epigrammata / Rec. B. G. Nieburrus. Bonnae, 1828. — *Агафий*. О царствовании Юстиниана / Пер. с древнегр. М. В. Левченко. М.; Л., 1953.

Amm. Marc. — *Ammianus Marcellinus*. Römische Geschichte. Lateinisch und Deutsch und mit einem Kommentar versehen von W. Seyfarth. Bd. 1—4. Berlin, 1968—1971. — *Аммиан Марцеллин*. История / Пер. с лат. Ю. А. Кулаковского и А. И. Сонни. Вып. 1—3. Киев, 1906—1908; СПб., 1996.

ETM. — *Expositio totius mundi et gentium* / Introduction, texte critique, traduction, notes et commentaire par J. Rougé. Paris, 1966. — Полное описание вселенной и народов / Пер. с лат. С. В. Поляковой // ВВ. 1956. Вып. 8. С. 277—305.

Euagr. — *Euagrius*. Ecclesiastical History / Ed. J. Bidez and L. Parmentier. L., 1898.

Eunap. *Fr.* — Eunapius // Blockley R. C. The Fragmentary Classicising Historians of the Later Roman Empire. Eunapius, Olympiodorus, Priscus and Malchus. Vol. II. Liverpool, 1983. — Византийские историки Дексипп, Евнапий, Олимпиодор, Малх, Петр Патрикий, Менандр, Кандид, Ноннос и Феофан Византиец / Пер. с древнегр. С. Дестуниса. СПб., 1860.

Eusebii Paphili Ecclesiasticae Historiae libri decem eiusdem De Vita Constantini Libri IV, nec non Constantini Oratio

ad Sanctos et Panegyricus Eusebii, graece et latine. Frankfurt/Main, 1822. — *Евсевий Памфил*. Жизнь Константина / Пер. Санкт-Петербургской Духовной академии, пересм. и испр. В. В. Серновой, примеч. А. Калинина. М., 1998.

Eutrop. — Eutropii Breviarium historiae Romanae / Ed. F. Rühl. Lipsiae, 1887. — *Евтропий*. Краткая история от основания города / Пер. с лат. А. И. Донченко // Римские историки IV века. М., 1997. С. 5—76.

Fest. — Festi Breviarium rerum gestarum populi romani / Ed. G. Freytag. Leipzig, 1886.

Heliod. — *Héliodore*. Les Éthiopiennes (Théagène et Chariclée). T. III / Texte étab. par R. M. Rattenbury, T. W. Lumb et trad. par J. Maillon. P., 1943.

Herod. — Herodoti Historiarum libri IX. Vol. 1—2 / Ed. H. Kallenberg. Lipsiae, 1903—1906. — *Геродот*. История / Пер. с древнегр. Г. А. Стратановского. Л., 1972.

Herodian. — Herodiani Ab excessu divi Marci libri VIII / Ed. K. Stavenhagen. Lipsiae; Berolini, 1922. — *Геродиан*. История императорской власти после Марка / Пер. с древнегр. А. И. Доватура и др. СПб., 1995.

Lact. *Mort. Pers.* — Lactantii De mortibus persecutorum / Ed. J. L. Creed. Oxford, 1984. — *Лактанций*. О смертях преследователей / Пер. с лат. В. М. Тюленева. СПб., 1998.

Liban. *Or.* — Libanii Opera. Vol. 1—12 / Rec. K. Foerster. Lipsiae, 1903—1923. — *Либаний*. Речи. Т. 1—2 / Пер. с древнегр. С. Шестакова. Казань, 1915.

Mauric. — *Mauricius*. Arta militară / Ed. H. Mihăescu. Bucureşti, 1970.

Men. *Fr.* — Византийские историки Дексипп, Евнапий, Олимпиодор, Малх, Петр Патрикий, Менандр, Кандид, Ноннос и Феофан Византиец / Пер. с древнегр. С. Дестуниса. СПб., 1860.

Prisc. *Fr.* — Priscus // Blockley R. C. The Fragmentary Classicising Historians of the Later Roman Empire. Eunapius, Olym-

piodorus, Priscus and Malchus. Vol. II. Liverpool, 1983. — *Дестунис Г. С.* Сказания Приска Панийского // УЗ 2-го отделения Императорской Академии наук. Кн. VII/1. СПб., 1861.

Proc. *Bell. Goth.* — Procopii Caesariensis Opera omnia. Vol. 1—5 / Rec. J. Hauri, C. Wirth. Lipsiae, 1962—1964. — *Прокопий Кесарийский.* Война с готами / Пер. с греч. С. П. Кондратьева. М., 1950.

Proc. *Bell. Pers.* — Procopii Caesariensis Opera omnia. Vol. 1—5 / Rec. J. Hauri, C. Wirth. Lipsiae, 1962—1964. — *Прокопий Кесарийский.* Война с персами // Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / Пер. с древнегр. А. А. Чекаловой. М., 1993. С. 7—175.

Proc. *Hist. Arc.* — Procopii Caesariensis Opera omnia. Vol. 1—5 / Rec. J. Hauri, C. Wirth. Lipsiae, 1962—1964. — *Прокопий Кесарийский.* Тайная история // Там же. С. 316—418.

Ptol. — Claudii Ptolemaei Geographica. Vol. 1—3 / Ed. C. F. A. Nobbe. Lipsiae, 1843—1845.

SHA. — Scriptores Historiae Augustae. Vol. 1—2 / Ed. E. Hohl, Ch. Samberger, W. Seyfarth. Lipsiae, 1965. — Авторы жизнеописаний Августов / Пер. с лат. С. П. Кондратьева // ВДИ. 1957. № 1. С. 257—269; № 2. С. 241—262; № 3. С. 223—241; № 4. С. 203—214; 1958. № 1. С. 251—270; № 2. С. 263—293; № 3. С. 239—261; № 4. С. 174—185; 1959. № 1. С. 223—245; № 2. С. 233—245; № 3. С. 227—244; № 4. С. 217—240; 1960. № 1. С. 211—239.

Socr. Schol. — Socratis Scholastici Ecclesiastica historia / Ed. R. Hussey. T. I—II. Oxonii, 1853. — *Сократ Схоластик.* Церковная история. М., 1996.

Strab. — Strabonis Geographica. Vol. 1—3 / Ed. A. Meineke. Lipsiae, 1904—1909. — *Страбон.* География / Пер. с древнегр. Г. А. Стратановского. М., 1964.

Тас. *Hist.* — P. Cornelii Taciti Libri qui supersunt. Vol. 1—2 / Ed. E. Koestermann. Lipsiae, 1962. — *Тацит Корнелий*. Анналы. Малые произведения. История / Пер. с лат. А. С. Бобовича и др. М., 2001.

Theophan. — Theophanis Chronographia / Rec. C. De Boor. Vol. I: Textum Graecum continens. Lipsiae, 1883. — *Феофан Византиец*. Летопись византийца Феофана от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта в переводе с греческого В. И. Оболенского и Ф. А. Терновского с предисловием О. М. Бодянского. М., 1884.

Theophyl. — Theophylacti Simocattae Historiae / Ed. C. De Boor. Lipsiae, 1887. — *Феофилакт Симокатта*. История. М., 1957.

Veget. *ERM.* — Flavii Vegetii Renati Epitoma rei militaris / Rec. C. Lang. Lipsiae, 1869. — *Вегеций*. Краткое изложение военного дела / Пер. с лат. С. П. Кондратьева // Греческие полиоркеттики. Вегеций. СПб., 1996. С. 151—306.

Zos. — Zosimi comitis et exadvocati fisci Historia nova / Ed. L. Mendelssohn. Lipsiae, 1887. — *Zosimus*. New History. L., 1814.

Tabari. — *Tabari*. The history of al-Tabarī (Ta'riḫ al-rusul wa'l-mulūk). Vol. 5. The Sasanides, the Byzantines, the Lakhmides and Yemen / Translated and annotated by C. E. Bosworth. N. Y., 1999.

АЗ. — Предание о сыне Зарера (Аййадгар-и Зареран) // Пехлевийская божественная комедия. Книга о праведном Виразе (Арда Вираз намаг) и другие тексты / Введ., транслитерация пехлевийских текстов, пер. и коммент. О. М. Чунаковой. М., 2001.

ВЧ. — Объяснение шахмат и изобретение нардов (Визаришн-и чатранг уд ниhiшн-и нев-ардашир) // Там же.

ДА. — Вавилонское дерево (Драхт-и асуриг) // Там же.

Егише. — *Егише*. О Вардане и войне армянской / Пер. с древнеарм. И. А. Орбели. Ереван, 1971.

МХ. — *Моисей Хоренский*. История Армении / Пер. с древнеарм. Н. О. Эмина. М., 1893.

Себеос. — История епископа Себеоса / Пер. с четвертого испр. арм. изд. Ст. Малхасянц. Ереван, 1939.

ФБ. — *Фавст Бузанд*. История Армении Фавстоса Бузанда / Пер. с арм. М. А. Геворгяна. Ереван, 1953.

ХК. — Хосров, сын Кавада, и его паж (Хусрав-и Кавадан уд редаг-е) // Пехлевийская божественная комедия. Книга о праведном Виразе (Арда Вираз намаг) и другие тексты / Введ., транслитерация пехлевийских текстов, пер. и коммент. О. М. Чунаковой. М., 2001.

2. ИСПОЛЬЗОВАННАЯ И РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Адопц Н. Г. Фауст Византийский как историк // ХВ. 1922. Т. 6. Вып. 3.

Амбарцумян А. А. Этноним «хйаона» в Авесте // ЗВОРАО. Н. С. Т. 1 (26). СПб., 2002.

Аракелян Б. Н. Археологические открытия в Армении // ВДИ. 1951. № 1.

Арзуманян Н. А. Пехота сасанидской армии при полиоркетике (Осада) // ВОН АН Армянской ССР. 1971. № 9.

Бартольд В. В. Иран. Исторический обзор // Бартольд В. В. Сочинения в 9 томах. Т. 7. М., 1971.

Бернштам А. Н. Очерк истории гуннов. Л., 1951.

Вдовин В. Ю., Никонов В. П. Фрагменты панцирного доспеха позднесасанидского времени из Тоголок-депе // ИАН Туркменской ССР. СГН. 1991. № 4.

Всемирная история. Т. 2 / Под ред. Е. М. Жукова и др. М., 1956.

Горелик М. В. Защитное вооружение персов и мидян ахеменидского времени // ВДИ. 1982. № 3.

Горелик М. В. Сакский доспех // Центральная Азия: Новые памятники письменности и искусства. М., 1987.

Горелик М. Шагающие крепости // <http://www.xlegio.ru/pubs/elephantes/elephantes.htm>.

Гумилев Л. Н. Эфталиты и их соседи в IV в. // ВДИ. 1959. № 1.

Гумилев Л. Н. Хунну // Гумилев Л. Н. История народа хунну: В 2-х книгах. Кн. 1. М., 1998.

Даниэлян Э. Л. Год раздела Армении. 387 или 385? // Историко-филологический журнал АН АрмССР. 1980. № 1.

Джафаров Ю. Р. К вопросу о первом появлении сабир на Кавказе // ВДИ. 1979. № 3.

Дмитриев В. А. Состав персидской армии IV в. н. э. в известиях римского историка Аммиана Марцеллина // Метаморфозы истории: Альманах. Вып. 3. Псков, 2003.

Дьяконов М. М. Очерк истории Древнего Ирана. М., 1961.

Еремян С. Т. Народно-освободительная война армян против персов в 450—451 гг. // ВДИ. 1951. № 4.

Иванов М. С. Очерк истории Ирана. М., 1952.

История Востока. Т. 2: Восток в средние века / Под ред. Л. Б. Алаева, К. З. Ашрафяна. М., 2000.

История таджикского народа. Т. 1. М., 1963.

История Узбекской ССР. Т. 1. Кн. 1. Ташкент, 1955.

Иностранцев К. А. Сасанидские этюды. СПб., 1909.

История Востока. Т. 2: Восток в средние века. М., 2000.

Закавказье и сопредельные страны между Ираном и Римом. Христианизация Закавказья // История древнего мира. Кн. 3: Упадок древних обществ / Под ред. И. М. Дьяконова, В. Д. Нероновой, С. И. Свенцицкой. М., 1982.

Каминский В. Н. О конструкции лука и стрел северокавказских аланов // КСИА. Вып. 170. 1982.

Кареев И. И. Монархии Древнего Востока и греко-римского мира. СПб., 1913.

Колесников А. И. Иран в начале VII века (источники, внутренняя и внешняя политика, вопросы административного деления). Л., 1970.

Колесников А. И. Завоевание Ирана арабами (Иран при «праведных» халифах). М., 1982.

Крымский А. Е. История Сасанидов и завоевание Ирана арабами. С указанием главных моментов литературной истории христиан-сириян и политической истории вассальных Ирану арабов и с приложением отдела о Парфянском царстве и Аршакидах. М., 1905.

Литвинский Б. А. Проблемы этнической истории древней и раннесредневековой Ферганы // История и культура народов Средней Азии (древность и средневековье). М., 1976.

Литвинский Б. А., Пьянков И. В. Военное дело у народов Средней Азии в VI—IV вв. до н. э. // ВДИ. 1966. № 3.

Луконин В. Г. Иран в эпоху первых Сасанидов: Очерки по истории культуры. Л., 1961.

Луконин В. Г. Иран в III в.: Новые материалы и опыт исторической реконструкции. М., 1979.

Луконин В. Г. Сасанидская держава в III—V вв. // История древнего мира. Кн. 3: Упадок древних обществ / Под ред. И. М. Дьяконова, В. Д. Нероновой, С. И. Свенцицкой. М., 1982.

Луконин В. Г. Древний и раннесредневековый Иран: Очерки истории культуры. М., 1987.

Мандельштам А. А. К вопросу о кидаритах // КСИЭ. 1958. Вып. 30.

Массон В. М., Рамодин В. А. История Афганистана. Т. 1: С древнейших времен до начала XVI в. М., 1964.

Массон В. М., Сарианиди В. И. Каракумы: заря цивилизации. М., 1972.

Никоноров В. П. Развитие конского защитного снаряжения античной эпохи // КСИА. 1985. Вып. 184.

Никоноров В. П. Вооружение и военное дело в Парфии. Л., 1987.

Никоноров В. П. Военное дело европейских гуннов в свете данных греко-латинской письменной традиции // ЗВОРАО. Н. С. Т. 1 (26). СПб., 2002.

Никоноров В. П. К вопросу о парфянском наследии в сасанидском Иране: военное дело // Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов: археология, история, этнология, культура: Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Александра Марковича Беленицкого (Санкт-Петербург, 2—5 ноября 2004 г.). СПб., 2005.

Никоноров В. П., Худяков Ю. С. «Свистящие стрелы» Маодуня и «Марсов меч» Аттилы: Военное дело азиатских хунну и европейских гуннов. СПб.; М., 2004.

Патканов К. П. Опыт истории династии Сасанидов по сведениям, сообщаемым армянскими писателями. СПб., 1863.

Перевалов С. М. Сарматский контос и сарматская посадка // РА. 1999. № 4.

Периханян А. Г. Общество и право Ирана в парфянский и сасанидский периоды. М., 1983.

Пигулевская Н. В. Оборона городов Месопотамии в VI в. // УЗ ЛГУ (серия исторических наук). 1941. № 86. Вып. 12.

Пигулевская Н. В. Византия и Иран на рубеже VI—VII вв. М.; Л., 1946.

Пигулевская Н. В. Византия на путях в Индию. Из истории торговли Византии с Востоком в IV—VI вв. М., 1951.

Пигулевская Н. В. Арабы у границ Византии и Ирана в IV—VI вв. М.; Л., 1964.

Пигулевская Н. В. Византия и Восток // ПС. Вып. 23. 1971.

Пигулевская Н. В. и др. История Ирана с древнейших времен до конца XVIII в. Л., 1958.

Пилипко В. Н. Терракотовое изображение сасанидского вельможи с побережья Средней Амударьи // ПТ. 1977. № 2.

Пугаченкова Г. А. О панцирном вооружении парфянского и бактрийского воинства // ВДИ. 1966. № 2.

Разин Е. А. История военного искусства. Т. 1: Военное искусство рабовладельческого периода войны. М., 1955.

Симоненко А. В. Некоторые дискуссионные вопросы современного сарматоведения // ВДИ. 2002. № 1.

Стависский Б. Я., Вайнберг Б. И. Сасаниды в Правобережной Бактрии (Тохаристане) в IV—V вв. // ВДИ. 1972. № 3.

Тер-Мкртчян Л. Х. Армянские источники о Средней Азии V—VII вв. М., 1979.

Тирацян Г. А. Уточнение некоторых деталей Сасанидского вооружения по данным армянского историка IV в. н. э. Фавста Бузанда // Исследования по истории культуры народов Востока: Сб. в честь академика И. А. Орбели. М.; Л., 1960.

Толстов С. П. Древний Хорезм: Опыт историко-археологического исследования. М., 1948а.

Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.; Л., 1948б.

Тревер К. В. Кушаны, хиониты, эфталиты по армянским источникам IV—VII вв. // СА. 1954. Т. 21.

Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. IV в. до н. э.—VII в. н. э. М.; Л., 1959.

Тревер К. В., Лукоцкий В. Г. Сасанидское серебро. Собрание Государственного Эрмитажа: Художественная культура Ирана III—VIII веков. М., 1987.

Фрай Р. Н. Наследие Ирана. М., 1972.

Фрай Р. Н. Наследие Центральной Азии: От древности до тюркского нашествия. Душанбе, 2000.

Холмогоров В. И. Римская стратегия IV в. н. э. у Аммиана Марцеллина // ВДИ. 1939. № 3.

Хуришудян Э. Ш. Армения и сасанидский Иран (Историко-культурологическое исследование). Алматы, 2003.

Черненко Е. В. О времени и месте появления тяжелой конницы в степях Евразии // Проблемы скифской археологии (Сб.). М., 1971.

Allan J. W. Armor // *Elr.* 1987. Vol. 2. Fasc. 5.

Austin N. J. E. Ammianus on warfare. An investigation into Ammianus' military knowledge // *CL.* 1979. Vol. 165.

Altheim F. Geschichte der Hunnen. Bd. 1. Berlin, 1959.

Baynes N. H. Rome and Armenia in the fourth century // *EHR.* 1910. № 25.

Bivar A. D. H. Cavalry equipment and tactics on the Euphrates frontier // *DOP.* 1972. № 26.

Blockly R. C. Ammianus Marcellinus on the Persian invasion of A. D. 359 // *Phoenix.* Vol. 52. 1988.

Brok M. F. A. De persische Expeditie van Keiser Julianus volgens Ammianus Marcellinus. Groningen, 1959.

Brown F. A recently discovered compound bow // *Seminarium Kondakovianum.* IX. Praha, 1937.

Bury J. B. The date of the battle of Singara // *BZ.* 1896. Bd. 5. Hft. 2.

Cameron A. Agathias on the Sassanians // *DOP.* 1969—1970. № 23/24.

Chalmers W. R. Eunapius, Ammianus Marcellinus and Zosimus on Julian's Persian expedition // *CQ.* 1960. Vol. 10 (54).

Chapot V. La frontiere de l'Euphrate du Pompe a la conquete arabe. P., 1907.

Chaumont M. L. Argbed // *Elr.* 1987a. Vol. 2.

Chaumont M. L. Armenia and Iran. II. The pre-Islamic period // *Elr.* Vol. 2. 1987b.

Chaumont M. L. Āzād. I: In Ancient Iran // *Elr.* 1989. Vol. 3.

CHI. Vol. 3 (1). The Seleucid, Parthian and Sasanian periods / Ed. By E. Yarshater. Cambridge; L.; N. Y.; New Rochelle; Melbourne; Sydney, 1983.

Christensen A. L'Iran sous les Sassanides. Copenhagen, 1944.

Coulston J. C. Roman, Parthian and Sassanid tactical developments // *The defense of the Roman and Byzantine East: Proceedings of a colloquium held at the University of Sheffield*

in April 1986 / Ed. by Ph. Freeman and D. Kennedy. Pt. 1. Oxford BAR, 1986.

Crump G. A. Ammianus Marcellinus as a military historian. Wiesbaden, 1975.

Enoki K. On the nationality of the Ephtalites // Memoirs of the Research Department of the Toyo Bunko. 1959. № 18.

Felix W. Chionites // *EIr.* 1991. Vol. 5.

Felix W. Deylamites. I. The pre-Islamic period // *EIr.* 1996. Vol. 7.

Frye R. N. The History of Ancient Iran. München, 1984.

Frye R. N. Adergoudounbades // *EIr.* 1986. Vol. 1.

Gall H., von. Das Reiterkampfbild in der iranischen und iranisch beeinflussten Kunst parthischer und sasanidischer Zeit. Berlin, 1990.

Gaudin O. Remarques sur le texte «La peste d'Amida (Ammianus Marcellinus. 19. 4)» // *Etudes de medicine romaine Memoires du centre Jean-Palmerne.* 1988. T. 8.

Ghirshman R. Les Chionites — Hephtalites. Le Caire, 1948.

Ghirshman R. Iran: From the Earliest Times to the Islamic Conquest. Harmondsworth, 1954.

Gibb H. A. R. The relations between Byzantium and the Arabs // *DOP.* 1964. № 18.

Gignoux Ph. Chiliarch // *EIr.* 1992. Vol. 5.

Goldman B. The later pre-Islamic riding costume // *IA.* 1993. Vol. 28.

Greatrex G. Rome and Persia at war, 502—532. Leeds, 1998.

Gyselen R. Spāhbed // [http:// www.bibliothecapersica.com/articlenavigation/ index.html](http://www.bibliothecapersica.com/articlenavigation/index.html)

Gyselen R. The four generals of the Sasanian Empire: Some sigillographic evidence. Roma, 2001.

Harper P. O. The Royal Hunter: Art of the Sasanian Empire. N. Y., 1978.

Herrmann G. The Iranian Revival. Oxford, 1977.

Herrmann G. Parthian and Sasanian saddlery // *Archaeologia Iranica et Orientalis. Miscellanea in honorem Louis vander Berghe*. Edenda curavit L. de Meyer et. E. Haernick. Vol. 2. Gent, 1989.

Herrmann G., Howell R. Iranische Denkmäler. Reihe 2: Iranische Felsreliefs. Lieferung 8D: Naqsh-i Rostam 5 and 8: Sasanian reliefs attributed to Hormuzd II and Narseh. Berlin, 1977.

Herrmann G., Howell R. Iranische Denkmäler. Reihe 2: Iranische Felsreliefs. Lieferung 10F: The Sasanian rock reliefs at Bishapur. Pt. 2. Berlin, 1981.

Herrmann G., Mackenzie D. N., Howell R. Iranische Denkmäler. Reihe 2: Iranische Felsreliefs. Lieferung 11G: The Sasanian rock reliefs at Bishapur. Pt. 3. Berlin, 1983.

Herrmann G., Mackenzie D. N., Howell R. Iranische Denkmäler. Reihe 2: Iranische Felsreliefs. Lieferung 13I: The Sasanian rock reliefs at Naqsh-i Rostam. Berlin, 1989.

Higgins M. J. The Persian War of the emperor Maurice. Washington (D. C.), 1939.

Justi F. Geschichte Irans von den ältesten Zeiten bis zum Ausgang der Sasaniden // *Grundriss der iranischen Philologie*. Bd. 2. Strassburg, 1896.

Kettenhofen E. Deportations. II: In the Parthian and Sasanian periods // *EIr*. 1994. Vol. 7.

Lauffer B. Chinese clay figures. Pt. 1: Prolegomena on the history of defensive armour. Chicago, 1914.

Lee A. D. Embassies as evidence for the movement of military intelligence between the Roman and Sassanian Empires // *The defense of the Roman and Byzantine East. Proceedings of a Colloquium held at the University of Sheffield in April 1986* / Ed. by Ph. Freeman and D. Kennedy. Pt. 2. Oxford BAR, 1986.

Lenssen J. The Persian invasion of 359. Presentation by suppression in Ammianus Marcellinus' *Res Gestae* 18.4.1—

18.6.7 // The late Roman world and its historian. Interpreting Ammianus Marcellinus. L.; N. Y., 1999.

Lieu S. N. C. Captives, refugees and exiles a study of cross-frontier civilian movements and contacts between Rome and Persia from Valerian to Jovian // The defense of the Roman and Byzantine East / Proceedings of a colloquium held at the University of Sheffield in April 1986 / Ed. by Ph. Freeman and D. Kennedy. Pt. 2. Oxford BAR, 1986.

Mango M. M. Amida // ODB. 1991. Vol. 1.

Masia K. The evolution of swords and daggers in the Sasanian Empire // IA. 2000. Vol. 35.

Matthews J. F. Ammianus and the eastern frontier in the fourth century: a participant's view // The defense of the Roman and Byzantine East / Proceedings of a colloquium held at the University of Sheffield in April 1986 / Ed. by Ph. Freeman and D. Kennedy. Pt. 2. Oxford BAR, 1986.

Melikian-Shirvani A. S. Banners // Elr. 1988. Vol. 3. Fasc. 7.

Michalak M. The origin and development of sassanian heavy cavalry // FO. 1987. Vol. 24.

Mielczarek M. Cataphracti and clibanarii. Studies on the heavy armoured cavalry of the ancient world. Łódź, 1993.

Mielczarek M. Cataphracts — a Parthian element in the Seleucid art of war // Ancient Iran and the Mediterranean world / Proceedings of an international conference in honour of Professor Josef Wólski held at the Jagellonian University, Cracow, in September 1996. Krakow, 1998.

McGovern W. M. Early empires of Central Asia. A study of the Scythians and the Huns and the part they played in world history. Chapel Hill, 1939.

Nicolle D. Sassanian armies: The Iranian Empire, early 3rd to mid-7th centuries A. D. Stockport, 1996.

Nikonorov V. P. Cataphracti, catafractarii and clibanarii: Another look at the old problem of their identifications // Военная археология: Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе: Материалы Международ-

ной конференции (Санкт-Петербург, 2—5 сентября 1998 г.). СПб., 1998.

Nöldeke Th. Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sasaniden. Aus der arabischen Chronik des Tabari. Leiden, 1879.

Olbrycht M. Parthian military strategy at wars against Rome // Военная археология: Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе: Материалы Международной конференции (Санкт-Петербург, 2—5 сентября 1998 г.). СПб., 1998.

Overlaet B. J. Contribution to Sasanian armament in connection with a decorated helmet // IA. 1982. Vol. 17.

Overlaet B. J. Swords of the Sasanians, notes on scabbard tips // Archaeologia Iranica et Orientalis. Miscellanea in honorem Louis vander Berghe. Edenda curavit L. de Meyer et E. Harnick. Vol. 2. Gent, 1989.

Paterson W. F. The Sassanids // JSAA. 1969. Vol. 12.

Peck E. H. Clothing IV. In the Sasanian Period // EIr. 1992. Vol. 5.

Rance Ph. Elephants in warfare in Late Antiquity // AAASH. 2003. T. 43/3—4.

Rawlinson G. The seventh great Oriental monarchy or the geography, history and antiquities of the Sassanian or New Persian empire. L., 1876.

Ridley R. T. Notes on Julian's Persian expedition (363) // Historia. 1973. Bd. 22.

Rubin Z. The Reforms of Khusrō Anūshirwān // The Byzantine and Early Islamic Near East. III: States, resources and armies. Princeton, 1995.

Seeck O. Hormisdas // RE. 1913. Hbd. 15.

Seeck O. Sapor (II) // RE. 1920. Reihe 2. Hbd. 2.

Sellwood D. Amida // EIr. 1986. Vol. 1.

Shahbazi A. Sh. Army. I: The pre-Islamic Iran // EIr. 1987a. Vol. 2. Fasc. 9.

Shahbazi A. Sh. Asb. I: The pre-Islamic Iran // EIr. 1987b. Vol. 2.

Shahbazi A. Sh. Byzantine-Iranian relations. I: Before the Islamic conquest // *EIr.* 1990. Vol. 4.

Skjærvø P. O. Aswār // *EIr.* 1987. Vol. 2.

Smith R. Telling tales. Ammianus' narrative of the Persian expedition of Julian // *The late Roman world and its historian. Interpreting Ammianus Marcellinus.* L.; N. Y., 1999.

Stark F. Rome on the Euphrates. The story of a frontier. L., 1966.

Sundermann W. Artēštārān sālār // *EIr.* 1987. Vol. 2.

Sundermann W. Bidaxš // *EIr.* 1989. Vol. 4.

Survey of Persian art from prehistoric times to the present / Ed. by A. U. Pope. Vol. 1: Pre-Achemenid, Achemenid, Parthian and Sasanian periods. L.; N. Y., 1938.

Survey of Persian art from prehistoric times to the present / Ed. by A. U. Pope. Vol. 3: The art of the book, textiles, carpets, metal work, minor arts. L.; N. Y., 1939.

Sykes P. A history of Persia. Vol. 1. L., 1921.

Tafazzoli A. Sasanian society: Warriors, scribes, dehqāns. N. Y., 2000.

Tomaschek W. Chionitae // *RE.* 1899. Hbd. 6.

Toumanoff C. Aspet // *EIr.* 1987. Vol. 2.

Whitby M. The Persian King at war // *The Roman and Byzantine army in the East. Proceedings of a colloquium held at the Jagiellonian University, Kraków in September 1992.* Kraków, 1994.

Wieshöfer J. Ardašir I. I: History // *EIr.* 1986. Vol. 2.

Wilcox P. Rome's enemies (3): Parthians and Sassanid Persians. Oxford, 2003.

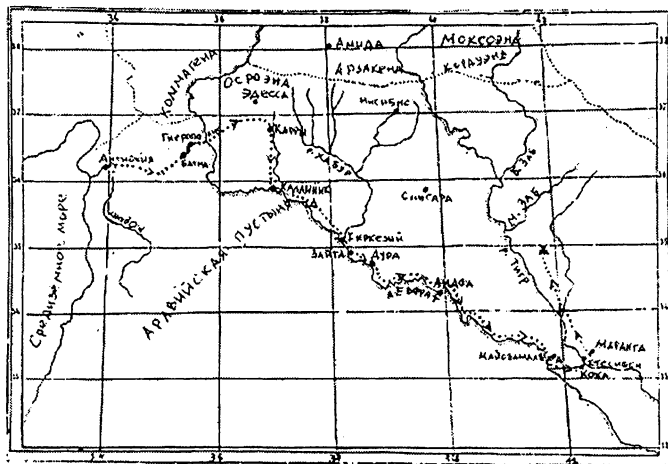
ПРИЛОЖЕНИЯ

1. СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН	— Академия наук
ВВ	— Византийский временник
ВДИ	— Вестник древней истории
ВОН	— Вестник общественных наук
ЗВОРАО	— Записки Восточного отделения Российского археологического общества
ИАН	— Известия Академии наук
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИЭ	— Краткие сообщения Института этнографии
Н. С.	— Новая серия
ПС	— Палестинский сборник
ПТ	— Памятники Туркменистана
РА	— Российская археология
СА	— Советская археология
СГН	— Серия гуманитарных наук
УЗ	— Ученые записки
ХВ	— Христианский сборник
AAASH	— Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae
BAR	— British Archeological Reports
BZ	— Byzantinische Zeitschrift
CHI	— Cambridge History of Iran
CL	— Collection Latomus
CQ	— Classical Quarterly
DOP	— Dumbarton Oaks Papers
EHR	— English Historical Review
Elr	— Encyclopaedia Iranica

FO	— Folia Orientalia
IA	— Iranica Antiqua
JSAA	— The Journal of the Society of Archer-Antiquaries
ODB	— Oxford Dictionary of Byzantium
RE	— Pauly's Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung, begonnen von G. Wissowa

2. КАРТЫ

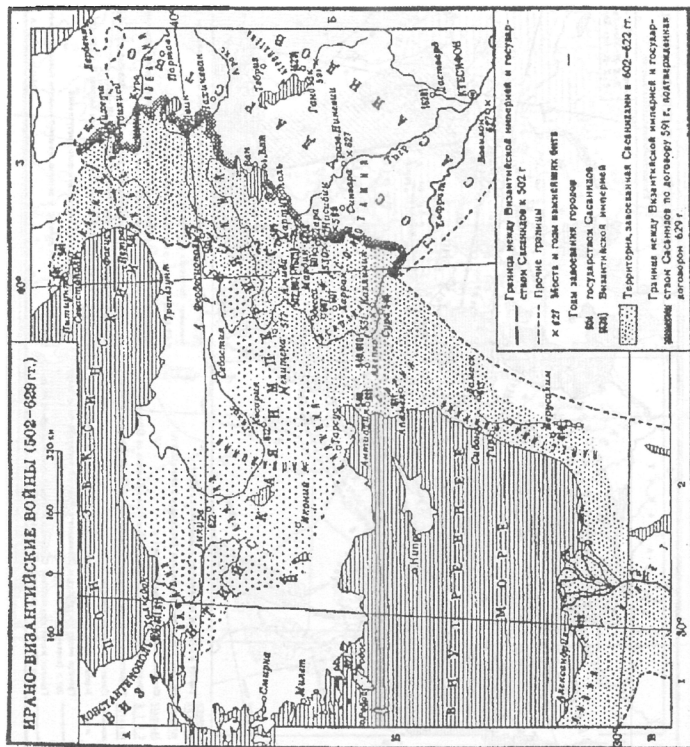

Условные обозначения

...➤ Путь римской армии

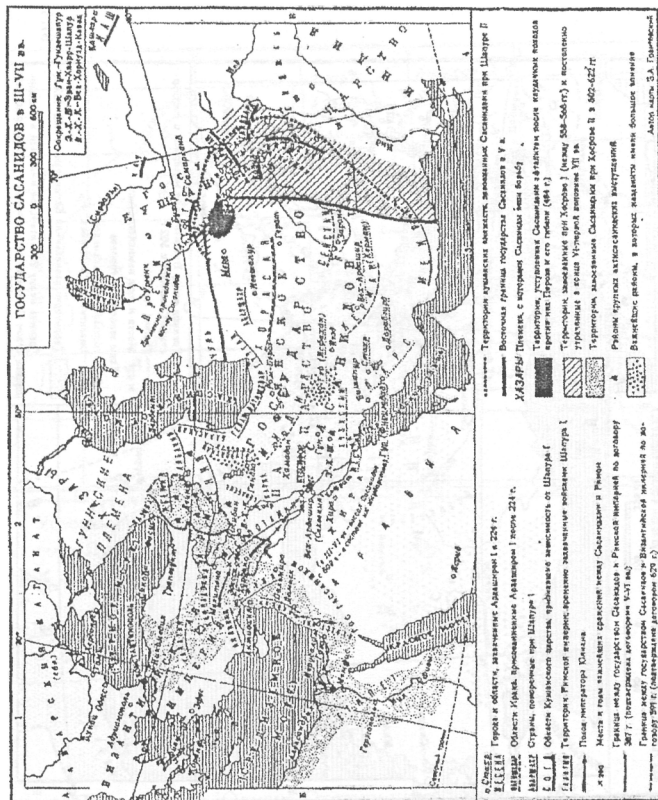
✕ Место гибели Юлиана

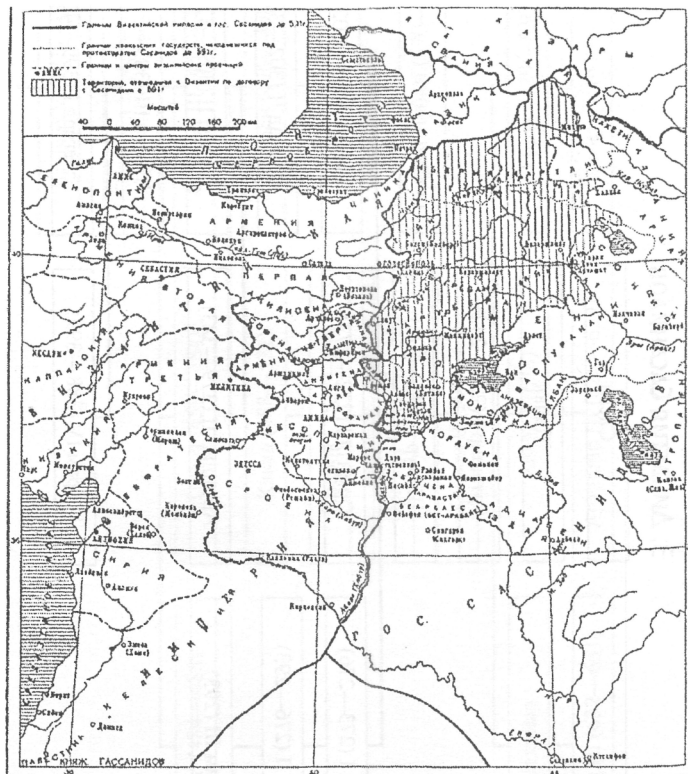
1. Поход армии Юлиана Отступника в Персию (363 г.)

2. Ирано-византийские войны (502—629 гг.)

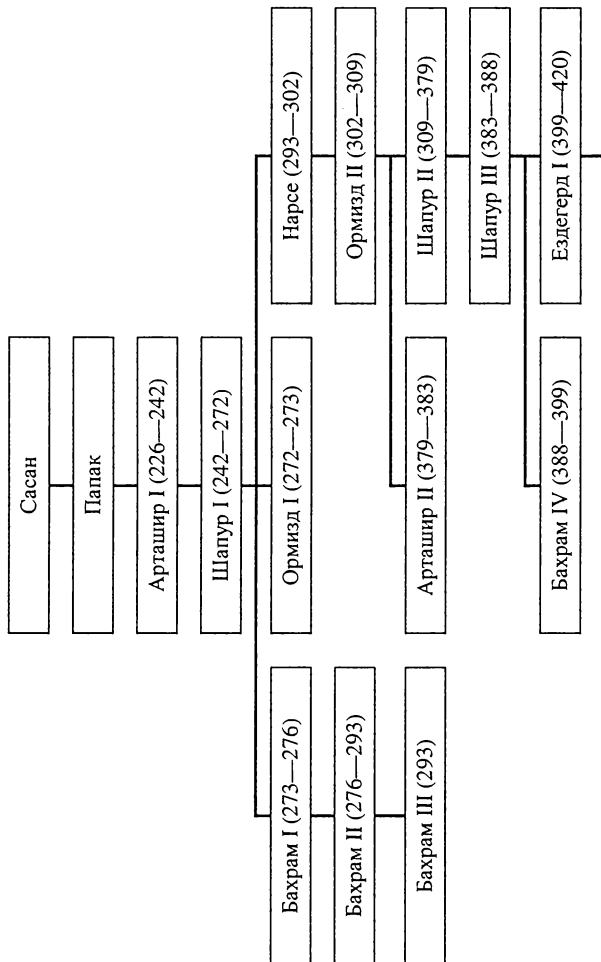
3. Государство Сасанидов в III—VII вв.

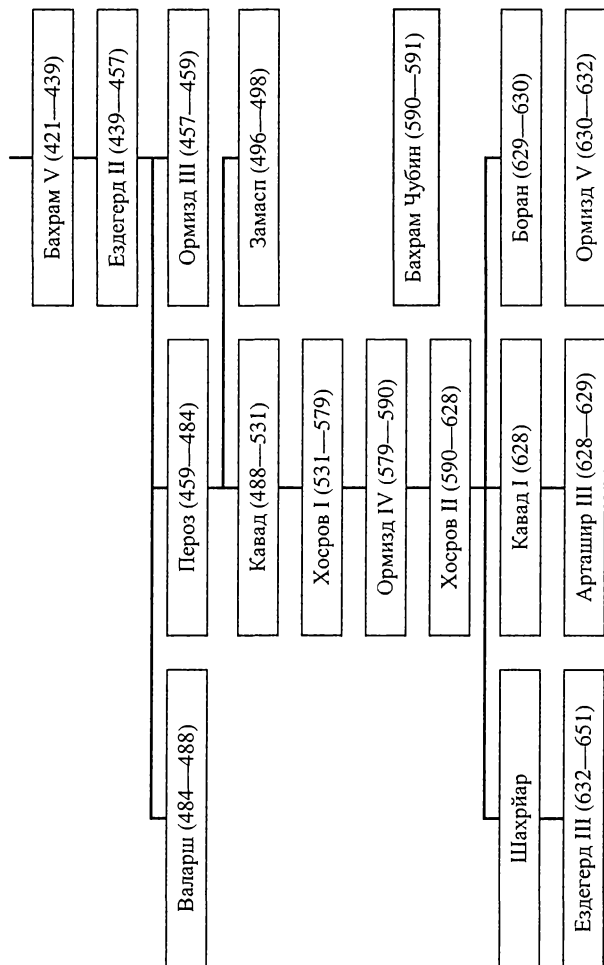

4. Изменения границ Византии и Ирана по договору 591 г.

3. ДИНАСТИЯ САСАНИДОВ

4. ПРЕДСТАВИТЕЛИ ДИНАСТИИ САСАНИДОВ ПО ИЗОБРАЖЕНИЯМ НА МОНЕТАХ ¹

Арташир I (226—242)

Шапур I (242—272)

Бахрам I (273—276)

Бахрам II (276—293)

¹ Воспроизведено по материалам сайта «История Древнего Ирана» (<http://ktesifon.sitecity.ru>).

Бахрам III (293)

Нарсе (293—302)

Шапур II (309—379)

Арташир II (379—383)

Шапур III (383—388)

Бахрам IV (388—399)

Ездегерд I (399—420)

Бахрам V (421—438)

Ездегерд II (439—457)

Пероз (459—484)

Кавад (488—531)

Хосров I (531—579)

Ормизд IV (579—590)

Хосров II (590—628)

Арташир III (628—630)

Боран (царица) (630—631)

Ездегерд III (632—651)

5. РИМСКИЕ И ВИЗАНТИЙСКИЕ ИМПЕРАТОРЫ (КОНЕЦ II—ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА VII в.)

Римские императоры (конец II—конец IV в.)

- 193—211 — Септимий Север (*Император Цезарь Луций Септимий Север Пертинакс Август*)
- 193—197 — Клодий Альбин (*Император Цезарь Децим Клодий Септимий Альбин Август*)
- 193—194 — Песценний Нигер (*Император Цезарь Гай Песценний Нигер Юст Август*)
- 211—217 — Каракалла (*Император Цезарь Марк Аврелий Антонин Август*)
- 211—212 — Гета (*Император Цезарь Публий Септимий Гета Август*)
- 217—218 — Макрин (*Император Цезарь Марк Опеллий Макрин Август*)
- 218—222 — Элагабал (*Император Цезарь Марк Аврелий Антонин Август*)
- 222—235 — Александр Север (*Император Цезарь Марк Аврелий Север Александр Август*)
- 235—238 — Максимин (*Император Цезарь Гай Юлий Вер Максимин Август*)
- 238 — Гордиан I (*Император Цезарь Марк Антоний Гордиан Семпрониан Римский Африканский Август*)
- 238 — Гордиан II (*Император Цезарь Марк Антоний Гордиан Семпрониан Римский Африканский Август*)
- 238 — Пупиен (*Император Цезарь Марк Клодий Пупиен Максим Август*)
- 238 — Бальбин (*Император Цезарь Децим Целий Кальвин Бальбин Август*)
- 238—244 — Гордиан III (*Император Цезарь Марк Антоний Гордиан Август*)

- 244—249 — Филипп Араб (*Император Цезарь Марк Юлий Филипп Август*)
- 247—249 — Филипп Младший (*Император Цезарь Марк Юлий Филипп Август*)
- 249—251 — Деций (*Император Цезарь Гай Мессий Квинт Траян Деций Август*)
- 251 — Деций Младший (*Император Цезарь Квинт Герренний Этруск Мессий Деций Август*)
- 251 — Гостиллиан (*Император Цезарь Гай Валент Гостиллиан Мессий Квинт Август*)
- 251—253 — Требониан Галл (*Император Цезарь Гай Вибий Требониан Галл Август*)
- 251—253 — Волусиан (*Император Цезарь Гай Вибий Афиний Галл Велдунниан Волусиан Август*)
- 253 — Эмилиан (*Император Цезарь Марк Эмилиус Эмилиан Август*)
- 253—260 — Валериан (*Император Цезарь Публий Лициний Валериан Август*)
- 253—268 — Галлиен (*Император Цезарь Публий Лициний Эгнат Галлиен Август*)
- 258—268 — Постум (*Император Цезарь Марк Кассиан Латин Постум Август*)
- 268—270 — Викторин (*Император Цезарь Марк Пиавон Викторин Август*)
- 268—270 — Клавдий II Готский (*Император Цезарь Марк Аврелий Клавдий Август*)
- 270—273 — Тетрик (*Император Цезарь Гай Пий Эсувий Тетрик Август*)
- 270 — Квинтилл (*Император Цезарь Марк Аврелий Клавдий Квинтилл Август*)
- 270—275 — Аврелиан (*Император Цезарь Луций Домиций Аврелиан Август*)
- 275—276 — Тацит (*Император Цезарь Марк Клавдий Тацит Август*)

- 276 — Флориан (*Император Цезарь Марк Анний Флориан Август*)
- 276—282 — Проб (*Император Цезарь Марк Аврелий Проб Август*)
- 282—283 — Кар (*Император Цезарь Марк Аврелий Кар Август*)
- 283—285 — Карин (*Император Цезарь Марк Аврелий Карин Август*)
- 283—284 — Нумериан (*Император Цезарь Марк Аврелий Нумерий Нумериан Август*)
- 284—305 — Диоклетиан (*Император Цезарь Гай Аврелий Валерий Диоклетиан Август*)
- 286—293 — Караусий (*Император Цезарь Марк Аврелий Август*)
- 286—305 — Максимиан (*Император Цезарь Марк Аврелий Максимиан Август*)
- 293—296 — Аллект (*Император Цезарь Аллект Август*)
- 293—311 — Галерий (*Император Цезарь Гай Галерий Валерий Максимиан Август*)
- 293—306 — Констанций I (*Император Цезарь Марк Флавий Валерий Констанций Август*)
- 305—307 — Флавий Север (*Император Цезарь Флавий Валерий Север Август*)
- 305—313 — Максимин Дая (*Император Цезарь Галерий Валерий Максимин Август*)
- 306—337 — Константин I (*Император Цезарь Гай Флавий Валерий Константин Август*)
- 307—310 — Максимиан (*Император Цезарь Марк Аврелий Максимиан Август*)
- 307—312 — Максенций (*Император Цезарь Марк Аврелий Валерий Максенций Август*)
- 308—311 — Александр (*Император Цезарь Луций Домиций Александр Август*)
- 308—324 — Лициний (*Император Цезарь Валерий Лициний Лициний Август*)

- 337—340 — Константин II (*Император Цезарь Флавий Клавдий Константин Август*)
337—350 — Констант (*Император Цезарь Флавий Юлий Констант Август*)
337—361 — Констанций II (*Император Цезарь Юлий Констанций Август*)
350—353 — Магненций (*Император Цезарь Флавий Магн Магненций Август*)
361—363 — Юлиан (*Император Цезарь Флавий Клавдий Юлиан Август*)
363—364 — Иовиан (*Император Цезарь Флавий Иовиан Август*)
364—375 — Валентиниан I (*Император Цезарь Флавий Валентиниан Август*)
364—378 — Валент (*Император Цезарь Флавий Валент Август*)
367—383 — Грациан (*Император Цезарь Флавий Грациан Август*)
375—392 — Валентиниан II (*Император Цезарь Флавий Валентиниан Август*)
379—395 — Феодосий I (*Император Цезарь Флавий Феодосий Август*)
383—388 — Магн Максим (*Император Цезарь Магн Максим Август*)
384—388 — Флавий Виктор (*Император Цезарь Флавий Виктор Август*)
392—394 — Евгений (*Император Цезарь Флавий Евгений Август*)

*Императоры Восточной Римской
(Византийской) империи
(конец IV—середина VII в.)*

- 395—408 — Аркадий
408—450 — Феодосий II

450—457 — Маркиан
457—474 — Лев I
474 — Лев II
474—491 — Зенон
491—518 — Анастасий I
518—527 — Юстин I
527—565 — Юстиниан I
565—578 — Юстин II
578—582 — Тиберий II
582—602 — Маврикий
602—610 — Фока
610—641 — Ираклий I
641 — Константин III, Ираклий II
641—668 — Констант II

6. ДРЕВНИЕ МЕРЫ ДЛИНЫ, МАССЫ И ДЕНЕЖНЫЕ ЕДИНИЦЫ, УПОМЯНУТЫЕ В ТЕКСТЕ

Меры длины

Стадия = 176,6 м

Парсанг = 5250 м

Меры массы

Либра (фунт) = 327,45 г

Денежные единицы

Кентинарий = 100 либр золота

SUMMARY

«THE HORSEMEN IN GLITTERING ARMOUR»

The Art of Warfare in Sasanian Iran and the History of the Roman-Persian Wars

by Vladimir A. Dmitriev

The book consists of two parts. The former has to do with diverse aspects of the Sasanian art of warfare, viz. the composition and organization of the Persian army, its armament and other military outfit, as well as battle tactics and strategy. On the basis of the available evidence one can come to a conclusion that the organization of the Persian host was quite different from the Late Roman/Early Byzantine professional armies, being *de facto* no more than irregular troops. The Persian basic force was cavalry divided into heavy-armed *cataphracts* and light-armed archers. In addition, some infantry and elephant corps were in the composition of the Sasanian army.

The Persians' tactics were grounded on cavalry operations with the use of various stratagems. Their stra-

tegy, unlike that of the Romans, was almost always offensive: it is significant that even in its crisis periods Sasanian Iran attacked the Roman Near Eastern possessions.

The latter part of the book deals with the Sasanian-Roman wars for the Near and Middle East. Its history may be divided into several chronological periods:

1) 235—298: Primarily, the first two Sasanian monarchs — Ardashir I (226—242) and Shapur I (242—272) — were able to achieve significant successes. However, later on — under the emperor Diocletian (284—305) — the Romans could win the war of 296—298 and restored *status quo*.

2) Early 4th century through 387: Prevalence of Iran due mostly to great military achievements of the outstanding Sasanian king Shapur II (309—379).

3) 387—540: Period of relatively peaceful co-existence of both the empires, which was interrupted with short-time conflicts of local nature only.

4) 540—579: Drastic escalation of their relations due to the Persian monarch Khusrau I' aggressive politics. Just thanks to great efforts the Romans were able to withstand his expansion.

5) 579—591: Period of changeable successes in the struggle between Rome and Iran for the Near East.

6) 591—628: Conclusive stage of their struggle. During the war of 602—628 the Persians initially conquered most of the eastern territories of the Romans, however, the latter could resist this Sasanian onslaught and finally restore a pre-war frontier *status quo*.

A result of the four-hundred-year struggle between Sasanian Iran and the Roman/Byzantine empire was their

mutual serious weakness and incompetence to withstand a new formidable menace — the Muslim Arabic invasions that put an end to the ancient Iranian civilization and gave birth to a new stage of the world history.

ОБ АВТОРЕ ЭТОЙ КНИГИ

Владимир Алексеевич Дмитриев родился в 1973 г. в городе Острове Псковской области.

В 1995 г. закончил исторический факультет Псковского государственного педагогического института имени С. М. Кирова. В 2003 г. на кафедре всеобщей истории Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук на тему «Аммиан Марцеллин и персы (восточная цивилизация в восприятии римского историка IV в. н. э.)».

В настоящее время работает заведующим научно-исследовательской частью кафедры всеобщей истории Псковского государственного педагогического университета. Является автором научных статей по проблемам истории и источниковедения поздней античности и сасанидского Ирана, учебных и учебно-методических пособий, редактором ряда научных и учебных изданий, написанных в сотрудничестве с Петербургскими историками.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Часть 1. Военное дело персов в эпоху Сасанидов.	9
Глава 1. Состав и организация сасанидского войска	10
§ 1. Структура войска персов	10
А. Основные рода войск	11
Б. Этнический состав	27
§ 2. Организация армии Сасанидов	44
Глава 2. Вооружение и снаряжение сасанидской армии	60
§ 1. Оружие	60
§ 2. Защитное снаряжение	74
§ 3. Осадная техника	85
Глава 3. Тактика персидской армии	93
§ 1. Тактика ведения полевой войны	95
§ 2. Тактика ведения осадной войны	122
А. Действия при осаде	123
Б. Действия при обороне	133
Глава 4. Военная стратегия персов	140
Часть 2. История военно-политического противостояния Римской (Византийской) империи и сасанидского Ирана	159

Глава 1. Сасанидский Иран и Римская империя в середине III—конце IV в.	162
§ 1. Начало противостояния: от преобладания Ирана к гегемонии Рима (235—298 гг.)	162
§ 2. Смена лидера (298—387 гг.).	183
Глава 2. Держава Сасанидов и Восточная Римская империя в конце IV—конце VI в.	210
§ 1. Враги-союзники (387—540 гг.).	210
§ 2. Хосров Великий: натиск на запад (540—579 гг.)	234
Глава 3. Сасанидский Иран и Византийская империя в конце VI—первой трети VII в.	284
§ 1. Неустойчивое равновесие (579—591 гг.)	284
§ 2. «До Ионии и Карики» и обратно (591—628 гг.)	317
Заключение	322
Библиография	325
Приложения	340
Summary	357
Об авторе этой книги	360

Серия
«Militaria Antiqua»

В. А. ДМИТРИЕВ

«ВСАДНИКИ В СВЕРКАЮЩЕЙ БРОНЕ»

**Военное дело сасанидского Ирана
и история римско-персидских войн**

научно-популярное издание

ISBN 5-85803-338-7 («Петербургское Востоковедение»)

Редактор и корректор — Н. В. Пивоварова
Технический редактор — Г. В. Тихомирова

Макет подготовлен издательством
«Петербургское Востоковедение»

Издательство «Петербургское Востоковедение»
191186, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18

Подписано в печать 11.01.2008. Формат 70×100 ¹/₃₂
Гарнитура основного текста «Таймс»
Печать офсетная. Бумага офсетная
Тираж 2000 экз. Объем 12 печ. л.
Заказ № 3347

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГУП «Типография „Наука“»
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

КНИЖНАЯ СЕРИЯ

MILITARIA ANTIQUA

Серия «Militaria Antiqua» посвящена истории военного дела народов и государств Евразийского материка в древности и средневековье.

Войны и военное дело играли огромную роль в жизни древних племен и государств, определяли их судьбы, меняли карту мира, поэтому изучение всех этих предметов всегда было важной задачей для историков-профессионалов. Но не менее важно для них другое — донести результаты своих исследований до самой широкой читательской аудитории.

Настоящая серия объединяет в себе ученый профессионализм и популярность изложения. Все книги серии хорошо иллюстрированы.

MILITARIA ANTIQUA

Ю. С. Худяков.

Сабля Багыра: Вооружение и военное искусство средневековых кыргызов

В книге рассматривается полная драматизма военная история кыргызов — кочевого народа тюркского происхождения, который обитал в средние века на просторах Южной Сибири и Центральной Азии. Автор в доступной и увлекательной форме рассказывает о войнах кыргызов с кочевыми империями, о создании ими в IX в. великой державы — Кыргызского каганата. Особое внимание он уделяет оружию кыргызских воинов и их искусству ведения боевых действий.

MILITARIA ANTIQUA

В. А. Горончаровский.
Между Империей и варварами:
военное дело Боспора
римского времени

Книга представляет собой первое всестороннее исследование военного дела и военно-политической истории Боспорского царства на рубеже и в первые три столетия нашей эры, т. е. в тот период, когда оно находилось в сфере политического влияния Римской империи, но тем не менее единственное из всех античных государств Причерноморья сохраняло тогда относительную независимость. Подробно рассмотрены организация, снаряжение и тактика боспорской армии, даны графические реконструкции внешнего вида и вооружения всадников и пехотинцев.

MILITARIA ANTIQUA

С. М. Рубцов.
Легионы Рима на Нижнем Дунае:
военная история римско-дакийских войн
(конец I—начало II века нашей эры)

Книга посвящена истории военных кампаний римских императоров Домициана (в 89 г. н. э.) и Траяна (в 101—102 и 105—106 гг. н. э.) против Дакии — царства, располагавшегося на территории современной Румынии. Автор не только уделяет внимание событийной стороне этих полных драматическими событиями войн, но и рассматривает особенности военного дела противостоящих сторон — организационную структуру, вооружение, стратегию и тактику как римской армии, так и войск даков и их союзников. Издание отлично проиллюстрировано.

Наши книги всегда в продаже в следующих магазинах:

**Специализированный магазин книг
по восточной тематике «Восточная коллекция»**
Отдельный стенд Центра «Петербургское Востоковедение». Возможность заказа книг из Санкт-Петербурга по тематическому плану и по индивидуальным заявкам
Москва, Большой Левшинский пер., д. 8/1, стр. 2
(«Смоленская», «Кропоткинская», «Парк культуры»)
(095) 201-34-38, 201-74-90. E-mail: east_coll@hotmail.ru

**«Университетский книжный салон»
(розница, мелкий опт)**
Специализированный книжный магазин гуманитарного профиля, распространяющий литературу по истории, психологии, страноведению, филологии, философии, религиоведению и др. дисциплинам
Отдельный стенд Центра «Петербургское Востоковедение». Возможность индивидуального заказа книг нашего издательства
199004, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11
(м. «Василеостровская»)
Тел.: (812) 328-95-11. e-mail: 3289511@mail.ru

*По поводу заказа книг нашего издательства
наложенным платежом по почте просьба обращаться
по адресу:*

199004, Санкт-Петербург, Шестая линия ВО, д. 11
Издательство Санкт-Петербургского университета,
отдел «Книга-почтой»
Тел.: (812) 328-77-63, 325-31-76
e-mail: izdat-spbgu@mail.ru

В. А. ДМИТРИЕВ ВСАДНИКИ В СВЕРКАЮЩЕЙ БРОНЕ

ВОЕННОЕ ДЕЛО САСАНИДСКОГО ИРАНА И ИСТОРИЯ РИМСКО- ПЕРСИДСКИХ ВОЙН

Данная книга является уникальным событием в российской военно-исторической литературе.

Впервые в отечественной историографии подготовлено исследование, в котором содержится комплексный, всесторонний и исчерпывающий анализ военного искусства и военной истории сасанидского Ирана — государства, сыгравшего ключевую роль в истории Евразии и во взаимоотношениях Западной и Восточной цивилизаций.

Автор подробнейшим образом рассматривает военное дело персов сасанидской эпохи во всех его аспектах: с точки зрения состава, организации, вооружения, технического оснащения персидской армии, стратегии и тактики ее действий. Отдельное внимание автор уделяет истории военно-политического противостояния Сасанидской державы и Римско-Византийской империи, в течение более чем пяти столетий (с первой половины III до середины VII вв.) определявшего геополитическую ситуацию на Ближнем и Среднем Востоке.

ISBN 978-5-85803-338-7

9 785858 033387

МИЛІТАРІА АНТІҚУА